

АНТИЧНЫЙ
МИР

РИМ И ЭЛЛИНИЗМ

ВОЙНЫ, ДИПЛОМАТИЯ,
ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА

А.П.
Беликов

Античный мир

Александр Беликов

**Рим и эллинизм. Войны,
дипломатия, экономика, культура**

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

Беликов А. П.

Рим и эллинизм. Войны, дипломатия, экономика, культура /
А. П. Беликов — «ВЕЧЕ», 2023 — (Античный мир)

ISBN 978-5-4484-8925-9

Рим, в течение веков продвигаясь к вершине своей славы, традиционно сочетал во внешней политике передовое военное искусство с хитроумными дипломатическими приемами. Приходя на помощь слабому государству, римская держава до времени умело скрывала свои агрессивные планы. Так Рим поступал на Западе, ту же политику проводил он и на Востоке. После окончания II Пунической войны, в достаточно краткий исторический период, римляне находят союзников среди эллинистических государств, создают военно-политические коалиции, умело используют смуты и несогласия внутри греческого мира. Постепенно захватывая одну страну за другой, Рим все шире распространяет свое господство на Восточное Средиземноморье и Малую Азию. Книга посвящена истории политических, экономических и культурных связей Республиканского Рима с государствами Восточного Средиземноморья. Автор рассматривает сложные вопросы римской военной экспансии, торговли и дипломатии, а также развитие основных принципов мировой политики Рима. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-4484-8925-9

© Беликов А. П., 2023

© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Предисловие автора	7
Введение	8
Глава I	26
Глава II	69
Конец ознакомительного фрагмента.	78

А.П. Беликов
Рим и эллинизм. Войны,
дипломатия, экономика, культура

© Беликов А.П... 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Предисловие автора

Издательство «Вече» предложило «как есть» переиздать мою книгу, вышедшую в свет в 2003 году. Если переписать её заново, используя всю новую литературу, появившуюся с тех пор, то это была бы уже во многом другая книга.

Поэтому пересмотренный и несколько расширенный текст монографии содержит исправления опечаток, некоторых неточностей и формулировок, ныне представляющихся мне не очень удачными.

Содержание и суть книги практически не изменились. Тем более что некоторые высказанные в ней идеи, которые тогда вызывали резкую критику, сейчас уже являются почти общепринятыми как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Это и мнение о том, что македонский царь Филипп V совсем не собирался воевать в Италии за интересы Карфагена, а преследовал собственные цели на Балканах, что римская экспансия отнюдь не «направлялась» руками итальянского купечества и совершенно не была борьбой за «рынки сбыта», а римский филэллизм представлял собой не политический, а почти исключительно культурный феномен. К этому следует добавить вывод о том, что греки и римляне испытывали по отношению друг к другу явную неприязнь, а эллины никогда не переставали считать гордых квиритов варварами. И т. д. и т. п.

И напротив, некоторые мнения, высказанные в книге, так и остались дискуссионными или мало разработанными и по сей день. За прошедшие годы на русском языке появилось не так много работ по данной теме, поэтому представляется, что актуальность самой монографии сохранилась, тем более что тираж первого издания был весьма незначительным и практически распродан.

Выражаю глубокую благодарность издательству «Вече» за возможность переиздания книги.

5 февраля 2023 года.

А.П. Беликов

P.S. На книгу была опубликована доброжелательная, написанная в лучших академических традициях, рецензия М.В. Белкина: (*Белкин М.В.* Рим и эллинизм: попытка решения проблемы // Мнемон. Вып. 2. СПб., 2003. С. 348–355). Не со всем в ней могу согласиться, но искренне благодарен автору за высказанные замечания.

Разумеется, монография, как и любой другой труд, не свободна от недостатков – пусть читатели судят об этом сами.

Введение

Восточная политика Римской республики – сложная дискуссионная тема. И хотя главными объектами этой политики были греки и эллинистические государства, само её начало связано совсем с другим этносом (карфагенянами), а её развитие столкнуло римлян с в разной степени эллинизированными жителями Малой Азии, а позже с евреями, армянами, парфянами. Но определяющими всё-таки были контакты с миром эллинизма: политические, военные, экономические, культурные. Во всём богатстве и многообразии этих контактов и произошло становление римской цивилизации, поэтому дихотомия Рим – эллинизм является принципиально важной – на стыке двух миров рождался новый, похоронивший эллинизм, чтобы расцвести на его обломках. Всегда интересны моменты кризисные, даже «гибельные», поскольку они очень ярко показывают: ничто не гибнет бесследно, ничто и не рождается на пустом месте. Проблема преемственности между эллинизмом и Римом остаётся принципиально важной, поскольку фундамент будущей европейской и даже мировой цивилизации составили именно эти две составляющие: греческая и римская культуры.

Посему взаимоотношения римлян с другими народами мы будем рассматривать вскользь и именно в их связи с главной нашей темой. В некоторых случаях мы даём собственную реконструкцию событий, существенно отличающуюся от общепринятой. Но это будет не описание событий, а их анализ. Работа строится не по хронологическому или территориальному, а по проблемному принципу. Нельзя объять необъятное. Мы будем ставить и пытаться решать проблемы, которые представляются нам наиболее важными, особо дискуссионными или слабее всего изученными.

Всегда особую важность имеют первые шаги, во многом определяющие всё последующее развитие событий. А конец III и начало II в. до н. э. имели исключительное значение для Рима и всемирной истории. II Пуническая война решила судьбу Западного Средиземноморья, Рим стал мировой державой. Борьба с пунийцами влияла на всю политику Рима, и рассматривать какие бы то ни было акции сената последней трети III в. до н. э. в отрыве от неё было бы ошибкой. Данный период знаменателен и другими «судьбоносными» событиями: Иллирийскими войнами, I Македонской войной, ставшими самым началом проникновения Рима в Восточное Средиземноморье. Они не избалованы чрезмерным вниманием исследователей, в чьих глазах грандиозность II Пунической войны несколько затмила эти, как казалось, менее драматические страницы истории.

Наконец, в отечественной историографии до сих пор отсутствует единая обобщающая работа по всему периоду восточной политики Республики – от I Иллирийской войны до аннексии Египта в 30 г. до н. э., хотя существует немало работ по отдельным её аспектам. Наш труд и представляет собой попытку восполнить этот пробел и дать дополнительный импульс к изучению поставленных проблем.

Любопытная закономерность: многие книги имеют заголовок «Эллинизм и Рим...», но почти нет работ «Рим и эллинизм...», поэтому мы попытаемся взглянуть на проблемы их взаимоотношений «с римской стороны», не теряя при этом объективности.

Цели и задачи: проанализировать генезис глобальной римской внешней политики, её становление и развитие, вычленив основные этапы и показать их специфику, проследить связь между внешней политикой и внутренней, политикой и экономикой, выявить особенности «этнического менталитета» квиритов и показать, как он влиял на саму политику. Тема даёт материал для обобщений, выход на важнейшие вопросы: как и почему изменялась политика, как войны меняли Рим? Рассматривается и более широкий круг проблем: агрессия и гегемония, этническая нетерпимость и этноцентризм, взаимодействие народов и возможность «чест-

ной политики», принципы устройства государства, которые позволили полиэтническому Риму просуществовать рекордно долгое для империй время.

При работе мы столкнулись со многими трудностями, вроде недоступности некоторых книг и журналов, вообще отсутствующих на территории России. И одной проблемой: многие теории, которые мы пытались доказывать ещё 20 лет назад в студенческих курсовых и дипломной работе и которые тогда воспринимались скептически (связь Пунических войн с Балканскими, нежелание Филиппа V воевать в Италии на стороне Ганнибала, отсутствие фил-эллинизма в политике...), сейчас в зарубежной историографии считаются уже бесспорно доказанными и очевидными. Посему сноски на эти работы будут, но отдельно будет и авторский текст.

Тема достаточно хорошо обеспечена источниками, хотя и не по всем её периодам и проблемам. Источники можно разделить на три группы.

1. Нарративные. Они являются наиболее информативными и полными. Наибольшую значимость имеет **Полибий**: 1) очевидец и участник многих описываемых событий; 2) следующий Фукидиду в принципах глубокого исследования явлений. Правда, он не всегда бывает объективен, особенно по отношению к врагам Ахайи этолийцам. Следует учитывать обстоятельства его биографии и тот факт, что он писал не только для греков, но и для римлян, поэтому ему приходилось соблюдать «политкорректность». Однако, несмотря на некоторые недостатки, это по-настоящему научный труд, основанный не только на личном опыте, но и на работе в архивах и обработке воспоминаний «ветеранов». Качество его работы не вызывало сомнений уже у его современников. Давно доказано, что даже «сугубый патриот» Ливий часто использовал его, предпочитая даже анналистам¹. По оценке самого Ливия, Полибий – «автор, заслуживающий большого уважения» (Liv. XXX.45). Ещё в древности он пользовался огромным авторитетом.

Тит Ливий, пожалуй, самый информативный и обстоятельный источник для огромного периода римской политики. Если бы сохранились все 142 книги его труда, неясных и спорных вопросов осталось бы намного меньше. Очень подробно излагаются сами события, ценно, что автор представляет чисто римский взгляд на них, помогая нам глубже понять саму римскую ментальность и поведенческие модели взаимоотношений. Его труд написан для прославления Рима, он использовал чрезвычайно тенденциозных анналистов, критика источников у него почти отсутствует, поэтому пользоваться им следует осторожно, сверяя со свидетельствами других авторов. Ливий стремится быть объективным, не опускается до явных фальсификаций, но он замалчивает или смягчает то, что могло бы бросить тень на величие Рима. Его зависимость от анналистов снижает качество его сочинения и степень достоверности, особенно в том, что касается «победных реляций»: численность убитых и пленённых врагов, потери римлян, роль союзников в сражениях.

Важен труд галла **Помпея Трога** в 44 книгах, опиравшегося на утраченные сочинения врагов Рима, представлявших совсем другой взгляд на события, и сохранившийся лишь в сокращённом изложении Юстина. Правда, Юстин сокращал его произвольно и заметно искажал первоначальный текст², очевидно, выбрасывая и сглаживая то, что не вписывалось в русло проримского историописания. Однако текст иногда сохраняет антиримскую традицию с её резкой оценкой римской политики.

Грек из Александрии **Аппиан**, несмотря на ошибки и неточности, часто даёт информацию, которой нет в других источниках³. Очевидно, он также использовал не дошедшую до

¹ См.: Пирогов В. Исследования по римской истории, преимущественно в области третьей декады Ливия. СПб., 1878. С. 9.

² Зельин К.К. Основные черты исторической концепции Помпея Трога // ВДИ. 1948. № 4. С. 209.

³ Краткий, но блестящий и не устаревший до сих пор обзор источников дал Б. Нибур. Английский перевод его книги: Niebuhr B.G. Lectures on the history of Rome. London, 1903. P. 4—50.

нас эллинистическую традицию, представляющую альтернативную версию событий, не расположенную к римлянам⁴. Он родоначальник принципиально нового построения исторического труда – территориально-этнического, посвящённого событиям, связанным с отдельными странами или народами. Несмотря на некоторые недостатки, «в целом это серьёзный и интересный автор»⁵.

Плутарх часто пишет о том, чему другие авторы уделяют мало внимания: о характере героев, их привычках, мелких бытовых деталях, которые позволяют так много узнать о человеке. Информативность его биографий (особенно Марка Антония и Красса) чрезвычайно высока, иногда ему удаётся воссоздать психологически объёмную характеристику личности. Главная трудность при работе с ним: далеко не всегда можно чётко установить, где он приводит исторический факт, а где пересказывает «анекдоты», которые античные люди любили не меньше наших современников. Классический пример – жемчужина, растворённая в уксусе, который Клеопатра выпила без малейшего ущерба для своего здоровья...

Павсаний, написавший большую работу «Описание Эллады», строго говоря, не был географом – он даёт информацию и по историческим событиям, хотя для него это и не являлось главной задачей. Во многом благодаря только ему мы имеем хоть какие-то сведения о Греции после 146 г. до н. э.

Страбон, автор «Географии» в 17 книгах, лично объездил почти всё Средиземноморье, поэтому его труд имеет особое значение. Данные, приводимые им, обычно заслуживают доверия, тем более что он старался использовать авторов, происходящих из описываемых им регионов. Чисто географические сведения его труда много дают для понимания экономики и этнопсихологии стран и народов. Остаётся лишь сожалеть, что вторая его большая работа – продолжение истории Полибия, погибла безвозвратно.

Дион Кассий Коккейан, от труда которого, к сожалению, сохранились лишь фрагменты. Достоинства его работы бесспорны. Он один из последних авторов, решившихся на написание объёмистого исторического сочинения в 80 книгах, что во время его жизни (II–III вв. н. э.) было уже немодным и не пользовалось читательским спросом. Почтенный возраст, в каком он начал свой труд, огромный политический опыт, приобщённость к тайнам правления, явно хорошее образование и несомненные аналитические способности позволили Диону Кассию создать настоящее исследование. Даже немногие полностью сохранившиеся книги (XXXVI–CIV – о событиях 68–10 гг. до н. э.) показывают мастерство грека. Действительно, он «не нуждается в апологии»⁶. У него была возможность использовать не только латинских, но и греческих авторов, многие из которых до нас не дошли. При всей лояльности к римской власти он иногда приводит сведения, отличающиеся от «типично квиритской» точки зрения.

Луций Анней Флор – яркий представитель новой генерации историков-эпитоматоров, вызванных к жизни изменившимися потребностями читателей. К концу Республики «всё иностранно изложенное, хотя и продолжало вызывать уважение бездной затраченного времени, уже порождало зевоту»⁷. Составленная Флором краткая история римских войн в двух книгах может быть охарактеризована как «тематический конспект». Труд его официозен, сомнения и размышления ему не свойственны, повторяя предшественников, он пишет: пленённый любовью к Клеопатре, Антоний забыл родину... (XXXI.IV.11.1–3).

⁴ Об источниках Помпея Трога и Аппиана см.: *Walbank F. W. Sources for the period* // САН. 2nd ed. Vol. VII. Part 1. The Hellenistic world. Cambridge, 1984. P. 6–8.

⁵ *Бокицанин А. Г.* Источниковедение Древнего Рима. М., 1981. С. 36.

⁶ *Millar F.* A Study of Cassius Dio. Oxford, 1964. P. 72.

⁷ *Немировский А. И.* Предисловие // Малые римские историки. В. *Патеркул*. Римская история. А. Флор. Две книги римских войн. Луций Ампейлий. Памятная книжица. М., 1996. С. 6.

Веллей Патеркул оставил краткую историю Рима в двух книгах. Изложение конспективное, что не мешает автору приводить мелкие любопытные подробности и заниматься морализаторством.

Для истории поздней Республики огромное значение имеют сочинения **Саллюстия**. Современник и участник многих драматических событий, он знал о них не понаслышке. Благодаря общему настрою его трудов (осуждение нравственной порчи римлян) мы много узнаём о глубине морального кризиса, поразившего Республику в последний век её существования.

Гай Светоний Транквилл, живший в императорскую эпоху, проявлял свойственный этому периоду интерес уже не столько к героям, сколько к правителям. Традиционно считается, что как биографа его затмил Плутарх, и сравнение с ним не в пользу Светония⁸. Однако, как нам кажется, его биографии Цезаря и Октавиана выгодно отличаются от описаний Плутарха прежде всего своей документальностью, иногда автор приводит даже тексты документов. Серьёзный недостаток его главного труда – «Жизнь двенадцати цезарей» – заключается в хронологических сбоях, когда он нарушает последовательность событий ради каких-то любопытных подробностей.

Цицерон, как современник описываемых им событий, один из важнейших источников, несмотря на его предвзятость и эмоциональность, впрочем, вполне понятные. Особую ценность имеют его речи и письма, являющиеся великолепным памятником эпохи и дающие большое количество разнородной, но интереснейшей информации. Они дают «непосредственный, живой отголосок событий»⁹. В них тоже заметно стремление оратора показать себя с самой лучшей стороны, но сама специфика эпистолярного жанра вынуждала его кратко и точно излагать события. Мы всецело присоединяемся к лестной характеристике, данной Корнелием Непотом: «Кто прочтёт письма Цицерона к Аттику, тому не понадобится историческое повествование о тех временах. В них так подробно описаны политические страсти вождей, развращённость военачальников и перемены, происходившие в государстве, что всё становится ясным» (XXV.15).

Евтропий, хотя и поздний автор (IV в. н. э.), но стилем очень близкий к анналистам. Он даёт лишь перечень событий, не всегда умея выделить в них главное, изложение неглубокое. Так, уничтожение Коринфа он объясняет «обидами», нанесёнными римским послам (IV.III); обвиняет Антония в том, что тот под влиянием Клеопатры желал царствовать в Риме и затеял междоусобную войну (VII.IV).

Диодор Сицилийский, «великий компилятор», иногда не замечающий противоречий между частями своего текста, заимствованными у разных авторов, отличается многословием и велеречивостью. Главное его достоинство – оно сохранил для нас фрагменты многих утраченных историков предыдущего периода.

Корнелий Непот, пожалуй, самый скучный и сухой автор, хотя и сложно согласиться, что он – «второстепенный историк»¹⁰. Присущие ему недостатки – неточности и даже фактические ошибки, необоснованные утверждения, поверхностные суждения. Он свято верит, что «римляне доблестью превосходили все народы» (XXIII,1), явно преувеличивает степень влияния Ганнибала на Филиппа V, Антиоха III и вифинского царя Прусия. В то же время он упоминает мелкие подробности событий, ускользнувшие от внимания других историков, а ряд его высказываний показывает, что он пытался проникнуть в психологию человеческих поступков («Нрав человека определяет его судьбу» – XXVI.19), что вызывает уважение. Именно Непот придумал жанр сравнительных биографий, что подтверждает его интерес к личности.

⁸ Подробнее см.: *Гаспаров М.Л.* Светоний и его книга // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988. С. 341–342.

⁹ *Ардашев П.* Переписка Цицерона как источник для Юлия Цезаря от начала столкновения последнего с сенатом до его смерти. М., 1890. С. 19.

¹⁰ *Бокицанин А.Г.* Указ. соч. С. 59.

Зонара. Автор поздний и неоригинальный, но иногда он сохраняет следы утраченной античной традиции.

Менее значительные авторы позволяют уточнять сведения наших основных источников. Источники дополняют друг друга, им можно устроить «перекрёстный допрос» и таким образом, выявив расхождения, попытаться установить истину.

2. Эпиграфические источники, несмотря на свою краткость и порой фрагментарность, имеют особую ценность, как свидетельства документальные. Для нашей темы очень полезны оказались сенатусконсульты о правах отдельных греческих городов, свод делосских надписей и эпиграфический материал из Пергама, позволивший уточнить информацию письменных источников и подвергнуть критической проверке некоторые выводы историографии.

3. Археологические и нумизматические источники, при всей сложности их интерпретации, являются той материальной основой, без которой просто невозможно исследовать вопросы экономики и торговли. Они неоспоримо доказывают: утверждения о гибели родосской торговли после 168 г. до н. э. являются, мягко говоря, преувеличением. Анализ находок римских денариев на востоке свидетельствует о слабой роли римской монеты в торговом обороте вплоть до конца I в. до н. э., что отнюдь не может быть случайностью.

Зарубежная историография богаче отечественной, т. к. начала развиваться раньше и всегда обладала большими материальными и «контактными» возможностями. Западное антиковедение полицентрично, представлено большим разнообразием научных школ и направлений, оно тоже не свободно от идеологизаторства, но никогда (за исключением периода германского и итальянского фашизма) не подвергалось давлению со стороны государства. В то же время мы далеки от того, чтобы относиться к зарубежным работам с пиететом, и прекрасно видим как их достоинства, так и недостатки.

Представляется, что развитие зарубежного антиковедения можно разделить на четыре этапа, с довольно условными хронологическими границами, но со специфическими чертами, присущими каждому из них.

1. Период становления: до 1860 г. Недостатки: некритическое отношение к источникам, напыщенность и многословие, тенденция к созданию громоздких общих курсов истории Рима, малое количество специальных работ, посвящённых конкретным вопросам, пересказ фактов и почти полное отсутствие *проблематики исследования*. Первые труды европейских учёных являлись простым пересказом античных авторов¹¹. Правда, это был необходимый этап развития, нужно было накопить материал, реконструировать сам ход событий и их хронологию.

Из наиболее значимых имён выделим Ш. Монтескьё¹², заслуги которого в изучении Античности до сих пор недостаточно оценены. Его философская работа основана на источниках и сопровождается структурным анализом, качество которого неизмеримо превосходит присущие XVIII в. общие размышления. Характер войн и военной организации Рима автор выводит из его социально-политического устройства, трезво оценивает римскую политику, критически излагает материал источников. Автор убедительно объясняет порчу нравов и общую деградацию римлян ролью богатства, успешными завоеваниями и неравенством в распределении земли. На наш взгляд, им верно оценена деятельность Филиппа V, вынужденного подчиняться Риму, и отмечена тяга царя к мелким захватам. «Исторические знания Монтескьё огромны, историческое чутьё изумительно», – нам нечего добавить к этой характеристике А.Г. Вульфиуса¹³. Работа и сейчас не утратила значения, и во многом Ш. Монтескьё опередил науку своего времени, например многотомный труд Ш. Роллена¹⁴, излишне доверявшего источникам.

¹¹ Например – *Raleigh W. The history of the world*. London, 1960 (last ed.: London, 1971).

¹² *Montesquieu C. Considerations sur la causes de la grandeur de Romains et leur decadence*. Paris, 1734.

¹³ *Вульфиус А.Г. Монтескьё историк и политик // Из далёкого и близкого прошлого. Сб. этюдов по всеобщей истории*. М., 1923. С. 144.

¹⁴ Рус. перевод: *Роллен Ш. Римская история от основания города до битвы при Акциуме*. Т. 16. СПб., 1739–1749.

В то же время Ш. Роллен в другом своём многотомнике одним из первых указал на различные варианты договора Филиппа V с Ганнибалом у Полибия и Ливия¹⁵. Касаясь этого договора, А. Фергюсон пришёл к парадоксальному выводу, что он был заключён в пользу Деметрия Фаросского¹⁶. Отсюда идёт очень живучая традиция чрезмерно преувеличивать влияние Деметрия на царя.

Заметно выпадает из своей эпохи и книга Герена¹⁷: объективные оценки событий, римская политика характеризуется без малейшей идеализации, которая была так свойственна всему XIX в. Неслучайно и вполне оправданно «долгое время эта работа считалась одним из лучших руководств по древней истории»¹⁸.

Следующий этап – первые тома «Истории Рима» Т. Моммзена¹⁹, ставшие важной вехой в развитии романистики. Находясь на рубеже выделенных нами 1-го и 2-го периодов, они одновременно стали и шагом вперёд, и шагом назад. По методам исследования они принадлежат уже к новой эпохе: научная критика источников, проблемный характер изложения, анализ событий, оригинальные выводы, много новых идей. Правда, далеко не все выводы бесспорны; так, нельзя падение Македонии объяснять лишь особенностями характера Персея²⁰. Вместе с тем, а это и есть шаг назад, автор своим авторитетом надолго закрепил в науке главный недостаток первого периода: идеализацию римлян и их политики. Сам несомненный талант немецкого учёного, соединённый с его полемической страстностью и язвительностью по отношению к оппонентам, явился причиной того, что в историографии стал чуть ли не аксиомой постулат: сенат был не агрессором, а миротворцем. Т. Моммзену принадлежит идея «защитного империализма», оказавшая колоссальное влияние на историографию.

2. Период зрелости: до 1930 г. Однако примерно тогда же появились работы, полемизирующие с таким подходом, а также свойственными Т. Моммзену модернизаторскими тенденциями. Они более академичны, изложение взвешенное, авторы стараются быть предельно объективными и не допускать в научные построения личные симпатии и антипатии, чем так грешили труды Т. Моммзена. Это и есть один из критериев (более зрелые работы, избавившиеся от детской восторженности и юношеской пылкости), позволивших нам начать второй период примерно с 1860 гг. Например, характерен восьмитомник В. Ине, осуждавшего жестокость и коварство римлян, указывавшего на тенденциозность источников и необходимость критического к ним отношения. Его труд создан в противовес Моммзену, к которому автор высказывает антипатию, для него нет героев, и он осуждает жестокость римского характера²¹. На наш взгляд, В. Ине впадает в другую крайность, априори постулируя эту пресловутую жестокость как неотъемлемую черту ментальности квиритов. Ф. Шлоссер и Г. Вебер издали обширные всемирные истории²², написанные без идеализации Рима, с позиций трезвого академического скептицизма. Реалистическими взглядами отличается и обстоятельная работа Г. Герцберга, сомневающегося в намерении Филиппа V начать решительную войну с Римом и отмечавшего, что величайшая заслуга римлян – это создание единой «национальной державы»²³.

¹⁵ Рус. перевод: Роллен Ш. Древняя история об египтянах, о карфагенянах и других народах. Т. 8. СПб., 1761. С. 68.

¹⁶ Ferguson A. The history of the progress and termination of the Roman Republic. Vol. 1. London, 1783. P. 139.

¹⁷ Рус. перевод: Герен. Руководство к познанию древней политической истории. М., 1836.

¹⁸ Шофман А.С. Изучение античной истории в Казанском университете. Казань, 1956. С. 7.

¹⁹ Mommsen T. Romische Geschichte. 2 Bd. Berlin, 1854–1855.

²⁰ См.: Raditsa L. Bella Macedonica // ANRW. Bd. 1. Berlin, New York, 1972. P. 579.

²¹ См.: Историография античной истории / Ред. В.И.Кузищин. М., 1980. С. 107.

²² Рус. перевод: Шлоссер Ф. Всемирная история. Т. 3. СПб., 1862; Вебер Г. Всеобщая история. Т. 3. М., 1892.

²³ Рус. перевод: Герцберг Г. История Рима. СПб., 1881. С. 324, 379.

Интересен труд К. Нича²⁴, выразившего сомнение в желании Филиппа V воевать в Италии, но не развившего эту мысль. Автор обращался к вопросу, почему сенат так долго отказывался от приобретения провинций. По его мнению, это шло от желания сохранить крестьянское хозяйство и не отвлекать граждан на гарнизонную службу. Эта позиция стала общим местом в историографии, хотя, на наш взгляд, она даёт очень неполное объяснение столь сложной проблемы (см. главу 3). В этой связи нельзя не упомянуть семитомный труд В. Дюрюи. Важен его тезис о том, что сенат, завоевав мир, не знал, как им управлять²⁵. Вероятно, именно В. Дюрюи является родоначальником популярной и сейчас теории, объясняющей длительность перехода к провинциям косностью политического мышления римлян. Кроме пресловутой косности, он не касается ни конкретно-политических, ни социально-экономических аспектов, поэтому его концепция по меньшей мере неубедительна.

Ценным вкладом в историографию стала работа «историка-психолога»²⁶ Г. Ферреро²⁷. Она наиболее полно воплотила в жизнь второй принцип, по которому мы выделили период «зрелости» – интерес к психологическому миру творцов истории, стремление вскрыть самые глубинные мотивы поступков человека. Это позволило итальянскому учёному дать прекрасный анализ внутривосточной жизни Рима, показать роль завоеваний в падении нравов квиритов.

Отношениям Рима с Грецией специально посвящена монография Г. Колена. Причиной агрессии на Балканы автор считает самих греков, вызвавших её своими раздорами, настаивает на мягком характере политики сената, сенаторов довольно произвольно делит на либералов, жёстких либералов и сторонников подавления²⁸. Большим минусом книги является то, что Г. Колен обошёл концептуальный вопрос, была ли Греция свободной после 146 г. до н. э.²⁹ Вероятно, именно потому, что ответ на такой вопрос разрушил бы все его построения о благодетельной роли Рима на Балканах. Это и есть главный недостаток второго периода – в нём господствовала идея «защитного империализма». Развивая её, М. Олло создал теорию превентивных войн³⁰. Согласно Т. Франку, во всех войнах Рим защищал себя и свободу союзников³¹. Неудивительно, что американский исследователь внешнюю политику Рима считал «идеалистической», изменение курса связывал всего лишь с возросшим практицизмом, а медлительность перехода к провинциальному устройству объяснял затянувшимися экспериментами с протекторатом³². Самый конец периода отмечен становлением новых тенденций: отрицая наличие обдуманного империализма в Риме, М. Ростовцев в то же время отмечает несентиментальный характер римской политики³³, что стало явным шагом вперёд. Это подготовило почву для начавшегося примерно с 1930 гг. третьего периода.

3. Аналитический период: до 1980 г. Для него характерны: 1) возросший интерес к социально-экономическим вопросам, что мы отчасти склонны объяснять желанием западных историков «дать отпор» социологизаторским схемам советских античников; 2) критический пересмотр концепций предшествующего периода; 3) более высокая степень аналитичности; 4) обобщение накопленного материала, создание академических многотомных историй Античности.

²⁴ Nitzsch K. Geschichte der Römischen Republic. 2 Bd. Leipzig, 1884–1885.

²⁵ См.: Историография античной истории. С. 115.

²⁶ Сергеев В.С. Рабовладельческие общества. Л., 1924. С. 27.

²⁷ Ferrero G. Grandezza e Decadenza di Roma. Vol. 1. Rome, 1904.

²⁸ Colin G. Rome et la Grece de 200 a 146 au J.C. Paris, 1905. P. 665.

²⁹ Opus cit. P. 642.

³⁰ Holleaux M. Rome, et la Grece et les monarchies hellenistiques. Paris, 1920.

³¹ Frank T. Roman imperialism. 2nd ed. New York, 1929. (Первое издание вышло ещё в 1914 г.).

³² Frank T. A history of Rome. New York, 1928. P. 148, 164.

³³ Rostovtzeff M. A history of the ancient world. Vol. 2. Oxford, 1927. P. 70, 72.

Для понимания специфики римской экономики огромное значение имеют 1-й и 4-й тома капитального труда под общей редакцией Т. Франка³⁴ и ряд специальных монографий авторитетных зарубежных учёных. Монументальную работу об экономике и торговле эллинизма издал М. Ростовцев³⁵.

Следует остановиться на работе Р. Сайма, применившего новый тогда просопографический метод³⁶. Его конечный вывод: политическая борьба в Риме определялась не спором партий или политических программ, а столкновением интересов самых влиятельных фамилий, вокруг которых группировались приверженцы, связанные с ними чисто личными отношениями. И во многом это верно. Дальнейшее развитие метода связано с именами Ф. Мюнцера, Д. Брискоу и других учёных. Просопография интересна и полезна, позволяет получить новые частные факты и уточнить уже установленные, но, на наш взгляд, она является вспомогательным методом и не должна претендовать на глобальные выводы и слишком широкие обобщения. Игнорируя всю сложность переплетения личных мотивов лидеров с конкретной исторической ситуацией, сторонники метода всю социально-политическую борьбу зачастую сводят к столкновениям внутри нобилитета, преувеличивая роль вождей. Это так же неубедительно, как и позиция В. Тарна, среди факторов, определяющих исторический процесс, решающую роль отводящего идеологическому³⁷.

Важным событием стало издание книги Э. Бэдиана³⁸. Ему принадлежит выработка концепции иностранной клиентелы. Осознание её неэффективности привело к прямому управлению завоёванными территориями, но главным фактором Э. Бэдиан считает лишь малую эффективность прежней системы. Важен вывод автора об отсутствии у сената заранее обдуманного плана завоевания Средиземноморья. Признавая наличие римских интересов на Востоке, он в то же время верит и в миролюбие сената.

Для своего времени заметным явлением стало издание многотомной «Кембриджской древней истории». Однако она впитала в себя не только достижения, но и недостатки периода, в частности – концепцию «оборонительного империализма». В итоге она довольно быстро морально устарела, что и привело к новому изданию, которому, похоже, суждена долгая жизнь, т. к. оно избавилось от многих минусов предыдущего. Совместными усилиями западных антиковедов издаётся фундаментальный труд «Подъём и упадок римского мира», первый том которого едва ли устареет, поскольку написан с академической сдержанностью в оценках³⁹.

Отметим интересную книгу Б. Форте⁴⁰, на наш взгляд, незаслуженно раскритикованную М. Кроуфордом за «банальное заключение»⁴¹ о том, что греки не любили римлян, помыкавших ими. Свой вклад в биографический жанр внёс Г. Бенгтсон, но, подобно многим предшественникам, он искусно обошёл дискуссионный вопрос об итальянских амбициях Филиппа V⁴², якобы действительно имевших место в планах македонского царя.

Длительную дискуссию вызвала неординарная работа У. Харриса, детально исследовавшего римский империализм периода Республики⁴³. Книга богата фактическим материалом, содержит новые мысли, опровергает многие устоявшиеся представления. Однако автор почти всё сводит только к жажде славы и добычи, преувеличивает агрессивность римского народа, не

³⁴ ESAR. Vol. 1. Baltimore, 1933; Vol. 4. Baltimore, 1938.

³⁵ Rostovtzeff N. SEHWW. Vol. 3. Oxford, 1941.

³⁶ Syme R. Roman revolution. Oxford, 1933.

³⁷ Рус. перевод: Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М.: Иностр. лит., 1949.

³⁸ Badian E. Foreign clientella. Oxford, 1958.

³⁹ Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Erster Band. Berlin, New York, 1972.

⁴⁰ Forte B. Rome and Romans as Greeks saw them. Roma, 1972.

⁴¹ См. его рецензию: JRS. 1975. Vol. 65. P. 194.

⁴² См. рус. перевод: Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 264.

⁴³ Harris W. War and imperialism in republican Rome. 327—70 B.C. Oxford, 1979.

затрагивает причин перехода к провинциям, не даёт чёткого решения проблемы аннексии. В проблеме римского империализма учёные разделились на «романистов» и «эллинистов», первые (М. Олло) настаивали на неагрессивности Рима, вторые (Ф. Уолбэнк) проводили мысль об оборонительной позиции эллинистических государств⁴⁴. Оба мнения, на наш взгляд, являются крайностями. И хотя восточной агрессии Рима уделили внимание столь авторитетные учёные, как «патриарх антиковедения» А. Тойнби, Э. Бэдиан, П. Бенеке, В. Эренберг, Н. Хэммонд, Г. Делл и многие другие, некоторые их выводы представляются нам недостаточно обоснованными. Тема римской политики остаётся одной из актуальнейших, можно согласиться с Ю.Е. Журавлёвым, «не только потому, что во многом объясняет дальнейшую судьбу Средиземноморья, но и тем, что оказывается созвучной острым современным международным проблемам»⁴⁵.

Из важнейших работ последнего десятилетия периода отметим две. Р. Эррингтон⁴⁶ кроме сложнейшей проблемы датировки вступления Этолии в 1-ю Македонскую войну затронул некоторые другие острые аспекты, которых обычно избегают более осторожные исследователи. И. Гарлан одним из немногих указал, что причиной Иллирийских войн были не коммерческие, а стратегические интересы Рима, что отношение сената к этолийцам определялось прежде всего той ролью, которую они играли или пытались играть в жизни Греции⁴⁷.

4. Современный период: с 1980 г. Начало периода определено нами довольно условно. Критерии: 1. Нарастающее влияние современной жизни на внутреннее восприятие и оценки далёкого прошлого (не модернизация!). 2. Развитие контактов благодаря электронной почте. Улучшение доступа к информации благодаря Интернету. 3. Увеличение роли ранее «периферийных» центров антиковедения. Растущий международный авторитет финских, испанских, нидерландских, чешских, польских, хорватских античников, в меньшей степени – отечественных. 4. «Примирение» отечественного антиковедения с западным. Нам всегда претило определение «буржуазная наука», ибо наука едина, и делить её таким образом... Уничижительные оценки зарубежной историографии – пережиток «холодной войны» и «противостояния двух миров». Критиковать нужно конкретные построения автора, а не его государственную принадлежность или приверженность другой идеологии.

На рубеже 3-го и 4-го периодов в решении некоторых частных вопросов англоязычная историография превосходила отечественную (оценка политики Филиппа V, соотношение национального и социального в антиримской борьбе греков, роль Рима в восточных событиях, «торговый империализм»). Проблемы борьбы Рима за Балканы наиболее полно освещены в современной англоязычной историографии. Но в постановке общетеоретических проблем наша наука опережала Запад, т. к. опиралась на материалистическое понимание истории и традиционно лучше владела теорией (следствие «насильственного» изучения философии в наших вузах). Сейчас наблюдается выравнивание: мы приняли многие их выводы, вместо общих работ стали чаще писать узкоконкретные; они создают обобщающие монографии, где масштаб и глубина теоретизирования стали на порядок выше (Э. Грюен). Общая черта: чаще проявляется комплексный подход, Античность берут во взаимосвязи социальных и политических аспектов, экономики, культуры, ментальности, этно- и социопсихологии. Новые поколения, более прагматичные, более искушённые в политике и познавшие истинную цену широко вещательным заявлениям официальной пропаганды, более критично, трезво и реалистически оценивают характер римской «свободы эллинов», филэллинизма, роль классовых и «национальных» факторов во внешней политике.

⁴⁴ Жигушин В.Д. Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. Казань, 1980. С. 9.

⁴⁵ Журавлёв Ю.Е. Некоторые аспекты восточной политики Римской республики начала II в. до н. э. и западная историография // ИСКНЦВШ. 1975. № 3. С. 73.

⁴⁶ Errington R.M. The dawn of Empire. Rome's Rise to World Power. Ithaca, New York, 1973.

⁴⁷ Garlan I. War in the Ancient World. A Social history. London, 1975. P. 34–35.

Правда, наметилась другая тревожная тенденция: восприятие западной историографии как истины в последней инстанции и неоправданный пиетет по отношению к ней. Ещё на одно прискорбное обстоятельство обратил внимание С.С. Казаров – пренебрежительное отношение к старой литературе. Основанная на блестящем знании классических языков, отличающаяся глубочайшим источниковедческим анализом, она не утратила и долго ещё не утратит своего значения⁴⁸. Добавим, «старая» – отнюдь не всегда «устаревшая», по основательности и глубине проникновения в суть проблем она порой превосходит довольно поверхностные исследования, главное достоинство которых заключается в том, что они – «новейшие». Нельзя отсекать себя от достижений предшественников, нарушая принципы научной преемственности и элементарные нормы этики научного исследования. Многие идеи, выдаваемые за «новации», были сформулированы ещё в XIX в., однако ссылки на их настоящих творцов иногда отсутствуют – автор либо их не знает, либо хочет показать значимость «собственных» выводов. Если одну и ту же мысль излагают учёные прошлого и авторы сегодняшних дней, стало дурной традицией давать сноску лишь на современную историографию, демонстрируя свою «продвинутость» и неуважение к «замшелым авторам». Знание истории становления идей, принципов развития мировой историографии является обязательным условием для серьёзного исследования, и это свойственно лучшим работам современности.

Из принципиально важных отметим работу Ф. Уолбэнка⁴⁹, одного из самых глубоких антиковедов мира. Дав общий очерк покорения Римом Востока, он достаточно подробно описал традиционную для эллинистических правителей политику «освобождения» подданных своих врагов, в результате которого «освобождённые» лишь меняли хозяев. Большое количество высококлассных исследований по самой широкой тематике опубликовал плодовитый учёный Э. Грюэн. Он очень много сделал для изучения этнопсихологических аспектов отношений Рима с соседями, мы будем часто ссылаться на его работы. Наиболее важный его труд – «Эллинистический мир и подъём Рима» – является поистине вершиной антиковедческих исследований. Однако общая установка автора, последовательно отрицающего использование сенатом итальянского опыта на Востоке⁵⁰, систему иностранной клиентелы в Греции⁵¹, наличие неравноправных договоров⁵² и римского арбитража⁵³ является ошибочной. Его теоретические построения не всегда выдерживают проверки фактами, и порой он противоречит сам себе, приводя конкретные примеры из источников⁵⁴.

Новейшая литература дала не так много интересных работ по нашей теме. Исследование эволюции эллинистического мира и его взаимоотношений с Римом написал П. Грин. Его оценки взвешенны, а выводы по-настоящему современны, хотя порой он допускает бездоказательные утверждения. Констатируя, что римляне с удовольствием проявляли ксенофобию по отношению к грекам, он полагает, что саму ксенофобию квиниты у них же и позаимствовали. А его оценка римско-иудейского договора 161 г. до н. э. представляется нам просто ошибочной⁵⁵. Положению Греции между Македонией и Римом посвятил основательную монографию П. Олива⁵⁶. Испанская историография, долгое время не особо заметная в мире, отметилась

⁴⁸ Казаров С.С. Царь Пирр: античная историческая традиция и современная историография. Ростов-на-Дону, 2002. С. 5–6.

⁴⁹ Walbank F.W. The Hellenistic World. New Jersey, 1981.

⁵⁰ Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Berkeley, 1984. Vol. 1. P. 52, 157.

⁵¹ Gruen E.S. Op. cit. Vol. 1. P. 54, 76, 159, 162, 168, 184, 185, 199. Vol. 2. P. 722.

⁵² Op. cit. Vol. 1. P. 52.

⁵³ Ibid. P. 99, 119.

⁵⁴ См.: Ibid. P. 14, 17, 158, 164–165, 169, 172, 191.

⁵⁵ Green P. Alexander to Actium. The historical evolution of the Hellenistic age. Berkeley; Los Angeles, 1993. P. 319, 441.

⁵⁶ Oliva P. Recko mezi Makedonií a Rimem. Praha, 1995.

основательным исследованием Л. Баллестерос Пастора о Митридате Евпаторе⁵⁷. Очень обстоятельную работу по истории Греции издал Д. Мусты, и хотя из 914 страниц текста интересующему нас периоду отведено меньше ста страниц, в них содержится немало интересных мыслей⁵⁸. Отметим книгу М. фон Альбрехта, по-новому взглянувшего на старый спор о том, кто был выше: Гомер или Вергилий, и «защитившего» римлянина. Выступая против традиционных нападок на римскую культуру, автор отмечает, что Рим был не только посредником греческого влияния, но и создал свой собственный мир образов, практическую жизненную философию, право и систему государственного устройства, ставшую основой большинства европейских государств⁵⁹.

На волне гендерной истории очень современную и необычайно психологичную книгу о Клеопатре издала И. Фрэн⁶⁰. Глубиной анализа её работа, пожалуй, превосходит всё до сих пор написанное о знаменитой царице. Финский исследователь А. Лямпела подвёл итог изучению римско-египетских отношений в очень добротной монографии, действительно представляющей собой последнее слово науки⁶¹. Подкупают краткость и чёткость изложения, самостоятельность автора и его критическое отношение к авторитетам, даже таким, как Э. Грюен. А. Лямпела использовал практически всю важнейшую литературу по своей теме, включая и работы на русском языке, что пока мало характерно для наших западных коллег. К сожалению, работа обрывается 80 г. I в. до н. э., оставив без внимания самые драматичные страницы римско-египетских отношений.

Даже краткий перечень новейших работ показывает неослабевающий интерес к римско-эллинистическим отношениям. Сейчас к таким исследованиям подключились представители стран, ранее не являвшихся признанными центрами антиковедения, – Чехии, Испании, Финляндии. Тем более не следует оставаться в стороне отечественной науке.

Объективно обстоятельства сложились так, что **отечественное антиковедение** развивалось под сильным влиянием немецкой научной школы. Германское антиковедение с XVIII века занимало лидирующие позиции в мировой науке⁶², лишь в середине XIX века оно было потеснено французским, а с начала XX века – английским, вернее англоязычным, ныне доминирующим. Формирующаяся ранняя русская романистика унаследовала как положительные качества немецкой науки (методичность, основательность, опора на источники), так и отрицательные (пересказ источников, многословие, стремление к чрезмерной порой фундаментальности). При этом, в силу особенностей нашей ментальности, работы XVIII – первой половины XIX веков отнюдь не отличались немецкой педантичностью и скрупулёзностью, допускали неточности и даже фактические ошибки, были не свободны от налёта некоторой наивности и даже полёта фантазии в трактовке событий.

Дореволюционная российская историография уделяла основное внимание Элладе, в меньшей степени – царскому и императорскому Риму. Проблематика Римской республики разрабатывалась достаточно слабо – в условиях непрерывно усиливающейся монархии и монархической идеи само обращение к реалиям республиканского устройства общества имело почти крамольный характер и не то чтобы преследовалось, но, скажем так, не приветствовалось. Наконец, чисто психологически историкам были ближе и понятнее монархические эпохи римской государственности.

⁵⁷ Ballesteros Pastor L. Mitridates Eupator, rey del Ponto. Granada, 1996.

⁵⁸ Musti D. Storia greca. Linee di sviluppo dall'età micenea all'età romana. Roma; Bari, 1997.

⁵⁹ Albrecht M. von. Rom: Spiegel Europas: Texte und Themen. Heidelberg, 1998. S. 653–654.

⁶⁰ Французское издание 1998 г., перевод на русский язык Т.А.Баскаковой: Фрэн И. Клеопатра, или Неподражаемая. М., 2001.

⁶¹ Lampela A. Rome and the Ptolemies of Egypt. The Developments of their Political Relations 273—80 B.C. Helsinki, 1998.

⁶² См.: Возникновение германского антиковедения, XVIII – первая половина XIX в. / Ред. В.Д. Жигушин. Казань, 1991.

В развитии нашей темы следует выделить несколько существенно отличающихся друг от друга этапов.

1. Начальный: до 1870 г. В этот период труды русских историков имели преимущественно общий характер и сводились к пересказу источников и выводов немецких авторов⁶³. Многие работы были написаны либо дилетантами, увлеченными античной историей, либо «всеобщими историками неопределенного профиля»⁶⁴, удовлетворяющими потребность общества в отечественных учебниках и книгах по истории Рима. Качество таких работ было недостаточно высоким, особо оригинальных мыслей они не содержали.

Так, Н. Тимаев, дав весьма поверхностную характеристику Атталу III, обвинял римлян в стремлении к «всемирному владычеству», одновременно утверждая, что они «щадил самолюбие греков»⁶⁵. И. Кайданов идеализировал личность Филиппа V⁶⁶. Н. Зуев в учебнике, написанном в трезвом академическом стиле, вслед за современной ему тенденцией преувеличивал влияние «бесстыжей» Клеопатры на Цезаря и Антония, неверно оценивал их поступки⁶⁷. Этот же недостаток свойствен и очень серьёзному исследованию Н.М. Благовещенского⁶⁸. Краткий очерк римско-греческих отношений дал В.Г. Васильевский⁶⁹.

Специальных работ по интересующей нас теме в первый период не создано. Можно отметить лишь небольшую, в 20 страниц, книжку «студента словесных наук» И.А. Решетникова⁷⁰, первого, кто на русском языке написал о культурной преемственности между греками и римлянами и попытался, хотя и слишком дилетантски, рассмотреть эту проблему. Вместе с тем отметим два очень важных суждения автора, которые на много лет опередили не только отечественную, но и мировую науку – римляне заимствовали то, «что сходно было с образом мнения их и правления»⁷¹, и «ученики скоро ничем не уступали учителям»⁷². На фоне господствующих в историографии XIX в. уничижительных оценок римской культуры по сравнению её с греческой это высказывание студента Решетникова многого стоит! Очень бегло коснулся этой проблемы в своей общей статье и М.М. Лунин, напыщенно и несколько категорично отметивший, что Рим – вместилище и проводник древних цивилизаций⁷³. Ту же мысль в своих «кандидатских рассуждениях», довольно глубоких для того времени, проводит Г.Л. Комаровский: вероятно, он первым в нашей литературе отметил великую роль войны в слаборазвитой римской экономике, проанализировал структуру импорта и экспорта, осудил безудержный грабёж провинций⁷⁴.

2. Прогресс и расцвет: 1870–1917 гг. В пореформенной России на основе экономического и культурного подъёма, развития университетского образования появилось больше возможностей для профессиональных занятий римской историей. Развивалась сеть библиотек, пополнялись их фонды, доступнее стала иностранная и переводная литература по Антич-

⁶³ Гераков Г. Краткая всеобщая история до Р.Х. СПб., 1806; Дьячков С. История Римской республики. М., 1827; Богоявленский М. История Рима. СПб., 1855; Разумов М. Общая история рода человеческого. М., 1861. (С грубыми фактическими ошибками!); Иловайский Д. Руководство ко всеобщей истории. Ч. I. М., 1869.

⁶⁴ Фролов Э.Д. Русская наука об Античности (историографические очерки). СПб., 1999. С. 143.

⁶⁵ Тимаев Н. Всемирная история. Книга для чтения русскому юношеству. Ч. I. История Древнего мира. СПб., 1860. С. 266, 363, 369.

⁶⁶ Кайданов И. Руководство к познанию всеобщей политической истории. Ч. I. Древняя история. СПб., 1837. С. 102.

⁶⁷ Зуев Н. Руководство к познанию всеобщей истории. Древняя история. СПб., 1848. С. 147, 243...

⁶⁸ Благовещенский Н.М. Гораций и его время. СПб., 1864.

⁶⁹ Васильевский В.Г. Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период её упадка. СПб., 1869.

⁷⁰ Решетников И.А. Опыт рассуждения о том, что именно римляне переняли от греков и этрусков и каким образом заимствования от сих народов обратили в свою пользу. М., 1817.

⁷¹ Указ. соч. С. 9.

⁷² Указ. соч. С. 14, 17.

⁷³ Лунин М.М. Несколько слов о римской истории // Москвитянин. 1841. Ч. V. № 10. С. 405–424.

⁷⁴ Комаровский Г.Л. Очерки Рима в финансовом и экономическом отношениях. М., 1969. С. 7, 52, 79–109, 138.

ности. Магистры за счёт государства проходили специализацию в крупнейших зарубежных университетах, получили доступ в библиотеки и музеи европейских столиц. В стране появились *специалисты по римской истории*. Русское антиковедение развивалось в самой тесной связи с европейской наукой и концентрировалось главным образом в университетах⁷⁵. При этом Санкт-Петербург стал преимущественно центром изучения новых источников, полиса, культуры Античности, а Москва – больше социально-экономической истории⁷⁶, что во многом определило последующее развитие антиковедения в нашей стране.

Ряд работ периода имеет косвенное отношение к нашей теме, например трёхтомник И.В. Нетушила о римских государственных древностях⁷⁷. Недостатком книги является отрыв самих государственных древностей от социальных отношений. Фундаментальное исследование М.И. Ростовцева⁷⁸ важно для понимания экономической жизни провинций и отношения провинциалов к Риму. Работа В.И. Герье интересна выводами о негативных для Рима последствиях завоеваний⁷⁹. Заметным явлением стали «Очерки истории Римской империи», много внимания уделившие внутривластной борьбе позднереспубликанского Рима и, в общих чертах, необходимости преобразований⁸⁰. С.А. Жебелёв много сделал для уточнения нескольких конкретных моментов балканской политики Рима⁸¹. Пожалуй, это единственные специальные работы периода, посвящённые непосредственно интересующей нас теме.

3. Упадок: 1917–1957 гг. После Октябрьского переворота антиковедение, как и всё в стране, оказалось в упадке. По точному определению Э.Д. Фролова, катастрофический обрыв 1917 г. стал трагедией для нашей античной науки⁸². Часть крупных учёных эмигрировали (Ф.Ф. Зелинский, М.И. Ростовцев и другие), некоторые погибли, другие были отстранены от преподавания или вынуждены в своей работе следовать идеологическим установкам партии и правительства. Организованной травле подверглись Жебелёв и Бузескул, из-за тяжёлых условий жизни преждевременно умерли Латышев и Никитский⁸³. Нарушилась преемственность поколений в науке. Подготовка специалистов был нанесён огромный ущерб, историки лишились возможности широко контактировать с зарубежными коллегами. В истории утвердился схематизм и социологизаторство. Когда в 1934 г. было восстановлено преподавание гражданской истории в вузах, потребовались специалисты, и пришлось восстанавливать их подготовку. Для развития науки это был сложный период, но следует отметить и некоторые положительные моменты: материалистическое понимание исторических процессов, внимание к социально-экономическим аспектам.

Уже первый советский учебник по истории Рима подробно рассматривал внутреннюю жизнь Республики⁸⁴. В разработке некоторых частных вопросов много сделали С.А. Жебелёв, А.И. Тюменев. Двухтомник В.С. Сергеева осветил многие недостаточно разработанные или спорные вопросы. В частности, важен вывод, что всадническое сословие окончательно сложилось не ранее конца II в. до н. э., интересны исследования юридического положения провинци-

⁷⁵ Историография античной истории / Ред. В.И. Кузищин. М., 1980. С. 172.

⁷⁶ См.: *Летяев В.А.* Российская историография об античном Риме (2 половина XIX – начало XX вв.). Автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 1989. С. 10.

⁷⁷ *Нетушил И.В.* Очерк римских государственных древностей. Т. 3. Харьков, 1894–1902.

⁷⁸ *Ростовцев М.И.* История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). СПб., 1899.

⁷⁹ *Герье В.И.* Основы римской истории. М., 1903.

⁸⁰ *Виппер Р.Ю.* Очерки истории Римской империи. М., 1908.

⁸¹ *Жебелёв С.А.* Первый год 2-й Македонской войны // ЖМНП. 1894. Ноябрь. С. 104–125; Он же. Из истории Афин. 229—31 гг. до Р.Х. СПб., 1898.

⁸² *Фролов Э.Д.* Указ. соч. С. 3–4.

⁸³ *Фролов Э.Д.* Русское антиковедение в Новейшее время: главные вехи развития – оценка настоящего состояния – взгляд в будущее // Исторические записки / Ред. Б.В.Ананьич. Т. 3 (121). М., 2000. С. 10.

⁸⁴ *Сергеев В.С.* История Древнего Рима. М.—Л., 1925.

алов⁸⁵. Краткий, но ёмкий обзор римской политики дал А.Г. Бокщанин⁸⁶, правда, не со всеми его выводами мы можем согласиться, особенно – с категорическим утверждением о желании Филиппа V воевать в Италии. Традиционно, вслед за Тюменевым, в нашей науке преувеличивались политическая роль и значение всадников, что заметно и в кандидатской диссертации С.И. Немировского⁸⁷.

Интересом к социально-экономическим проблемам отмечен ученик Н.А. Машкина⁸⁸. Труд С.И. Ковалёва, лучший из появившихся до сих пор отечественных учебников по Риму, кратко осветил многие сложнейшие вопросы, в том числе – восточную политику Республики⁸⁹. А.Б. Ранович показал римскую агрессию с точки зрения эллинистических государств⁹⁰. Это первый в отечественной историографии труд, достаточно подробно рассматривающий восточную экспансию Рима, однако общие выводы автора устарели, и далеко не со всеми его утверждениями можно согласиться.

1940–1950 гг. прошли под знаком изучения прежде всего экономических и социально-экономических отношений⁹¹. На наш взгляд, в какой-то степени этому способствовало и то обстоятельство, что после перемещения столицы в Москву и ослабления качества филологической подготовки античников «питерская школа», опирающаяся на скрупулёзную работу с источниками, несколько уступила свои позиции традиционным направлениям «московской школы», больше ориентированной именно на социально-экономические штудии, что к тому же соответствовало идеологическим установкам эпохи. К сожалению, развитию историографии препятствовали идеологические мотивы, диктат сверху, отсутствие свободы дискуссий, чрезмерное абсолютизирование материальных, социальных факторов⁹² и классовой борьбы⁹³, нападки на «романоцентризм»⁹⁴. Всё это в значительной степени обедняло нашу науку. Некоторые пережитки этого периода не изжиты до сих пор, сказываясь даже в новейших работах.

4. Возрождение: 1957–1991 гг. После смерти И.В. Сталина (1953 г.) должно было пройти какое-то время в научной атмосфере и самом мышлении учёных, с конца 1950-х, особенно, с начала 1960-х гг. появились более благоприятные условия для научного творчества, выше стало качество работ, освободившихся от некоторых идеологических догм, но тема Римской республики не пользовалась популярностью. Римско-селевкидские отношения очень подробно изложены в монографии А.Г. Бокщанина⁹⁵. Нам представляется ошибочным мнение автора, что Македонию и Вифинию вступить в союз с Римом вынудила агрессивность Антиоха⁹⁶. Проблему Иллирийских войн затронул известный львовский исследователь римско-карфагенских отношений И.И. Вейцковский⁹⁷. Докторская диссертация Л.Д. Саникидзе⁹⁸

⁸⁵ Сергеев В.С. Очерки по истории Древнего Рима. Т. 1. М... 1938. С. 130, 123.

⁸⁶ Бокщанин А.Г. История международных отношений в Древнем мире. М., 1948.

⁸⁷ Немировский С.И. Всадническое сословие в период кризиса и падения Римской республики. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1950. С. 4–7.

⁸⁸ Машкин Н.А. История Древнего Рима. М., 1947.

⁸⁹ Ковалёв С.И. История Рима. Л., 1948.

⁹⁰ Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950.

⁹¹ Самохина Г.С. Советская историография эллинизма (основные этапы развития) // Изучение и преподавание истории в высшей школе. Петрозаводск, 1985. С. 44.

⁹² См.: Мурыгина Н.Ф. Соппротивление фракийских племён римской агрессии и восстание Андрииска // ВДИ. 1957. № 2. С. 70, 77, 84.

⁹³ См.: Мишулин А.В. Античная история Греции и Рима. М., 1944; *Он же*. История Древнего Рима. М., 1946.

⁹⁴ См.: Тарков П.Н. Рец. на книгу: Уолбэнк Ф. Филипп V Македонский // ВДИ. 1947. № 4. С. 100–101; *Он же*. Греко-эллинистический мир и Рим на рубеже III–II вв. до н. э. Дис... докт. ист. наук. М., 1947; *Он же*. К истории международных отношений в античном мире // ВДИ. 1950. № 2. С. 35; См.: также безымянную рец. на доктор. дис. П.Н.Таркова: ВДИ. 1947. № 4. С. 136.

⁹⁵ Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Т. 1. М., 1960.

⁹⁶ Указ. соч. С. 214.

⁹⁷ Вейцківський І. І. Зовнішня політика крайїн Західного Середземномор'я в 264–219 рр. до н.е. Львів, 1959; *Он же*. Западное Средиземноморье в III столетии до н. э. Автореф. дис... докт. ист. наук. Львов, 1960.

едва ли внесла что-то принципиально новое и не стала заметным вкладом в историографию. Важны для темы труды С.Л. Утченко, касающиеся проблемы взаимного влияния внутренней и внешней политики⁹⁹. Двухтомник А.С. Шофмана очень подробно проанализировал римско-македонские отношения и вскользь – взаимодействие Рима с другими странами Восточного Средиземноморья¹⁰⁰. Статья Е.М. Штаерман «Эволюция идеи свободы в Древнем Риме» позволила с новой стороны взглянуть на проблему филэллинизма и его понимания самими римлянами¹⁰¹.

В этот период появилось несколько интересных кандидатских диссертаций. Очень спорными являются некоторые положения А.М. Малеванного, впервые в советской историографии специально исследовавшего взаимоотношения Рима и Иллирии¹⁰². Выходы на внешнюю политику имеет работа О.И. Ханкевич о внутренней политике Республики¹⁰³. Н.Н. Трухина опровергла некоторые устоявшиеся положения просопографических штудий, дала глубокий анализ политической жизни Рима¹⁰⁴. Мы будем часто обращаться к её работам, сочетающим немецкую скрупулёзность с английским «глобализмом» и французским изяществом изложения. Жаль, что Наталья Николаевна публикуется так редко. Возможно, единственное, с чем трудно согласиться в её выводах, – это признание Катона главной силой, приведшей к падению Сципиона. В.В. Юрьева исследовала последний этап римско-египетских отношений¹⁰⁵. Международную политику эпохи раннего эллинизма глубоко исследовал В.Д. Жигунин¹⁰⁶. Интересны диссертации и статьи Ю.Е. Журавлёва¹⁰⁷ и В.И. Перовой¹⁰⁸, хотя далеко не все их выводы бесспорны.

Следует отметить прекрасную главу В.М. Смирин в «Истории Европы»¹⁰⁹ и достаточно спорную, с неточностями и устаревшими взглядами главу А.И. Павловской там же¹¹⁰. На конец периода приходится начало научного творчества целого ряда очень интересных исследователей, наиболее полно раскрывшихся уже в 1990-е гг. Пергаму, Малой Азии и Риму посвящены аналитические статьи О.Ю. Климова¹¹¹. С начала 1980-х гг. очень плодотворно над историей и историографией римско-эллинистических отношений работает В.И. Кашцев, проанализиро-

⁹⁸ Саникидзе Л.Д. Восточный вопрос в истории Римской республики (200—60 гг. до н. э.). Автореф. дис... докт. ист. наук. Тбилиси, 1965.

⁹⁹ Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965; *Он же*. Цицерон и его время. М., 1975; *Он же*. Юлий Цезарь. М., 1975.

¹⁰⁰ Шофман А.С. История античной Македонии. Т. 1. Казань, 1960; Т. 2. Казань, 1963.

¹⁰¹ Штаерман Е.М. Эволюция идеи свободы в Древнем Риме // ВДИ. 1972. № 2. С. 41–59.

¹⁰² Малеванный А.М. Иллирийцы и их борьба против экспансии рабовладельческих государств. Автореф. дис... канд. ист. наук. Воронеж, 1969.

¹⁰³ Ханкевич О.И. Роль народных трибунов и собраний плебса в общественно-политической жизни Римской республики II в. до н. э. (до Гракхов). Автореф. дис... канд. ист. наук. Минск, 1978;

¹⁰⁴ Трухина Н.Н. Борьба внутри римского нобилитета в конце III – начале II в. до н. э. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1974; *Она же*. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986.

¹⁰⁵ Юрьева В.В. Взаимоотношения Рима и Египта в первой половине I в. до н. э. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1975.

¹⁰⁶ Жигунин В.Д. Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. Казань, 1980; *Он же*. Международная политика эллинистических государств (280–220 гг. до н. э.). Автореф. дис... докт. ист. наук. М., 1989.

¹⁰⁷ Журавлёв Ю.Е. Лозунг борьбы за свободу греков в римской политике 99 г. II в. до н. э. // Проблемы всемирной истории. М... 1974; *Он же*. Некоторые аспекты восточной политики Римской республики начала II в. до н. э. и западная историография // ИСКНЦВШ. 1975. № 3.; *Он же*. Взаимоотношения Рима с державой Селевкидов (200–160 гг. до н. э.) Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1982.

¹⁰⁸ Перова В.И. Социально-политическая борьба в Греции в период экспансии Рима (210–146 гг. до н. э.). Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1983.

¹⁰⁹ Смирин В.М. Римская республика III–I вв. до н. э. // История Европы. Т. 1. М., 1988. С. 446–492.

¹¹⁰ Павловская А.И. Греция и Македония в эпоху эллинизма // История Европы. Т. 1. С. 389–445.

¹¹¹ Климов О.Ю. 1) О роли Пергамского царства в Сирийской войне (192–188 гг. до н. э.) // Античная гражданская община. М., 1986.; 2) Сирийская война 192–188 гг. до н. э. в античной исторической традиции // Проблемы истории и историографии. Античность. Средние века. Уфа, 1990; 3) Мирный договор между Римом и Сирийским царством 188 г. до н. э. в античной исторической традиции // Проблемы археологии Урала и историографии Античности: Тезисы научной конференции. Уфа, 1990.

вавший некоторые сложные конкретные вопросы, редко затрагиваемые нашими исследователями¹¹². Г.С. Самохина издала несколько интересных статей, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой теме¹¹³.

5. Современный период: 1992–2003 гг. Характерной чертой современного периода стало появление новых центров антиковедения (Саратов, Казань, Нижний Новгород), что обогащает нашу науку. А так же более широкие контакты учёных с западными коллегами, весьма плодотворные, наше антиковедение вновь стало частью мировой науки. Ушли в прошлое нападки на «буржуазную историографию», но появилась другая крайность: явный пиетет к «зарубежным» исследованиям. Отметим и чисто бытовые и материальные сложности «пост-перестроечного» периода для отечественных историков.

Продолжая исследовать римско-греческие отношения, Г.С. Самохина сконцентрировала своё внимание на изучении личности и творчества Полибия¹¹⁴.

Для уточнения характера и сути восстания Аристоника много сделал О.Ю. Климов¹¹⁵, после издания его монографии¹¹⁶ и защиты докторской диссертации¹¹⁷ тему Пергамского царства можно считать надолго «закрытой», хотя его позиция по поводу завещания Аттала III нам представляется небесспорной. В.И. Кащеев основательно исследовал проблему римского империализма и взаимоотношений Рима с эллинистическим миром¹¹⁸. Работа очень интересная, но, к сожалению, автор заканчивает римско-эллинистические отношения 146 г. до н. э., даже без попытки дать хотя бы общий очерк последующих событий.

После издания монографий Е.А. Молева¹¹⁹ и С.Ю. Сапрыкина¹²⁰ историю взаимоотношений Рима с Понтийским царством в целом можно считать изученной более чем основательно, дальнейшее изучение способно лишь уточнять какие-то частные моменты. В этом плане интересно работают К.Л. Гуленков¹²¹ и Е.В. Смыков¹²².

¹¹² Кащеев В.И. 1) Некоторые концепции «римского империализма» в англо-американской историографии Новейшего времени // Вопросы отечественной, зарубежной историографии, литературоведения и языкознания. Казань, 1981; 2) Первая Римско-македонская война в интерпретации английских и американских антиковедов // Античный мир и археология. Саратов, 1986. Вып. 6; 3) Лозунг освобождения греков в межгосударственных отношениях Восточного Средиземноморья (III–II вв. до н. э.) // Античный мир и археология. Саратов, 1990. Вып. 7; 4) Договор Филиппа V и Антиоха III в интерпретации античных и современных авторов // Античный мир и археология. Саратов, 1990. Вып. 8; 5) Полибий и внешняя политика Рима в конце III – первой половине II вв. до н. э. // Из истории социально-этических и политико-правовых идей. Саратов, 1990; 6) Посредничество и арбитраж во взаимоотношениях эллинистических государств и Рима // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 1991.

¹¹³ Самохина Г.С. Причины Второй Македонской войны (к историографии вопроса) // проблемы историографии всеобщей истории. Петрозаводск, 1991; Она же. Иллирийские войны (о принципах римской политики на Балканах в конце III в. до н. э.) // Античность и Средние века: Полис, империя, этнос. Нижний Новгород, 1991.

¹¹⁴ Самохина Г.С. Полибий: эпоха, судьба, труд. СПб., 1995. В 1997 г. она защитила в Москве докторскую диссертацию по той же теме.

¹¹⁵ ⁵⁴ Климов О.Ю. К оценке восстания Аристоника в Пергаме // Античный мир: проблемы истории и культуры. СПб., 1998.

¹¹⁶ ⁵⁵ Климов О.Ю. Царство Пергам: очерк социально-политической истории. Мурманск, 1998.

¹¹⁷ ⁵⁶ Климов О.Ю. Пергамское царство: проблемы истории и государственного устройства. СПб., 2001.

¹¹⁸ ⁵⁷ Кащеев В.И. Эллинистический мир и Рим: война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н. э. М., 1993; *Он же*. Из истории межгосударственных отношений в эпоху эллинизма: Два очерка. М., 1997; *Он же*. Эллинистический мир и Рим: война, дипломатия и международное право в 220–146 годах до н. э. Автореф. дис... докт. ист. наук. Саратов, 1997.

¹¹⁹ Молев Е.А. Властитель Понта. Нижний Новгород, 1995. Здесь же следует упомянуть и другую книгу того же автора, хотя она и была издана в предыдущий период: Молев Е.А. Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов, 1976.

¹²⁰ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. Автореф. дис... докт. ист. наук. М., 1992; *Он же*. Понтийское царство. М., 1996. Отметим также диссертацию Е.В. Смыкова, специально рассмотревшего широкий круг проблем римско-понтийских взаимоотношений: Смыков Е.В. Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология. Автореф. дис... канд. ист. наук. Саратов, 1996.

¹²¹ Гуленков К.Л. Митридатовы войны в освещении Аппиана // Античность: эпоха и люди. Казань, 2000. 69–76; Гуленков К.Л., Короленков А.В. Союз Митридата и Сертория // Античность: общество и идеи. Казань, 2001. С. 63–70; Гуленков К.Л. Ориенталистическое и эллинистическое в семье Митридата Евпатора // Там же. С. 71–83; *Он же*. Вторая Митридатова война и её последствия // Studia historica. М., 2001. С. 73–93.

Внешняя политика Антиоха III была подробно рассмотрена С.И. Митиной¹²³, но ряд её положений следует признать ошибочными – например, тезис о том, что оппозиция Птолемаем со стороны Антигонидов и Селевкидов вызвана господством Египта «на морских путях всего Восточного Средиземноморья»¹²⁴, и мнение, что Македония и Селевкиды не соединились против Рима, т. к. ошибочно оценили его присутствие на Востоке «как временное»¹²⁵. Такие взгляды являются несомненным упрощением. Недавняя диссертация А.С. Бурова содержит устаревшие и неверные оценки торговых интересов Рима как причины Иллирийских войн¹²⁶. Общий вывод автора – «серия Римско-иллирийских войн нейтрализовала столь актуальную для Македонии иллирийскую опасность»¹²⁷ – нам представляется неприемлемым. Автору следовало задуматься, почему тогда появление римлян в Иллирии сделало македонян злейшими врагами Рима.

Несколько полезных работ опубликовала Т.А. Бобровникова, однако в её интереснейшей монографии о Сципионе Африканском¹²⁸ содержится явная идеализация римской политики.

Интересны работы молодого казанского учёного О.Л. Габелко, практически исчерпавшего тему Вифинского царства¹²⁹. Книга А.В. Постернак полезна анализом греко-римской культуры и рассмотрением уровня романизации провинций¹³⁰, чему обычно уделялось не так много внимания в нашей литературе. Одну из причин слабой романизации Греции автор справедливо видит в том, что греки плохо поддавались римскому влиянию и относились к римлянам враждебно¹³¹. Однако мы категорически не приемлем другой вывод, для новейшей работы являющийся явным анахронизмом, – уничижительную оценку римской культуры¹³². Из новейших диссертаций отметим лишь очень глубокую, просто блестящую работу В.О. Никишина, исследовавшего практически не изученный в нашей литературе вопрос о римском «шовинизме» и подробно остановившегося на проблеме взаимного восприятия греков и римлян¹³³. Ему же принадлежит ряд интереснейших статей¹³⁴, опубликованных в последние годы.

¹²² Смыков Е.В. Парфянский поход Марка Антония // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1987. С. 111–120; *Он же*. Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология. Автореф. дис... канд. ист. наук. Саратов, 1996; *Он же*. Рим и Парфия: первые контакты (К вопросу о договорах Суллы и Лукулла с парфянами) // Международные отношения и дипломатия в Античности. Ч. 1. Казань, 2000. С. 317–332; *Он же*. Рим и Парфия: путь к договору (Гней Помпей и парфяне) // Античность: общество и идеи. Казань, 2001. С. 118–129.

¹²³ Митина С.И. Внешняя политика Антиоха III. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1994.

¹²⁴ Указ. соч. С. 9.

¹²⁵ Митина С.И. Внешняя политика Антиоха III. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1994. С. 15.

¹²⁶ Буров А.С. Вооружённые силы и военная политика Македонии (70–20 гг. III в. до н. э.). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1996. С. 21.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Бобровникова Т.А. Сципион Африканский. М., 1998.

¹²⁹ Габелко О.Л. Мемнон об истории Вифинского царства // Античный вестник. Вып. 2. Омск, 1995; *Он же*. История Вифинского царства в зеркале историографии // Античный мир и его судьбы в последующие века. М... 1996; *Он же*. Вифинское царство в системе эллинистических государств. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1998. *Он же*. Последствия Апамейского мира: Рим и Первая Вифинская война // Межгосударственные отношения и дипломатия в Античности. Казань, 2000.

¹³⁰ Постернак А.В. История Древней Греции и Древнего Рима. В конспективном изложении. М., 1999.

¹³¹ Указ. соч. С. 154.

¹³² Указ. соч. С. 94.

¹³³ ⁶⁷ Никишин В.О. Чужеземцы в произведениях Цицерона, Цезаря и Саллюстия (К вопросу о сущности римского «шовинизма» в I в. до н. э.). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2000.

¹³⁴ Никишин В.О. 1) «Национальный вопрос» в произведениях Тацита // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ. Вып. 4. М., 2001; 2) Эллины, римляне и варвары: эволюция понятий в эпоху римского владычества // Ставропольский альманах общества интеллектуальной истории. Вып. 2. Ставрополь, 2002; 3) Варвары и варварство в трудах Тацита: германцы, галлы и британны // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ. Вып. 5. М., 2002; 4) Эволюция противопоставления эллинизма и варварства в эпоху эллинизма // Труды I межвузовской конференции молодых учёных памяти профессора В.Ф. Семёнова 13 апреля 2002 г. (история Древнего мира). М., 2002.

Сложно дать исчерпывающе полный анализ перечисленных работ или отметить все без исключения публикации, посвящённые нашей теме, поэтому мы ограничились самыми важными, на наш взгляд, исследованиями. В целом можно сказать, что, несмотря на обилие литературы, многие вопросы разработаны недостаточно или остаются спорными. Хорошо изучены римско-балканские отношения, взаимоотношения Рима с Пергамом и Понтом. Хуже – контакты Рима с Селевкидами и Птолемеями. Недостаточно исследованы в нашей литературе проблемы дипломатических и военных отношений Рима с Иудеей, совсем плохо – роль экономических и этнопсихологических факторов в восточной политике Республики. Не уделено достаточного внимания важным, на наш взгляд, эфирским событиям 167 г. до н. э., отчётливо показывающим перерождение римской идеологии. До сих пор в нашей науке отсутствуют обобщающие работы по всему периоду 229—30 гг. до н. э., т. е. от первых шагов Рима на Востоке (Иллирийские войны) и до аннексии Египта Октавианом, что знаменовало окончание эпохи эллинизма.

Подводя итог, следует заключить, что тема римского проникновения на Восток остаётся одной из наиболее интересных, актуальных и перспективных тем современного антиковедения. Она никогда не будет исчерпана и ждёт новых исследователей и новых работ.

Глава I

Первый этап завоевания Римом восточного Средиземноморья: Балканы

В I Пунической войне Рим ещё только выходил на широкую политическую арену¹³⁵. Сенат имел ограниченные цели (захват Сицилии), что являлось прямым продолжением южно-италийской агрессии. Роль дипломатии в войне была ничтожна, военные действия велись на небольшой территории. Война стала, в сущности, схваткой из-за Сицилии (Polyb. I.13.2; Liv. XXI.41). Вероятно, тогда же зарождается идея о непобедимости и избранности римлян. Но простой люд от победы почти ничего не получил, раздел земли на «Галльском поле» был каплей в море. Нужны были новые земли, следовательно – новые войны.

В этом кроются истоки римского «империализма». Кроме земельного дефицита, сказывалась бедность Римского государства, при слабо развитой аграрной экономике реально пополнить казну можно лишь за счёт добычи и контрибуций. Войны консолидировали общину. Они порождались осознанием собственной силы, многовековой психологической привычкой к войне как средству общения с соседями. Римская агрессивность не была в чём-то особой или патологической. Она типична для аграрного полиса. Экспансия, однако, не была «результатом разложения полиса»¹³⁶, напротив – она стала его причиной. Римский «империализм» хорошо объясним, поэтому мнение У. Харриса о его тёмных и иррациональных корнях¹³⁷, как и утверждения о врождённой воинственности и кровожадности римлян¹³⁸, отдают мистикой и не могут быть признаны научными.

Когда после I Пунической войны Карфаген, охваченный восстанием наёмников, был близок к гибели (Polyb. I.6), сенат не воспользовался этим. Восставшим на Сардинии наёмникам было отказано в помощи, как и просившейся в римское подданство Утике (Polyb. I.83). Возможно, сыграла свою роль традиционная римская честность. Кроме того, пунийцы должны были ещё десять лет выплачивать контрибуцию, и незачем было губить их государство. Видимо, главными причинами были именно ещё недостаточная агрессивность Рима, отсутствие установки на уничтожение Карфагена. В 240 г. до н. э. сенат не «поддержал восставших»¹³⁹, напротив, помог карфагенянам: запретил италикам торговать с восставшими, вернул пленных, разрешил закупать хлеб и вербовать воинов в Италии (App. Sicil. II.3). Ф. Уолбэнк, на наш взгляд, справедливо подверг сомнению последнее утверждение Аппиана¹⁴⁰. Фраза автора, что римляне даже отправили послов в Африку, пытаясь прекратить войну (ibid.), и вовсе фантастична – римские посольства обычно вмешивались только в тех случаях, когда хотя бы одна из воюющих сторон была в союзе с Римом.

Когда восстание было подавлено, одолела старая ненависть, и в 238 г. до н. э.¹⁴¹ Рим «вопреки праву» (Polyb. III.28) занял Сардинию, «желая иметь Тирренское море под своим контролем»¹⁴². В ответ на возмущение карфагенских послов сенат объявил войну. Воевать Карфаген не мог, поэтому купил мир отказом от острова и выплатой 1200 талантов (Polyb. I.88.12).

¹³⁵ Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Л., 1985. С. 25.

¹³⁶ Машикин Н.А. Основные проблемы истории Древнего Рима. М., 1947. С. 10.

¹³⁷ Harris W. War and imperialism in republican Rome. 327—70 B.C. Oxford, 1979. P. 53.

¹³⁸ Павлович В.А. История Греции и Рима. СПб., 1873. С. 171; Кеннингем В. Западная цивилизация с экономической точки зрения. М., 1902. С. 142; Андреев Н. Древний Рим. Пг., 1921. С. 101–102.

¹³⁹ Вейцковский И.И. Западное Средиземноморье в III столетии до н. э. Автореф. дис... докт. ист. наук. Львов, 1960. С. 28.

¹⁴⁰ Walbank F. W. A historical Commentary on Polybius. Vol. 1. Oxford, 1957. P. 146.

¹⁴¹ Или в 237 г. до н. э. – см.: Walbank F. W. Opus cit. P. 150.

¹⁴² Grimal P. Hellenism and the Rise of Rome. London, 1968. P. 150.

Одновременно римляне захватили и Корсику, хотя она не была упомянута в договоре¹⁴³. Тем самым Рим получил господство в западном море¹⁴⁴, и он действовал с позиций грубой силы.

С целью пополнения оскудевшей казны Карфагена и подготовки новой войны Баркиды в 237 г. до н. э. начали завоевание Испании. Римские политики оказались не настолько предусмотрительны, чтобы помешать этому. Ближе, на севере Италии, появилась более очевидная угроза: готовился поход галлов на Рим. Решительное вмешательство в испанские дела могло привести к войне, но, несомненно, она протекала бы для римлян более успешно, чем это случилось впоследствии. Только после разгрома галлов в 231 г. до н. э. в Испанию прибыло римское посольство, но не с целью остановить завоевания, а всего лишь с требованием дать разъяснения¹⁴⁵. Ответ Гамилькара, что цель войны – добыть денег для контрибуции, как ни странно, удовлетворил послов. Когда большая часть Испании была уже покорена, сенат всерьёз встревожился. «Отцы» поняли, что их беспечность позволила врагу усилиться, и пытались поправить ситуацию (Polyb. II.13.3). Новое посольство 226 г. до н. э. заключило договор, что границей Карфагена в Испании будет Ибер. Такая уступчивость объясняется тем, что близилась очередная война с галлами, раздражать пунийцев было неразумно – они быстро усиливались, теперь с ними приходилось считаться. Стало очевидно: новая война неизбежна и её начало – лишь вопрос времени (Polyb. II.36).

С тревогой наблюдая за успехами врага, сенат деятельно укреплял государство. Он уже не мог проводить политику, не учитывая ситуацию на востоке, севере и западе¹⁴⁶. Как отмечает Полибий, частые войны с итальяскими галлами ранее сковывали инициативу по отношению к Карфагену (II.13.5; II.22.9), и могли помешать в будущем. Именно необходимость расправиться с ними до начала ожидаемой войны и привела к широкомасштабным военным операциям на севере Италии. Эту связь отмечает и Полибий, сообщив об установлении границы по Иберу, он тут же добавляет: немедленно после этого была начата война с галлами (II.13.7). Покорив их в 222 г. до н. э. и выведя колонии в долину По, Рим, как казалось, обезопасил себя с севера, присоединением Сицилии – с юга, Корсики и Сардинии – с запада. *Обеспечить тыл на востоке ещё раньше и должна была I Иллирийская война.*

Причины войны источники трактуют неоднозначно. Все авторы видят их в пиратстве иллирийцев, но Ливий (Per. 20) и Полибий (II.18.12), Аппиан (III.7) и Евтропий (III.1) добавляют убийство посла; Флор, выражая крайне тенденциозную римскую версию, «убивает» обоих послов (XXI.11)¹⁴⁷. Полибий полагает, что другой причиной было усиление пиратского государства (II.2.4), что нам представляется не столь существенным. Дион Кассий указывает на союзные обязательства перед Иссой (fr. 49), что может быть верным лишь отчасти, поскольку римляне осуществляли исполнение своих обязательств только в том случае, *если это было выгодно исключительно им самим*. Это вообще один из главных принципов римской дипломатии¹⁴⁸. Более существенно другое наблюдение Диона Кассия и следующего за ним Зонары: римляне хотели наказать ардиев, которые мешали их плаванью из Брундизи (Dio Cass. fr. 49.2; Zon. VIII.19). Некоторые исследователи, ссылаясь на Аппиана, пишут, что сенат главным образом тревожило расширение пиратского царства¹⁴⁹, однако это утверждение, приписывае-

¹⁴³ Frank T. Rome after the conquest of Sicily // CAH. Vol. VII. Cambridge, 1928. P. 804.

¹⁴⁴ Штоль Г.В. Герои Рима в войне и мире. СПб., 1896. С. 218;

¹⁴⁵ Ковалёв С.И. История Рима. Л., 1988. С. 204.

¹⁴⁶ Kramer F.R. Massilian Diplomacy before the Second Punic War // AJPh. 1948. Vol. LXIX. № 1. P. 16.

¹⁴⁷ Вслед за ним Ева Санфорд «убивает» двух римских послов и видит в этом «двойном убийстве» главную причину войны: Sanford E.M. The Mediterranean World in Ancient times. New York, 1938. P. 340.

¹⁴⁸ В связи с этим неубедительными выглядят выводы Х.Вендера, что и II Пуническую войну Рим начал, чтобы отомстить за уничтожение союзного Сагунта – Wender H. The rise and fall of the Ancient Worlds. New York. 1976. P. 181.

¹⁴⁹ Вейцківський І.І. Зовнішня політика країн Західного Середземномор'я 264–219 pp. до н.е. Львів, 1959. С. 34; Малеванний А.М. Иллирийцы и их борьба против экспансии рабовладельческих государств. Автореф. дис... канд. ист. наук. Воронеж, 1969. С. 16: Он же. Из истории борьбы народностей Балканского полуострова против Рима // Норция. Вып. 1. Воронеж,

мое ими Аппиану, не находит подтверждения в тексте самого автора. По версии, приводимой только Аппианом, в состав римского посольства к Тевте входил представитель Иссы Клеемпор (Шуг. II.7). В 230 г. до н. э. иллирийские пираты осадили Иссу, которая недавно стала союзницей Рима (App. Шуг. VIII)¹⁵⁰, после чего к Тевте и прибыли римские послы.

Общепринятая версия Полибия – Ливия о результатах этого посольства слишком драматична, чтобы быть достоверной. Из неё следует, что причиной войны были «бестактность»¹⁵¹ Луция Корункания и надменность Тевты¹⁵², спровоцировавшей войну¹⁵³; нам такой подход представляется довольно наивным. Полибий, очевидно, использовал тенденциозного Фабия Пиктора, чем и объясняется не свойственная ахейцу излишняя драматичность изложения. Фабий считал, что эту войну (как, впрочем, и все другие! – А.Б.) римляне начали, не имея корыстных целей и не вмешиваясь в чужие дела¹⁵⁴.

Существенно отличается вариант Аппиана, основанный на источниках, «которые мы не можем идентифицировать»¹⁵⁵, но можно предположить, что они были скорее греческими, чем римскими. По просьбе Иссы римляне отправили посольство к Агрону¹⁵⁶, чтобы узнать его требования к Иссе¹⁵⁷. Ещё до прибытия к царю послы подверглись случайному нападению пиратов, убивших Луция и Клеемпора, за это римляне начали войну (App. Шуг. II.7). Текст Аппиана изобилует фактическими ошибками: Агрон уже умер, Корунканиев было двое (Polyb. II.4.6), иллирийцы хотели захватить Иссу, и не было смысла узнавать их «требования». Далее Аппиан пишет, что ещё в 229 г. до н. э. римляне подозревали Деметрия Фаросского в неверности, II Иллирийскую войну относит к 220 г. до н. э., утверждает, что римляне убили Деметрия (Шуг. II.8). Наконец, вопреки тексту Аппиана, римляне не знали практики совместных посольств.

С другой стороны, рассказ Ливия об убийстве посла имеет более фантастические детали, чем у Аппиана¹⁵⁸, следовательно, едва ли заслуживает доверия, как исходящий от анналистов. Аппиан явно сохранил следы традиции, не отражённой в анналах, очевидно – эллинской. Для реконструкции событий, несомненно, нужно использовать обе версии. Основанием для посольства было ограбление итальянских торговцев в Фенике (Polyb. II.8.2), участвовавшие жалобы на разбой (Polyb. II.8.3) и просьбы Иссы о помощи (App. Шуг. II.7). Посольство было чисто римским, иссии его лишь сопровождали. Луций погиб ещё до прибытия в Иллирию, вины Тевты в этом нет, следовательно, отпадает одно из обоснований войны. Обычай обязывал отправить послов с требованием возместить убытки, но они получали строгие инструкции¹⁵⁹ и не могли допускать никакой отсебятины. Поведение посольства показывает, что Рим не желал сохранения мира, очевидно, вопрос о войне уже был решён.

Тевта едва ли хотела войны, её ответ, что она не может запретить пиратство, не был «наглостью», как пишет Полибий (II.8.13). Напротив, он был максимально мягким¹⁶⁰. Она дей-

1971. С. 43.

¹⁵⁰ Сомнительно, что Исса тогда уже была в союзе с Римом: См.: *Hulse B.* Указ. соч. С. 121. Прим. 2; *Walbank F.W.* A historical commentary... P. 159.

¹⁵¹ *Oost S.I.* Roman policy in Epirus and Acarnania. Dallas, 1954. P. 11.

¹⁵² *Holleaux M.* The Romana in Illyria // *CAH*. Vol. VII. Oxford, 1928. P. 833.

¹⁵³ *Holleaux M.* Rome and Macedon: the romans against Philip // *CAH*. Vol. VIII. Cambridge, 1930. P. 239.

¹⁵⁴ См.: *Малевацкий А.М.* Иллирийцы... С. 4.

¹⁵⁵ *Errington R.M.* Rome and Greece to 205 B.C. // *CAH*. 2nd ed. Vol. VIII. Rome and the Mediterranean to 133 B.C. Cambridge, 1989. P. 87.

¹⁵⁶ Т. Моммзен пишет, что послов принял Агрон (*Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. М., 1936. С. 519), но он умер ещё в 232 г. (Polyb. II.4.6) или даже в 231 г. (См.: *Дройзен И.Г.* История эллинизма. Т. 3. М., 1893. С. 249; *Ковалёв С.И.* Указ. соч. С. 209).

¹⁵⁷ Мнение, что Исса не была невинной жертвой и царь имел основания для законных требований к ней (*Вейцківський І.І.* Зовнішня політика... С. 35), абсолютно беспочвенно.

¹⁵⁸ *Walbank F.W.* A historical Commentary... P. 159.

¹⁵⁹ *Бокицанин А.Г.* История международных отношений и дипломатии в древнем мире. М., 1948. С. 51.

¹⁶⁰ *Badian E.* Notes on Roman Policy in Illyria // *Badian E.* Studies in Greek and Roman history. Oxford, 1964. P. 4; *Errington*

ствительно не могла контролировать «неофициальное» пиратство¹⁶¹, которое являлось естественным порождением социально-экономических отношений того времени¹⁶² и было лишь одним из многих занятий иллирийцев¹⁶³. Внутренняя непрочность государства видна и из восстания части племён против Тевты (Polyb. II.6.4; II.8.5). Правда, сильного отпора от ослабевшей Греции пираты не получали. Ближайшими соседями иллирийцев были дарданы, старые враги македонян. Вражда дарданов и иллирийцев сближала последних с Македонией, Агрон стал союзником Деметрия II, который не собирался защищать враждебные полисы от союзных иллирийцев. Напротив, каждый раз, когда Македонии грозила опасность с севера, побуждал их нападать на Грецию, чтобы отвлечь греков¹⁶⁴, и использовал иллирийцев против Этолии. Мнение А.М. Малеванного о традиционной иллирийско-македонской вражде¹⁶⁵ не подтверждается источниками. Некоторые вожди Иллирии позже активно помогали Македонии в её борьбе с Римом (См.: Liv. XL.42).

Тевта, правившая после смерти Агрона (Polyb. II.4.6), повела ещё более широкую экспансию. «Велико было смущение и страх, наведённые иллирийцами на прибрежных греков» (Polyb. II.6.7). Эпир и Акарнания вынуждены были заключить союз с Тевтой (Polyb. II.6.9). Осаждённой пиратами Коркире пытались помочь Ахайя и Этолия, но их небольшой флот был разбит (Polyb. II.6.8). До Агрона пиратство имело целью добыть пропитание¹⁶⁶, при нём – превратилось в «государственную индустрию»¹⁶⁷. Но существовало ещё и «частное пиратство»¹⁶⁸, не подвластное Тевте. Более того, её усилия запретить пиратство могли стоить ей короны¹⁶⁹.

Весной 229 г. до н. э. римский флот с двумя консулами подошёл к Коркире, захваченной пиратами (Polyb. II.11.3). Сам факт, что были задействованы оба консула, показывает, насколько серьёзно сенат относился к этой войне. Наместник царицы Деметрий Фаросский сдался, уже занятому острову консулы «предложили» отдаться под покровительство. Поставленные перед фактом и надеясь на защиту от пиратов, греки не упрямылись (Polyb. II.11.5). Война закончилась быстро. Царица выпросила мир, обещая платить дань и прекратить пиратство (государственное! – А.Б.), ей оставили часть бывших владений (Polyb. II.12.3). Тевта просила прощения за убийство посла, *произошедшее не при ней* (App. Illug. II.7). Война, однако, не была «лёгкой прогулкой»¹⁷⁰, ардиэи оказали упорное сопротивление (Polyb. II.11.13), вероятно, происходили и партизанские действия против римлян¹⁷¹. В результате войны ардиэйское государство фактически было уничтожено.

В историографии доминирует мнение, что причиной войны было пиратство¹⁷². Упоминаются ещё нападения пиратов на Рим и его союзников¹⁷³. Пиратство беспокоило южноита-

R.M. The dawn of Empire. Rome's Rise to World Power. Ithaca; New-York, 1973. P. 37.

¹⁶¹ Walbank F.W. A historical Commentary... P. 37. См. также: Трофимова М.К. Пиратство в Восточном Средиземноморье в III в. до н. э. (к изучению источников форм зависимости в эллинистический период) // Зельин К.К., Трофимова М.К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969. С. 231.

¹⁶² Трофимова М.К. Формы международных экономических связей в раннеэллинистический период. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1964. С. 20.

¹⁶³ См.: Трофимова М.К. Формы международных... С. 22–26; Малеванный А.М. Иллирийцы... С. 13; Он же. Из истории борьбы... С. 38–41; Holleaux M. The Romans in Illyria. P. 826; Dell H.D. The Origin and Nature of Illyrian Piracy // Historia. 1967. Bd. XVI. N. 3. P. 358.

¹⁶⁴ Дройзен И.Г. Указ. соч. С. 258.

¹⁶⁵ Малеванный А.М. Иллирийцы... С. 13, 16.

¹⁶⁶ Dell H.J. The Origin and Nature... P. 357.

¹⁶⁷ Cary M. A history of Rome. London, 1960. P. 196.

¹⁶⁸ Pajkowski W. Ilirowie. Poznan, 1981. S. 289.

¹⁶⁹ Holleaux M. The Romans in Illyria. P. 832.

¹⁷⁰ Opus cit. P. 834.

¹⁷¹ Малеванный А.М. Иллирийцы... С. 16.

¹⁷² Роллен Ш. Древняя история. Т. 7. СПб., 1760. С. 315; Дьячков С. История Римской республики. М., 1827. С. 50;

лийские города¹⁷⁴, главная причина войны – ущерб, причиняемый итальянской торговле¹⁷⁵, в частности торговле Брундизия¹⁷⁶. Мнение Р. Эррингтона, что дополнительная причина войны – подозрительность сената к сильным соседям и его желание делать сильных соседей слабее¹⁷⁷, нам представляется не совсем обоснованным, это наблюдение было бы справедливым не для 20-х гг. III в. до н. э., а для событий, последовавших 30 лет спустя. Особняком стоят две группы мнений: 1) угроза морским коммуникациям в Адриатике¹⁷⁸; 2) Рим уничтожил пиратство, чтобы приобрести в этом регионе влияние¹⁷⁹ и получить контроль над обеими берегами Адриатики¹⁸⁰.

Медлительность, с какой Рим вступил в войну, породила миф о нежелании воевать вообще, о долготерпении римлян, втянутых в войну против воли и не стремящихся к захватам на Балканах¹⁸¹, единственной их целью было искоренить пиратство¹⁸². Но в таком случае почему, подавив пиратов, Рим закрепился на Балканах? А.М. Малеванный, напротив, усматривает причину войны исключительно в агрессивности Рима, ардиэи, как он полагает, занимались не разбоем, а возглавили борьбу с римской агрессией¹⁸³. В таком случае придётся признать, что они начали эту «борьбу» задолго до того, как проявились агрессивные поползновения сената по отношению к Иллирии. Обобщая, он приходит к выводу, что завоевание Балкан Римом вызывалась опасностью со стороны Эпира (?! – А.Б.), желанием обезопасить север Италии от вторжений альпийских и варварских племён (?), стремлением (с середины II в. до н. э.) получить связь со своими провинциями Македонией и Грецией, коммерческой деятельностью итальянских купцов на Адриатике¹⁸⁴.

Неубедительны мнения, что причины войны – захват пиратами Коркиры, «важного пункта на морском пути из Италии на восток»¹⁸⁵, имеющего стратегическое значение¹⁸⁶, иллирийская экспансия столкнулась с римскими интересами¹⁸⁷, а главная причина – подозритель-

Василевский В.Г. Политическая реформа и социальное движение в Греции в период её упадка. СПб., 1869. С. 203; *Дройзен И.Г.* Указ. соч. С. 250; *Вегнер В.* Рим. Т. 1. СПб., 1902. С. 336; *Нич К.* История Римской республики. М., 1908. С. 167; *Павловская А.И.* Греция и Македония в эпоху эллинизма // История Европы. Т. 1. М., 1988. С. 425; *Буров А.С.* Вооружённые силы и военная политика Македонии (70—20-е гг. III в. до н. э.). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1996. С. 21; *Ferguson A.* The history of the progress and termination of the Roman Republic. Vol. 1. London, 1783. P. 139; *Smith P.* History of the Ancient World. Vol. 2. London, 1873. P. 419; *Niebuhr B.G.* Lectures on the history of Rome. London, 1903. P. 361; *Havell H.L.* Republican Rome. London, 1914. P. 189; *Ormerod H.A.* Piracy in the Ancient World. Liverpool, 1924. P. 169; *Homo L.* Primitive Italy. London, 1926. P. 254; *Frank T.* The Roman imperialism. New York, 1929. P. 116; *Engers M.* Die Vorgeschichte der makedonischen Kriege Roms // Mnemosyne. 1938. Vol. 6. S. 122; *Holleaux M.* Romans in Illyria. P. 824; *Toynbee A.J.* Hannibal's Legacy. Vol. 2. London, 1965. P. 364; *Dell H.J.* Antigonus III and Rome // CPh. 1967. Vol. XLII. № 2. P. 94; *Walbank F.W.* The Hellenistic World. New Jersey, 1981. P. 230; *Grant M.* The Ancient Mediterranean. New York, 1988. P. 262.

¹⁷³ *Boak A.E.R., Sinnigen W.G.* A History of Rome to A.D. 565. New York, 1965. P. 127; *Badian E.* Notes on Roman Policy in Illyria. P. 2.

¹⁷⁴ *Starr C.G.* A History of Ancient World. Oxford, 1965. P. 482.

¹⁷⁵ *Ковалёв С.И.* Указ. соч. С. 210; *Gruen E.S.* The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. 1. Berkeley, 1984. P. 309.

¹⁷⁶ *Charlesworth M.P.* Trade-routes and commerce of the Roman Empire. Cambridge, 1926. P. 114.

¹⁷⁷ *Errington R.M.* Rome and Greece to 205 B.C. // CAH. Vol. VIII. Cambridge, 1989. P. 88.

¹⁷⁸ *Grimal P.* Opus cit. P. 338; *Charlesworth M.P.* Opus cit. P. 114; *Ранович А.Б.* Эллинизм и его историческая роль. М. — Л., 1950. С. 127.

¹⁷⁹ *Stobart J.C.* The Grandeur that was Rome. New York, 1962. P. 44.

¹⁸⁰ *Walbank F.W.* Philip V of Macedon. Cambridge, 1940. P. 12.

¹⁸¹ *Моммзен Т.* Указ. соч. С. 210.

¹⁸² *Frank T.* Roman imperialism. P. 116.

¹⁸³ *Малеванный А.М.* Иллирийцы... С. 6.

¹⁸⁴ *Малеванный А.М.* Иллирийцы... С. 16. Таким образом получается, что сначала у римлян появились провинции на Балканах, а потом возникла необходимость завоевания Балкан! — А.Б.

¹⁸⁵ История Древнего Рима / Ред. А.Г. Бокшанин. М., 1971. С. 106.

¹⁸⁶ *Шисаренко А.Б.* Властелины античных морей. М., 1986. С. 136.

¹⁸⁷ *Dell H.J.* The Origin and Nature... P. 358.

ность сената к сильному соседу¹⁸⁸. Сила Иллирии здесь явно преувеличивается, в Коркире Рим не был заинтересован, её падение никак не влияло на сенат или торговлю. Двигавшийся к Коркире римский флот ещё даже не знал о её захвате (Polyb. II.11.2).

Такие оценки причин войны неубедительны. Официальные мотивы: месть за разбой и убийство посла – только благовидный предлог. Причины появления римлян на Балканах более сложны и нуждаются в комплексном рассмотрении. Римские интересы рост «пиратского» царства никак не затрагивал. На жалобы ограбленных купцов не реагировали, они, как и италийская торговля, сенат не заботили. Разумеется, правительство не могло начисто игнорировать их интересы, но они отнюдь не имели приоритета. Сенат не видел оснований проливать кровь римлян ради каких-то торговцев, «многие из которых принадлежали к покорённым Римом народам»¹⁸⁹.

«В прежние времена римляне оставляли без внимания жалобы на иллирийцев» (Polyb. II.8.3). Эта фраза чрезвычайно важна для правильного понимания дальнейших событий. Если теперь сенат снизошёл к жалобам, значит, появилось какое-то важное обстоятельство, отсутствующее раньше. *Им было, несомненно, близившееся столкновение с Карфагеном*. Война с ним планировалась как связанная с крупными морскими операциями – переправкой войск в Испанию, Сицилию, Африку¹⁹⁰. Роль морских коммуникаций для переброски и снабжения войск неизмеримо возрастала. Интерес сената к Адриатическому морю начал проявляться ещё раньше, не случайно ещё в 246 г. до н. э. на его побережье была основана латинская колония Брундизий, вскоре ставшая главным восточным портом Италии. Брундизий, безусловно, был основан, «чтобы закрыть Адриатику для карфагенского плавания»¹⁹¹. Кроме того, важно было обеспечить тыл со стороны Иллирии и устранить помехи морской торговле, значение которой в военное время всегда возрастает.

Усиление пиратства, принявшего более организованный характер, мешало контактам с соседями через Адриатику, что особенно недопустимо накануне решающей схватки с Карфагеном, которая и стала *главной причиной иллирийской экспедиции*. Это вытекает из общей установки Полибия: «Антиохова война зародилась из Филипповой, Филиппова – из Ганнибаловой, Ганнибалова – из Сицилийской...» (III.32). В эту преемственность вписывается и Иллирийская война, которую нельзя рассматривать изолированно – «история по частям даёт очень мало для точного уразумения целого» (I.4.10). Достичь его можно лишь соединением всех частей (I.4.11; VII.4.9—11), обращая внимание на предыдущие события (III.31.11).

Исследователи, считающие главной причиной пиратство, игнорируют важный факт: как ранее, так и впоследствии сенат не обращал никакого внимания ни на потребности купечества, ни на морское пиратство, мешавшее торговле. Как справедливо отметил Т. Франк, Рим настолько пренебрегал торговыми интересами, что, заключая договоры с Набисом (197 г. до н. э.) и критянами (189 г. до н. э.), разбойничаящими на морях, даже не пытался очистить от них море¹⁹². Именно поэтому позже пиратство расцвело настолько, что сенат вынужден был вмешаться только тогда, когда оно блокировало поставки хлеба в Рим (особые полномочия Помпея).

Нет оснований говорить и об альтруистическом желании римлян помочь грекам. Скорее Рим заботился о возвышении своего престижа в Элладе. Наконец Риму нужны были хорошие

¹⁸⁸ Errington R.M. The dawn of Empire. P. 34.

¹⁸⁹ Swain J.W. The Ancient World. New York, 1950. P. 131.

¹⁹⁰ Salmon E.T. The strategy of the Second Punic War // Greece and Rome. 1960. Vol. VII. № 2. P. 141–142.

¹⁹¹ Grant M. History of Rome. London, 1978. P. 113–114.

¹⁹² Frank T. Rome and the Italy of the republic // ESAR / Ed. T. Frank. Vol. 1. Baltimore, 1933. P. 202.

морские базы в Адриатике, которых не было в Италии, что признаёт, кстати, и сам Т. Моммзен¹⁹³.

Нельзя было оставить без помощи Иссе. Первому союзнику на Балканах¹⁹⁴ надо было показать, что он не ошибся в выборе покровителя. Только так можно было сохранить прежних союзников и получить новых, что было особенно важно на Балканах, где Рим делал первые шаги. Римляне хотели оказать услугу Иссе, чтобы показать свою дружбу (Dio Cass. fr. 49). Войны научили сенат ценить союзы, а лучшее средство сохранить союзников – это помогать тем из них, кто попал в беду (Liv. XXI.52). Возможно, до 230 г. до н. э. Исса действительно не была в союзе с Римом, но самым фактом обращения за помощью перешла под его покровительство.

Захват Сицилии стимулировал торговую деятельность и интерес к морским границам, Рим начал обращать внимание на обеспечение своего восточного побережья¹⁹⁵. Серия акций Рима (захват Сардинии и Корсики, разгром галлов, Истрийская война 222–221 гг. до н. э.¹⁹⁶) имела целью установить господство в италийских морях. Иллирия имела важное стратегическое значение¹⁹⁷, и после 229 г. до н. э. Рим стал хозяином Адриатики¹⁹⁸.

Осторожность и неспешность римлян вполне понятны, вторжение на территорию македонского союзника могло вызвать ненужную сейчас войну с Антигонидами. Вся сложность заключалась не в сопротивлении иллирийцев, а в возможных международных осложнениях¹⁹⁹. Поэтому для удара выбрали единственно возможный момент – Деметрий II умер, его сын Филипп был ещё мал, и страна оказалась в сложном положении (Just. XXVIII.3.14)²⁰⁰. Рим не оккупировал Иллирию – это могло насторожить греков. Была установлена узкая полоса протектората, почти соприкоснувшегося с территорией Македонии²⁰¹. Часть земель отдала Деметрию Фаросскому, ожидая найти в нём верного союзника. Римляне закрепились в городах на побережье, получив базу для дальнейших действий.

Эти города, формально *dediticii*²⁰², имели тот же статус, что и взятые штурмом²⁰³, что обрекало их на полное бесправие. Фактически они остались автономными, «свободными» (App. Illug. II.8) от Рима, но только во внутренних делах²⁰⁴. Полибий называет их подданными римлян (III.16.3), так же рассматривали их сами римляне (App. Illug. II.7). Города поставляли вспомогательные войска (Polyb. II.12.2), их положение соответствовало римским союзникам, но правильнее определить его как протекторат. Греки не могли защититься от пиратов. Поэтому протекторат не ощущался болезненным ограничением независимости²⁰⁵. Римских «наместников»²⁰⁶ в городах не было. Имелись лишь постоянные коменданты гарнизо-

¹⁹³ Моммзен Т. Указ. соч. С. 521.

¹⁹⁴ Вейцковский И.И. Внешняя политика... С. 99.

¹⁹⁵ Егоров А.Б. Указ. соч. С. 26.

¹⁹⁶ Упоминается: Liv. XXI,16; Eutrop. III,7,1; Oros. IV, 13; Zon. VIII,20. Ряд исследователей отрицали её достоверность, но их мнение убедительно опровергнуто Х. Деллом (*Dell H.J. Demetrios of Pharos and the Istrian War // Historia. 1970. Bd. XIX. H. 1. P. 30–38*).

¹⁹⁷ Hammond N.G.L. Illyris, Rome and Macedon in 229–205 B.C. // JHS. 1968. Vol. LVIII. Pt. I–II. P. 20.

¹⁹⁸ Holleaux M. The Romans in Illyria. P. 837.

¹⁹⁹ Homo L. Opus cit. P. 251.

²⁰⁰ См.: Fine J.V.A. The Background of the Social War of 220–217 B.C. // AJPh. 1940. Vol. XLI. № 2. P. 130.

²⁰¹ См.: Tarn W.W. The Greek Leagues and Macedon // CAH. Vol. VII. P. 763.

²⁰² Larsen J.A.O. Was Greece free between 196 and 146 B.C.? // CPh. 1935. Vol. XXX. № 3. P. 198; Walbank F.W. A Historical Commentary... P. 161.

²⁰³ Oost S.I. Opus cit. P. 13.

²⁰⁴ Ibid.

²⁰⁵ Toynbee A. Hannibal's Legacy. Vol. 1. P. 441.

²⁰⁶ Степанов С.Л. Лекции по римской истории. СПб., 1892. С. 384.

нов Иссы, Коркиры²⁰⁷ и, возможно, Эпидамна²⁰⁸. Иллирийские племена были обложены данью (Liv. XXII.33). Рим стал патроном слабых, зависимых государств-клиентов, его обязанности могли трактоваться очень гибко²⁰⁹. Обычно римляне вели себя на завоеванных территориях куда жёстче, но сейчас неопределённость их положения на Балканах вынуждало быть дипломатичнее.

Римские посольства, прибыв в Этолию и Ахайю, объяснив причины появления римлян на полуострове, зачитали условия мира с Тевтой (Polyb. II.12.4), обезопасившего море, что вызвало искренний восторг греков. Это был тонкий дипломатический ход, Рим появился в Греции не агрессором, а освободителем. Уже после I Пунической войны часть греческого мира знала Рим как сильную державу, способную защитить друзей²¹⁰, а сейчас его авторитет резко возрос. Нельзя согласиться, что всё закончилось лишь «обменом любезностями»²¹¹. Были заложены основы дружеских, хотя и недолгих, греко-римских отношений, имеющих основанием «общую неприязнь к Македонии»²¹². Коринфяне даже допустили римлян к Истмийским играм (Polyb. II.12.7), тем самым признав их членами эллинского мира²¹³, правда, чисто формально. Исполития, дарованная римлянам Афинами, упоминается только Зонарой (VIII.19) и отрицается большинством учёных²¹⁴.

Сенат не случайно направил первые посольства именно в Этолию и Ахайю, самые сильные союзы, враждебные Македонии. Он рассчитывал найти в них опору против македонян. Союзы, в свою очередь, могли надеяться с помощью Рима вытеснить царя из Греции, что отвечало и римским интересам. Вопреки мнению Ф. Уолбэнка²¹⁵ посольства имели ярко выраженный антимакедонский характер²¹⁶. Последующие посольства в Афины, только в 229 г. до н. э. освободившиеся от власти Антигонидов, и в Коринф – метрополию Аполлонии и Эпидамна имели ту же цель: заручиться возможной поддержкой греков, противостоящих Македонии.

Греция к III в. до н. э. ослабела, походы Александра, переселения на Восток, усобицы, нашествие галлов 280 г. до н. э. привели к убыли населения. Беды усугублялись вторжениями македонян, пиратством, неурожаями, снижением уровня жизни и политической нестабильностью. Наряду с кризисом полиса усилилась автаркия. Прежние центры пришли в упадок, поднялись бывшие окраины, за века накопившие сил. Федерализм не имел перспектив в Греции, поскольку носил узкорегionalный характер. Эллада оказалась в тупике, из которого сама не могла выбраться. Ни один союз не имел достаточно сил, чтобы объединить всю Грецию, да никогда и не ставил перед собой таких целей, учитывая традиционный эллинский автаркизм. Р. Фласерьер явно переоценивает мощь Этолии, полагая, что она не уступала Македонии²¹⁷, как показали последующие события, этолийцы не могли на равных тягаться с Антигонидами. Упорно борясь с Македонией, Этолия, однако, влияния в Греции не имела. Её войны разоряли страну, непрерывно грабившие Элладу этолийцы (Polyb. IV.16.4) только после одного похода в Лаконику увели в рабство 50 000 человек (Plut. Cleom. 18.7). Ахейский союз враждовал с Этолией, что мешало им успешно бороться с македонянами.

²⁰⁷ Герцберг Г.Ф. История Рима. М., 1881. С. 207.

²⁰⁸ Household H. W. Roman Republic and Empire. Vol. 1. London, 1936. P. 119; Ср.: Liv. XXIV.40.

²⁰⁹ Boak A.E.R., Sinnigen W.G. Opus cit. P. 110.

²¹⁰ Forte B. Rome and the Romans as the Greeks saw them. Rome, 1972. P. 12.

²¹¹ Cary M. Opus cit. P. 196.

²¹² Вебер Г. Всеобщая история. Т. 3. М., 1892. С. 448.

²¹³ Scullard H.H. A history of the Roman world. London, 1961. P. 175.

²¹⁴ См.: Toynbee A.J. Hannibal's Legacy. Vol. 2. P. 439.

²¹⁵ См.: Walbank F. W. A historical Commentary... P. 166.

²¹⁶ Здесь мы совершенно согласны с В. Пайаковским – см.: Pajkowski W. Opus cit. S. 199.

²¹⁷ Flaceliere R. Les aitolians a Delphies. Paris, 1937. P. 256.

Завоевания Александра меньше всего дали самой Македонии. Часто подвергаясь набегам варваров, она теряла позиции на Балканах, когда появились римляне – опасные конкуренты. Слишком многие греки, враждебные царям, готовы были поддержать против них кого угодно. Так был завязан узел римско-македонской вражды²¹⁸. Яблоком раздора стала не только Иллирия, но и влияние в Греции: римляне, быстро сориентировавшись, стремились установить дружбу с эллинами. Мнение ряда учёных, что появление римлян не угрожало Македонии²¹⁹ и не тревожило царей²²⁰, никогда не владевших Иллирией²²¹ и не имеющих там интересов²²², глубоко ошибочны. По их мнению, Антигон Досон не был враждебен Риму²²³. Парадоксальны выводы Х. Делла: Рим не сделал Иллирию провинцией, значит, не имел экспансионистских намерений, а ослабевшую Македонию римляне не считали угрозой своему протекторату²²⁴. Римское вмешательство прекратило агрессию иллирийцев и установило порядок на Адриатике, что было полезно Антигонидам²²⁵. Римский протекторат обеспечил безопасность Македонии от иллирийцев²²⁶, Антигониды не имели притязаний на Иллирию и были согласны с присутствием римлян, усмиряющих варваров²²⁷. Некритично усвоив его взгляды, А.С. Буров пишет: «Серия Римско-иллирийских войн нейтрализовала столь актуальную для Македонии иллирийскую опасность»²²⁸.

Безусловно, правы те исследователи, кто отмечает враждебность Македонии к Риму²²⁹, вторгшемуся в сферу её влияния²³⁰. Западные границы имели для Македонии огромное значение, Рим отрезал её от моря, без войны с ним дальнейшая экспансия Антигонидов в Иллирии была невозможна²³¹. I Иллирийская война встревожила Македонию и создала антагонизм между нею и Римом²³². Характерно, что в Македонию римские послы не прибыли²³³, как и в полисы, наиболее страдавшие от пиратства. Римляне хотели добиться расположения только возможных союзников²³⁴. То, что Рим отправил послов не к ближайшим соседям – Эпиру и Македонии, а к их врагам – Этолии и Ахайе показывает, что он не был заинтересован в установлении мирных отношений²³⁵.

²¹⁸ Соколов Ф.Ф. Третье столетие до Р.Х. // Труды Ф.Ф. Соколова. СПб., 1910. С. 256.

²¹⁹ Gruen E.S. The Hellenistic World... Vol. 2. P. 367.

²²⁰ Dell H.J. Antigonos III... P. 102; Павловская И.Е. Указ. соч. С. 425.

²²¹ Dell H.J. Antigonos III... P. 99.

²²² Walbank F.W. Philip V of Macedon. P. 13; Самохина Г.С. Панэллинская идея в политике Македонии конца III в. до н. э. // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 106–107.

²²³ Dell H.J. Antigonos III... P. 100; Walbank F.W. Macedon and the Greek leagues // CAH. 2nd ed. Vol. VII. Cambridge, 1984. P. 469.

²²⁴ Dell H.J. Antigonos III... P. 96.

²²⁵ Opus cit. P. 99.

²²⁶ Ibid. P. 100.

²²⁷ Ibid. P. 102.

²²⁸ Буров А.С. Указ. соч. С. 21.

²²⁹ Рапович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950. С. 253; Вейцковский И.И. Внешняя политика... С. 100; Шофман А.С. История античной Македонии. Т. 2. Казань, 1963. С. 197; Малеванный А.М. Иллирийцы... С. 17; Ihne W. The history of Rome. London, 1871. P. 277; Heitland W.E. The Roman republic. Vol. 1. Cambridge, 1909. P. 219, 267; Hallward B.X. The Roman defensive // CAH. Vol. VIII. P. 61; Griffith E.T. An Early Motive of Roman imperialism (201 B.C.) // CHJ. 1935. Vol. V. № 1. P. 6; Jackzynowska M. Historia starozytnego Rzymu. Warszawa, 1982. S. 101.

²³⁰ Fine J.V.A. Macedon, Illyria and Rome, 220–219 B.C. // JRS. 1936. Vol. XXVI. Pt. 1. P. 24.

²³¹ Holleaux M. The Romans in Illyria. P. 839; Fine J.V.A. Macedon, Illyria... P. 31; Starr C.G. Opus cit. P. 482; Pajakowski W. Opus cit. S. 199; Dell H.J. The Western Frontier of the Macedon Monarchy // Ancient Macedonia. Thessaloniki, 1970. P. 115–121.

²³² Holleaux M. The Romans in Illyria. P. 840; Hammond N.G.L. Illyris, Rome... P. 9.

²³³ Grimal P. Opus cit. P. 338.

²³⁴ Oost S.I. Opus cit. P. 23.

²³⁵ Hammond N.G.L. Illyris, Rome... P. 20.

Антигон Досон был враждебен Риму, но слишком занят другими делами²³⁶ и, как отмечает пересмотревший свои взгляды Х. Делл, не имел сил выступить против римлян²³⁷. Филипп унаследовал «идею-фикс»: очистить Иллирию от римлян²³⁸. Неверно, однако, что обращение царя на Запад – резкий поворот политики, вызванный характером Филиппа, и в союз с Ганнибалом он вступил, чтобы дать выход «наследственной ненависти»²³⁹. Македония, кровно заинтересованная в хороших отношениях с Иллирией, проявляла здесь активность. Агрон стал союзником Деметрия II (Polyb. II.2.5), Деметрий Фаросский – Антигона Досона (Polyb. II.65), затем – Филиппа, Скердилаид был в союзе с Филиппом (Polyb. IV.2.9). М. Олло подчёркивает, что зимой 220 г. до н. э. Филипп лично прибыл в Иллирию встретиться со Скердилаидом²⁴⁰. Всё это показывает полную преемственность македонской политики в Иллирии.

После 228 г. до н. э. внимание римлян было отвлечено от Балкан. Антигон отбросил фракийцев и занялся греками, спеша укрепить свои позиции в Элладе. В этом ему помогла война ахейцев со Спартой, потерпев поражение, Арат обратился к Македонии за помощью (Polyb. II.50). Он подчинился Досону, чтобы не подчиняться Клеомену, никто другой не смог бы помочь союзу. Разбив Спарту, царь, опираясь на ставшую зависимой Ахайю, в значительной степени восстановил македонское господство в Греции²⁴¹. Досон стал гегемоном нового Эллинского союза, однако туда не вошли многие полисы. Деметрий Фаросский, заключив союз с Досоном, участвовал в Клеоменовой войне (Polyb. III.16.3). Мнение, что иллирийцы в битве при Селассии были наёмниками²⁴², ошибочно²⁴³, Полибий перечисляет их среди союзников, отдельно от наёмников (II.65.4). Деметрий действительно не входил в Панэллинский союз²⁴⁴, но он был личным союзником царя. Рим, занятый галлами, не пресёк эти союзные отношения. Тогда римляне часто, обращая внимание на одно, совершенно упускали из виду другое – у них ещё не выработалось в полной мере умение *мыслить универсально*.

Став неподконтрольным Риму, Деметрий превратился в иллирийского династа и «больше не был римской куклой»²⁴⁵. Почувствовав себя самостоятельным, он отложился и вывел в море пиратов; Ганнибал уже занял Сагунт – война с ним становилась неизбежной (Polyb. III.20.2), следовало обеспечить себя со стороны Иллирии (III.16.1). II Иллирийская война произошла непосредственно перед II Пунической, поэтому их связь более заметна, чем менее очевидная, на первый взгляд, связь между I Иллирийской войной и римско-карфагенским соперничеством. Правда, Д. Свэйн причину II Иллирийской войны довольно поверхностно усматривает всего лишь в возобновлении пиратства²⁴⁶, и вызывает удивление утверждение столь авторитетного учёного, как Р. Эррингтон: мы никогда не узнаем, почему сенат решил устранить Деметрия именно в этот момент²⁴⁷. Непонятно, на чём основывается утверждение, что война

²³⁶ Holleaux M. The Romans in Illyria. P. 840; Walbank F.W. Philip V of Macedon. P. 12.

²³⁷ Dell H.J. The Western Frontiers... P. 124.

²³⁸ Holleaux M. The Romans in Illyria. P. 853.

²³⁹ История человечества / Ред. Г. Гельмольт. Т. 4. СПб., 1896. С. 137; Walbank F.W. Macedon and the Greek leagues. P. 481; Dell H.J. Antigonos III... P. 102.

²⁴⁰ Holleaux M. The Romans in Illyria. P. 848.

²⁴¹ В посвяtitельной надписи по случаю победы упоминаются «царь и союзники» (Ditt. Syll³. № 518), которые не поименованы, что, на наш взгляд, однозначно показывает их подчинённое положение.

²⁴² Берсер А. Социальные движения в Древней Спарте. М., 1936. С. 96; Самохина Г.С. Панэллинская идея... С. 110; Dell H.J. Demetrios of Pharos... P. 37; Idem. Antigonos III... P. 101.

²⁴³ См.: Hammond N.G.L., Walbank F.W. A history of Macedonia. Vol. III. 336–167 B.C. Oxford, 1988. P. 354; Hammond N.G.L. The Macedonian state. The Origins, Institutions and History. Oxford, New York, 1992. P. 327.

²⁴⁴ Самохина Г.С. Панэллинская идея... С. 110.

²⁴⁵ Dell H.J. Demetrios of Pharos and the Istrian War // Historia. 1970. Bd. XIX. Hft. 1. P. 37.

²⁴⁶ См.: Swain J.W. Opus cit. P. 131.

²⁴⁷ Errington R.M. Rome and Greece. P. 93.

началась «по инициативе» Деметрия Фаросского²⁴⁸. Традиционно отмечается, что Рим хотел развязать руки для предстоящей войны и боялся потерять господство в Адриатике²⁴⁹. Филипп, правивший с 221 г. до н. э., воевал в Этолии и не мог помочь союзнику²⁵⁰, да и не успел бы.

Когда в 219 г. до н. э. римляне взяли Дималу (Polyb. III.18.5), остальные города просили принять их под покровительство, причём консул принимал каждый город «на соответствующих условиях» (Polyb. III.18.7). Несомненно, на их выбор повлияло положение Аполлонии и других городов, мягкое отношение к которым давало и им надежду на подобное. Деметрию удалось бежать в Македонию (Polyb. III.19.8). Характерно, что сейчас Рим не стал рассылать послов по Греции – это было подавление восстания в собственно римских владениях, его не надо было никому объяснять²⁵¹.

Поражение Македонии во II Македонской войне почти окончательно отрезало её от Иллирии. Филипп старался закрепиться во Фракии, поскольку путь на Запад ему закрыли римляне. Но контакты с иллирийцами не прекращались. В начале III Македонской войны Персей совершил поход в Иллирию, надеясь перетянуть местные племена на свою сторону. Ему удалось занять несколько городов и оставить в них свои гарнизоны. Вождь лабеатов Гентий обещал царю помощь, но просил денег. Скупой по натуре Персей (см.: Liv. XLII.67.5; XLIV.26.1; Polyb. XXVIII.9; Plut. Aem. Paul.12–13) не желал даже говорить о деньгах, «хотя только ими одними мог быть склонён к войне неимущий варвар» (Liv. XLIII.20.3). Очевидно, Гентий не был убеждённым врагом Рима, а просто решил использовать благоприятную ситуацию, чтобы вытянуть у царя крупную сумму денег. Помощь Гентия могла быть очень существенной, но Персей «не мог заставить себя потратиться даже ради этого дела величайшей важности» (Liv. XLIII.23.8). Только когда римляне уже стояли на подступах к Македонии, царь купил союз с Гентием за 300 талантов серебра (Liv. XLIV.23.2), но из них вождь получил на руки лишь 10 (Liv. XLIV. 27.8—12)!

Часть иллирийцев сражались на стороне Рима, как и ополчения из греческих полисов Иллирии (см.: Liv. XLIV.30.10). Римляне покорили владения Гентия за 30 дней, сам вождь попал в плен и вместе с Персеем был проведён по улицам Рима во время триумфа Эмилия Павла. Иллирию разделили на три самостоятельных области (см.: Liv. XLV.26.12–12).

Но покорение Иллирии на этом далеко не закончилось, её северо-запад фактически оставался независимым. Ещё накануне II Иллирийской войны римляне воевали с истрами (221–220 гг. до н. э.). По мнению Х. Делла, причины войны – пиратство истров и, возможно, их союзные отношения с Деметрием Фаросским²⁵². С первым можно согласиться, но союз истров с Деметрием весьма гипотетичен, если даже он и существовал, то едва ли мог стать причиной похода. Да и пиратство – далеко не главное, скорее следует говорить о стремлении Рима поставить под свой контроль весь бассейн Адриатического моря, сделать его своим «внутренним морем». Стратегическое значение Адриатики как связующего звена между Италией и Балканами было огромным. Более мелкий и более частный фактор – истры, как и все иллирийцы, пиратствовали во многом «ради хлеба», дефицитного в их гористой стране со слабо развитым земледелием, а римляне просто провоцировали их на разбой, вывозя морем из плодородней-

²⁴⁸ Самохина Г.С. Иллирийские войны (о принципах римской политики на Балканах в конце III в. до н. э.) // Античность и Средние века: Полис, империя, этнос. Нижний Новгород, 1991. С. 51.

²⁴⁹ См.: Holleaux M. The Romans in Illyria. P. 849; Grimal P. Opus cit. P. 339; Walbank F.W. The Hellenistic World. P. 230; Errington R.M. The dawn of Empire. P. 108; П. Олива добавляет к этому: римляне не хотели терпеть независимые акции иллирийцев, которых считали своими клиентами: Oliva P. Recko mezi Makedonii a Rimem. Praha, 1995. S. 177; Ковалёв С.И. Указ. соч. С. 212.

²⁵⁰ Frank T. Roman imperialism. P. 117. Д. Файн, впрочем, полагает – не захотел, выжидая более благоприятной обстановки (Fine J.V.A. Macedon, Illyria... P. 36), но мы с этим не согласны: в любом случае он не успел бы, всё произошло очень быстро.

²⁵¹ Oost S.I. Opus cit. P. 23.

²⁵² Dell H.J. Demetrius of Pharos... P. 30.

шей Цизальпинской Галлии транспорты с зерном²⁵³. С начала 20 гг. III в. до н. э. возникает претензия Рима на контроль над бассейном Адриатики, поскольку началась экономическая эксплуатация Северной Италии, она требовала свободных морских путей со стороны восточного побережья²⁵⁴. Война с истрами началась из-за того, что они грабили римские корабли с хлебом (Еутроп. III. II), – правительство вынуждено было позаботиться об их безопасности. Конечно, и пиратство было бы намного легче искоренить, прочно контролируя всю акваторию Адриатики и хотя бы прибрежные части Иллирии. Однако достичь этого никак не удавалось: Риму пришлось ещё несколько раз воевать с истрами (181–176, 171, 129 гг. до н. э.) – похоже, что он полностью не контролировал даже Истрию²⁵⁵. Здесь римляне завязли на несколько десятилетий – как и в Испании. В 157 г. до н. э. сенат начал войну на крайнем севере-западе Балкан – в Далматии, к 155 г. до н. э. её покорили. Можно предположить желание установить сухопутный мост между Италией и Балканами вокруг Адриатики.

Если посмотреть на более отдалённую перспективу, то последние Иллирийские войны периода Римской республики – это походы Октавиана 35–33 гг. до н. э. Но они были вызваны не столько внешнеполитическими соображениями, сколько внутренними проблемами Римского государства. Опасность отпадения Иллирии и зависимость безопасности Италии от сопредельных иллирийских территорий, о чём пишет А.М. Малеванный²⁵⁶, нам представляется объяснениями надуманными. Римскому господству в Иллирии реально ничто не угрожало, не говоря уже о том, что местные племена не собирались вторгаться в Италию или предоставлять свою территорию для прохождения туда потенциальным врагам Рима. Тем более что к северу и северо-востоку от Адриатики просто не было сил, которые на тот момент могли бы представлять собой угрозу Риму.

Несомненно, правы исследователи, которые главной целью походов Октавиана считают его желание укрепить свой личный авторитет²⁵⁷, с чем в конечном счёте соглашается и А.М. Малеванный²⁵⁸. Парфянский поход Антония в 36 г. до н. э. был попыткой создать подавляющий перевес над Октавианом²⁵⁹, предпринявшим в ответ пропагандистскую контракцию в Иллирии. На фоне неудачи Антония в Парфии чрезмерно раздутые самим Октавианом его довольно скромные достижения в Иллирии²⁶⁰ должны были продемонстрировать сенату и народу римскому – кто из них достойнее власти. Необходимость чем-то занять армию и попутно добыть денег на её содержание (App. BC. V. 127; 128; Dio Cass. 49.36.1), равно как и желание отомстить далматам за разгром римских легионов зимой 48/47 г. до н. э.²⁶¹ – это тоже факторы внутриполитические. По римским понятиям, кровь квиритов не должна оставаться неотомщённой. Прекрасно владеющий всеми методами политической пропаганды и искусством саморекламы, Октавиан демонстративно поместил в портик Октавии отбитые у далматов знамёна Габиния (App. Illyr. 28; Dio Cass. 49.43.8).

²⁵³ Opus cit. P. 36–37.

²⁵⁴ Трухина Н.Н. Указ. соч. С. 68.

²⁵⁵ Opus cit. P. 37.

²⁵⁶ Малеванный А.М. Иллирийские походы Октавиана (35–33 гг. до н. э.) // ВДИ. 1977. № 2. С. 130.

²⁵⁷ См.: Gardthausen V. Augustus und seine Zeit. Teil I. Bd. I. Leipzig, 1891. S. 317; Машикин Н.А. Принципат Августа. М. —Л., 1949. С. 270; Парфёнов В.Н. Социально-политическая роль римской армии (44–31 гг. до н. э.). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1983. С. 14.

²⁵⁸ Малеванный А.М. Иллирийские походы... С. 141.

²⁵⁹ Парфёнов В.Н. Указ. соч. С. 14.

²⁶⁰ Малеванный А.М. Иллирийские походы... С. 141.

²⁶¹ Указ. соч. С. 130.

Важен конкретный итог войны 35–33 гг. до н. э. Настоящего завоевания иллирийских племён не произошло, поэтому походы Октавиана были скорее карательными экспедициями²⁶². Значительная часть племён фактически не находились под римской властью²⁶³.

Таким образом, длительные почти двухсотлетние контакты римлян с иллирийцами вплоть до конца Республики не привели к прочному овладению всем восточным побережьем Адриатического моря. Это оказалось задачей на будущую перспективу. Сам термин «Иллирия» – это понятие чисто географическое, единого государства здесь никогда не было, как не было и зрелой государственности. Союзы племён, максимум – рыхлые протогосударственные образования типа «царства» Тевты, лишённые внутренних цементирующих связей. Только интегрировавшись в Римскую державу, иллирийцы получили единую организацию, хотя это и была всего лишь римская провинция. Но самое примечательное при этом – достаточно быстрая романизация Иллирии, географически, экономически и даже культурно всегда более близкой к Греции, чем к Риму. Более тяготевшей к греко-македонскому, а не римскому влиянию. Это одна из немногих примыкавших непосредственно к Греции территорий, столь быстро ушедших из ареала эллинского воздействия, даже несмотря на большое количество греческих полисов в Иллирии. Ко времени издания эдикта Каракаллы о даровании гражданских прав всему свободному населению империи в 212 г. н. э. иллирийцы фактически уже стали римлянами. Это одна из наиболее привлекательных черт римской государственности – умение превращать вчерашних врагов в нынешних сограждан. Чужих – в своих. Цивилизаторская миссия Рима²⁶⁴ в Иллирии несомненно присутствовала, даже на уровне смягчения нравов аборигенов, включённых в орбиту римской цивилизации. Правда, произойти это могло лишь в рамках единой Римской империи, отказавшейся от полисной замкнутости Республики. При аккультурации две различные культуры вступают в контакт и каждая заимствует культурные черты другой, но обычно это имеет асимметричный характер. Более слабая группа усваивает черты более многочисленной, богатой и мощной группы, что заканчивается ассимиляцией, и более слабая культура «адсорбируется» другой, утрачивая своё своеобразие, – таков общий смысл книги итальянского этнолога А. Миланаччо²⁶⁵. Разумеется, римская культура была выше, но в любом случае феномен столь быстрого «оримливания» варваров-иллирийцев ещё ждёт своего объяснения.

Важность II Иллирийской войны заключается и в её последствиях: отношения Рима с Македонией испортились окончательно²⁶⁶, тем более что римляне потребовали выдачи Деметрия (Liv. XXII.33) – по эллинистическим понятиям, такое требование можно предъявить только зависимому или заведомо слабому государству! Филипп не мог простить Риму такого унижения. Царь энергично давил на Грецию, добиваясь подчинения, Рим мог стать существенной помехой. Теперь сама Македония не могла чувствовать себя в безопасности. Филипп понимал, что рано или поздно Рим начнёт с ним войну²⁶⁷. Царь был недоволен утверждением римлян в Иллирии и желал вытеснить их оттуда²⁶⁸. Нельзя согласиться, что «сохранить мир с Македонией не составило бы труда»²⁶⁹. Вторгшись в сферу её интересов, Рим стал врагом, и

²⁶² Schmitthenner W. Octavians militärische Unternehmungen in den Jahren 35–33 v. Chr. // *Historia*. Bd. II. Hft. 2. 1958. S.217, 221.

²⁶³ Syme R. Augustus and the South Slav Lands // *Revue int. d'Etudes Balk.* 1937. № 3. P. 33–46; Alföldy G. Bevölkerung und Gesellschaft der römischen Provinz Dalmatien. Budapest, 1965. S. 26.

²⁶⁴ См.: Уколова В. О Рим мой! Мы в твоей тени... // *Знание – сила*. 1996. № 10. С. 104–106.

²⁶⁵ Milamaccio A. Etnocentrismo: Una lettura evoluzionistica. Torino, 1999.

²⁶⁶ Сведений о «дипломатической полемике» Филиппа с Римом по поводу 2-й Иллирийской войны (См.: Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. Т. 1. М., 1960. С. 211) в источниках, однако, нет.

²⁶⁷ Hammond N.G.L. *Illyria, Rome...* P. 21.

²⁶⁸ Grant M. *Opus. cit.* P. 264.

²⁶⁹ Моммзен Т. Указ. соч. С. 544.

ничто не могло помешать царю начать войну в удобный момент. Сильного и опасного соседа надо было сбросить в море. Одному Филиппу это было непосильно, он ждал подходящего случая.

Разумеется, хорошие отношения с Македонией, которых в действительности Рим не имел, не были «принесены в жертву из-за ничтожной прибыли»²⁷⁰. Такая уничижительная оценка Иллирийских войн недопустима. Римляне закрепились на Балканах, завязали отношения с греками, укрепили, как казалось, восточный тыл перед решающей схваткой с Карфагеном²⁷¹. «Желающие верно понять нашу задачу и выяснить себе постепенный рост римского могущества, должны со вниманием остановиться на этом событии» (Polyb. II.2.2). Именно Иллирийские войны следует признать началом восточной политики Рима.

Римляне имели целью ближайшие конкретные задачи. Быстро меняющаяся политическая ситуация позволяла планировать лишь на обозримое будущее (покорение галлов, запоздалая попытка остановить Баркидов в Испании, Иллирия). Сенат не всегда понимал, какие последствия могут вызвать его действия. Он, конечно, не мог предвидеть, что Филипп станет союзником Ганнибала, как и предположить, что пунийцу удастся ворваться в Италию.

Оба удара в Иллирии были нанесены в единственно возможный момент – когда Македония не могла помешать. Это не может быть случайным совпадением, очевидно, сенат был хорошо информирован о положении на Балканах. Полибий упоминает итальянских «соглядатаев» в Греции (V.105.5). Позже в этолийском стане находился специальный римский уполномоченный проконсул Сульпиций (App. Мас. III.I), свежую информацию могли поставлять греческие купцы Юга Италии. Сам факт информированности подтверждает интерес к полуострову²⁷². Трудно согласиться, что Рим «не имел заинтересованности»²⁷³ в Балканах. Проявляя безразличие к Малой Азии или Селевкидам, сенат тогда и не стремился собирать о них сведения.

После покорения Италии возможность расширять свои территории была исчерпана, правительство могло поневоле заинтересоваться ближайшими заморскими землями (Сицилия, Балканы). В перспективе они могли стать объектом агрессии. Во время Иллирийских войн сенат проявлял интерес к Западным Балканам, стремился захватить здесь стратегические позиции²⁷⁴. Вслед за Ю.Е. Журавлёвым мы полагаем: Иллирийские и две Македонские войны – это последовательные этапы развития восточной политики, направленной на укрепление и расширение римских позиций на Балканах и установление союзных отношений с греческими государствами²⁷⁵. По внутренней логике развития событий это стало первым этапом всей восточной политики Республики.

В начале правления популярность Филиппа V в Греции была велика (Polyb. IV.77), его господство держалось не только силой оружия, но и личным обаянием царя (Polyb. VI.12). Хотя трудно согласиться, что у него были «серьёзные шансы объединить Грецию»²⁷⁶, так как существовала коалиция врагов Македонии.

²⁷⁰ Моммзен Т. Указ. соч. С. 544.

²⁷¹ Обе стороны решали свои пограничные и стратегические проблемы: Карфаген – в Испании, Рим – в Цизальпинской Галлии и Иллирии.

²⁷² См.: Dell H.J. Macedon and Rome: the Illyrian question in the second century B.C. //Ancient Macedonia II. Thessaloniki, 1977. P. 306.

²⁷³ Моммзен Т. Указ. соч. С. 659.

²⁷⁴ Журавлёв Ю.Е. Взаимоотношения Рима с державой Селевкидов (220–160 гг. до н. э.). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1982. С. 13.

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М.—Л., 1949. С. 38.

Уже во время Союзнической войны Филипп, возможно, имел план изгнания римлян из Иллирии²⁷⁷. Можно точно утверждать, что он внимательно наблюдал за римлянами и был хорошо осведомлён об их делах²⁷⁸. Известия о неудачах Рима должны были усилить его решимость. Начать войну убеждал его и Деметрий Фаросский (Polyb. V.101.7—10; Justin. XXIX.2.7). Однако сомнительно, что Деметрий «усилил его враждебность к Риму»²⁷⁹, — у царя и без него были основания недолюбливать римлян. Неверно, что с началом II Пунической войны Филипп «колебался, кому желать победу» (Liv. XXIII.33), выбора не было, враг Рима мог стать другом. Царь уже готов был принять сторону Ганнибала²⁸⁰. Он закончил Союзническую войну именно с целью развязать себе руки. На переговорах этолиец Агелай, призывая к миру, указал на Запад, где сцепились два хищника, и предостерёг, что победитель не удовлетворится властью над Италией (Polyb. V.104.3; Justin. XXIX.2.8—9). Ещё тогда некоторые дальновидные греки понимали смысл борьбы сверхдержав и страшились её последствий. Если только Агелай не спекулировал «опасностью с Запада» для получения более мягких условий мира для Этолии.

Впрочем, в любом случае было ясно, победитель станет слишком силён и опасен. Филипп мог призвать греков к единству под эгидой Македонии и представить борьбу за Иллирию общеэллинским делом, но тогда он ещё не был опытным политиком. Мнение И.Г. Дройзена, что сознательной целью мира в Навпакте было желание соединиться на великую борьбу с Римом²⁸¹ глубоко ошибочно.

Многие вслед за Полибием (VI,14) преувеличивают влияние на царя Деметрия Фаросского²⁸², внушившего Филиппу мечты о мировом господстве (Polyb. V.102.1; V.108.5). Молодой монарх вёл себя подчёркнуто независимо и вообще был маловнушаем. Он никогда не был игрушкой в руках Деметрия или Арата, как уверяет Полибий²⁸³. Утверждения Полибия, что род Антигонидов всегда мечтал о мировом господстве (V.102.1), голословно. Во времена Филиппа мировое господство ещё мыслилось только в рамках державы Александра²⁸⁴. В своей произвольной конструкции Полибий игнорирует существование Селевкидов и Карфагена, с которыми Македония не могла соревноваться на равных, они не допустили бы её усиления, и, очевидно, царь это прекрасно понимал. Высказывания автора об амбициях Филиппа риторически приукрашены²⁸⁵. Интересы царя никогда не распространялись за пределы Балкан и Эгеиды. Воспитанный на политике баланса сил, он не знал войны на уничтожение, что так рано познал Рим, вообще не склонный к компромиссам и идущий на них только вынужденно.

Нет смысла преуменьшать агрессивность Филиппа. В его политике постоянным и наиболее важным элементом была война. 42 года его правления дали всего восемь лет мира: 221, 196, 194—192, 188, 185, 182 гг. до н. э.²⁸⁶ Однако в предстоящем столкновении с римлянами цели царя были весьма скромными — отнять Иллирию, воспользовавшись их затруднениями, что было вполне в духе эллинистической политики. Вытеснить римлян из Иллирии стало для

²⁷⁷ Fine J.V.A. *Macedon, Illyria...* P. 38—39.

²⁷⁸ Это хорошо видно из его письма жителям города Лариса (Ditt. Syll., № 543).

²⁷⁹ Sanford E. *Opus cit.* P. 341.

²⁸⁰ Robinson C.E. *A History of Rome from 753 B.C. to A.D. 410*. London, 1935. P. 53.

²⁸¹ Дройзен И.Г. Указ. соч. С. 313.

²⁸² Беккер К.Ф. *Всемирная история*. Т. 3. СПб., 1843. С. 383; Grimal P. *Opus cit.* P. 339; Ormerod H.A. *Opus cit.* P. 175; Chroust A.-H. *International Treaties in Antiquity. The diplomatic negotiations between Hannibal and Philip of Macedon* // *Classica and Mediaevalia*. Vol. XV. Fasc. 1—2. P. 104; Errington R.M. *The dawn of Empire*. P. 110; Swain J.W. *Op. cit.* P. 132.

²⁸³ Тарасенко В.С. Ахейские политические деятели в освещении Полибия // *Вопросы всеобщей истории. Ученые записки*. Т. 62. Калинин, 1971. С. 107.

²⁸⁴ Ранович А.Б. Указ. соч. С. 254.

²⁸⁵ Oost S.I. *Opus cit.* P. 28; Gruen E.S. *The Hellenistic World...* Vol. 2. P. 374.

²⁸⁶ Walbank F.W. *Philip V of Macedon*. P. 259.

него буквально вопросом жизни²⁸⁷. К большему он не стремился, что и подтвердили дальнейшие события.

Мир, заключённый в Греции летом 217 г. до н. э. на условиях сохранения статус-кво (Polyb. V.103.7), позволил Филиппу начать войну со Скердилаидом, совершившим набег на Македонию (Polyb. V.108.2). К весне 216 г. до н. э. было построено 100 лемб, «чтобы переправить на них войска в Италию» (Justin. XXIX.4.1)²⁸⁸, но Полибий пишет лишь, что Филиппу для его «замыслов» нужны были суда (V.109.1). Будь это десант в Италию, автор не преминул бы об этом сообщить. Даже Ливий нигде не говорит, что уже в это время царь хотел высадиться в Италии. Лембы – малые суда с одним рядом вёсел и без тарана²⁸⁹ – вмещали 50 человек (см.: Polyb. II.3.1).

Типологически лембы близки *камарам*, на которых пиратствовали в Понте жители Западного Кавказа. Небольшая лёгкая *камара* несла 25–30 человек²⁹⁰. Если продолжить типологический ряд, то от лембы через камару мы придём к ладье князя Олега и казачьей *чайке* запорожцев. Все эти судёнышки были небольшими и беспалубными. Максимальное число воинов, которое могли принять 100 лемб, – 6000 человек²⁹¹.

С такими силами царь никогда бы не рискнул на вторжение в Италию: союз Ганнибалом ещё не был заключён, к тому же пуниец находился далеко от побережья, в любом случае до его подхода отряд был бы уничтожен. А если бы в открытом море эта лёгкая флотилия встретила несколько римских трирем – они без труда потопили бы всю сотню лемб. На пути к Аполлонии Филипп узнал, что римский флот стоит в Сицилии (Polyb. V. 109.5). Море было свободно, но царь двинулся не в Италию, где мог без помех высадиться, а к Иллирии. Ещё раньше Филипп захватил Закинф (Polyb. V.102.10) – прекрасную морскую базу южнее Акарнаний, откуда без труда мог достичь Италии. Наконец, обогнув Пелопоннес с востока (этим путём он и шёл в 216 г. до н. э.), царь всегда мог беспрепятственно плыть к итальянскому побережью.

Следовательно, в 216 г. до н. э. Филипп даже и не думал ударить по Италии – его спор с римлянами мог быть решён только в Иллирии и нигде больше. Лембы нужны были для переброски войск к Аполлонии и осады с моря. Римляне, извещённые Скердилаидом, послали 10 кораблей, царь, решив, что на него идёт весь флот, бежал. Полибию страх Филиппа кажется неоправданным (V.110.7), но это только доказывает, что его суда были слишком малы и не годились для морского сражения.

После катастрофического поражения римлян в битве при Каннах царь решил заключить союз с Ганнибалом и продолжить операции в Иллирии. Летом 215 г. до н. э. возвращающееся домой македонское посольство попало в руки римлян, успевших принять меры (Liv. XXIII.38). Первый раз послов задержали ещё по пути к Ганнибалу, но тогда им удалось уйти, заявив, что они плывут заключать союз с Римом (Liv. XXIII.33). Отсюда идут два недоразумения: Г. Бенгтсон, опираясь на Юстина (XXIX.4.3–4), полагает, что послов отпустили из великодушия, и неизвестно, узнали ли римляне о целях посольства²⁹²; а К. Нич считал: послы должны были заключить союз сначала с Римом, потом – с Карфагеном²⁹³. Источники однозначно гласят,

²⁸⁷ Niese B. Geschichte der griechischen und macedonischen Staaten. Bd. 2. Gotha, 1899. S. 465; Hulse B. Очерк римской истории... С. 135.

²⁸⁸ Так же думает Н.С. Голицын (Голицын Н.С. Всеобщая военная история древних времен. Ч. 3. СПб., 1874. С. 121). Юстин утверждает, что суда были построены после битвы при Каннах (ibid.), в действительности – в 216 г. до н. э. (Polyb. V.109.4). Здесь Юстин путает хронологию и соединяет два похода Филиппа в один.

²⁸⁹ Casson L. The Ancient Mariners. New York, 1959. P. 167; Torr C. Ancient Ships. Chicago, 1964. P. 115.

²⁹⁰ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949. С. 300.

²⁹¹ Hammond N.G.L. Epirus. Oxford, 1967. P. 609. Note 1.

²⁹² Бенгтсон Г. Указ. соч. С. 237.

²⁹³ Нич К. Указ. соч. С. 192.

что целью посольства был союз с Ганнибалом против Рима. Филипп потерял время, и ему пришлось отправить к пунийцу второе посольство (Liv. XXIII.39).

Царь торопился, ему казалось, что война в Италии близится к концу – любое эллинистическое государство после сокрушительного поражения в генеральном сражении просило мира. Он спешил быть включённым в мирный договор, что давало гарантии на будущее. Однако Филипп слишком плохо знал римлян. По римской ментальности – чем хуже обстояли дела, тем твёрже нужно держаться. Они и не думали капитулировать. Помог им и богатый опыт войн в Италии. Как справедливо отмечает Э. Брэдфорд, римляне глубоко усвоили, что отдельная битва ещё не обеспечивает завоевания страны²⁹⁴. Им случалось проигрывать сражения, но одно – завершающее – они всегда выигрывали.

Инициатором союза был царь, противоположные мнения²⁹⁵ ошибочны. Утверждение Корнелия Непота «Филиппа он (Ганнибал. – *Примеч. А.Б.*) заочно втянул во вражду с Римом» (XXIII.2) неверно вдвойне: 1) враждебность к римлянам царь испытывал уже давно; 2) именно Филипп прислал послов к Ганнибалу, но не наоборот! Аппиан неубедительно объясняет союз жадой Филиппа расширить свою власть, утверждая, что ранее царь не испытал от римлян никаких обид (Мас. IX.1). Старая историография полагала, что Антигонид вмешался в войну, верно оценив опасность Рима для восточных государств²⁹⁶. Здесь явно преувеличивается широта политического кругозора царя: он думал только о себе, судьбы Востока его ничуть не занимали. Справедливее мнение, что Филипп стал союзником Ганнибала, понимая опасность появления Рима на Балканах²⁹⁷. Он надеялся разделить с Баркидом плоды победы²⁹⁸, видя благоприятные условия для изгнания римлян из Иллирии, царь и вступил в союз с ним²⁹⁹. Безусловно, главной его целью было вытеснение римлян из Иллирии³⁰⁰. Причина войны – утверждение римлян на Балканах³⁰¹, но отнюдь не «экспансия Филиппа к Адриатике и союз с Ганнибалом»³⁰², «амбиции царя»³⁰³ или его желание «играть мировую роль»³⁰⁴.

Поведение царя во II Пунической войне объясняется одинаковым страхом перед Римом и Карфагеном³⁰⁵. Канны могли стать началом карфагенского господства, чему Филипп не желал помогать, он имел целью сохранить свободу Греции от Карфагена³⁰⁶. Путём союза он добился невмешательства Ганнибала в Грецию, которая признавалась сферой интересов только Македонии³⁰⁷. Очевидно, это и было главной причиной союза. Воспользовавшись войной, царь мог вытеснить римлян с Балкан, опираясь на помощь Карфагена, *но сам ему никакой помощи оказывать не собирался!* После победы Ганнибала владения Филиппа были бы защищены званием карфагенского союзника, в договоре на этом сделан особый акцент – «мы не будем злоумыш-

²⁹⁴ Bradford E. Hannibal. Basingstoke, 1981. P.121.

²⁹⁵ Шлоссер Ф. Всемирная история. Т. 3. СПб., 1862. С. 403; Вегнер В. Указ. соч. С. 434.

²⁹⁶ Пёльман Р. Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1910. С. 362; Мишулин А.В. История Древней Греции. М., 1946. С. 148.

²⁹⁷ Хвостов М. История Греции. М., 1924. С. 248.

²⁹⁸ Cary M., Haarhof T.J. Life and Thought in the Greek and Roman World. L., 1959. P. 65.

²⁹⁹ Swain J.W. Opus cit. P. 144.

³⁰⁰ Пастуховъ И. Българска история. Т. 1. София, 1947. С. 102; Трухина Н.Н. Борьба внутри римского нобилитета в конце III – начале II вв. до н. э. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1974. С. 10; Gast J. The history of Greece. Vol. 2. Basil, 1747. P. 38; Klaffenbach G. Der romische-atolische Bundnisvertrag. Berlin, 1954. S. 159; Oost S.I. Opus cit. P. 30; Fine J.V.A. Macedon, Illyria... P. 39; Toynbee A.J. Hellenism. L., 1959. P. 159; Starr C.G. Opus cit. P. 486; *idem*. The ancient romans. 5th ed. New York, 1975. P. 33.

³⁰¹ Jaczynowska M. Opus cit. S. 101.

³⁰² Walbank F.W. Polybius and Macedonia // Ancient Macedonia. P. 295.

³⁰³ Griffith E.T. An Early Motive... P. 6; Chroust A.Q.-H. Opus cit. P. 102; Walbank F.W. The Hellenistic World. P. 98.

³⁰⁴ Errington R.M. Philip V, Aratus, and the «Conspiracy of Apelles» // Historia. 1967. Bd. XVI. Hft.1. P. 19, 36.

³⁰⁵ Нич К. Указ. соч. С. 215. (Нам представляется, что страх царя перед пунийцами сильно преувеличен. – А.Б.).

³⁰⁶ Указ. соч. С. 193.

³⁰⁷ Бокцаши А.Г. История международных отношений... С. 54.

лять друг против друга...» (Polyb. VII.9.8). В целом это обычная формулировка для эллинской дипломатии, но для Филиппа V она была реально очень важна. После победы Карфагена царь, даже независимо от результатов своей войны с квиритами в Иллирии и даже своих собственных усилий в ней, добивался ухода римлян с Балкан, так как по договору это было условием мира союзников с Римом.

Нет оснований считать, что Италия «определялась сферой интересов Карфагена, куда царь вмешиваться не будет»³⁰⁸, – в тексте договора ничего об этом нет. Филипп не имел интересов в Италии, ему хватало забот на Балканах. Он беспокоился только об удержании Греции³⁰⁹.

Следующий сложный вопрос – определение агрессора в I Македонской войне³¹⁰. Многие отводят эту роль Филиппу. Агрессивность проявила Македония, пытавшаяся отнять у Рима Иллирию, в которой он был заинтересован³¹¹, политика Рима была оборонительной. Внешне всё так и выглядит: Филипп напал, римляне защищались, но такая оценка довольно поверхностна. С другой стороны, Дж. Файн полагает, что оборонительной была политика Македонии³¹². К.А. Ревяко называет агрессором только Рим и отрицает агрессивность царя³¹³.

В действительности агрессорами являются обе стороны. Македония была заинтересована в Иллирии не менее, чем Рим. Для Рима Иллирийские войны были превентивными, вызванными его агрессивной борьбой с Карфагеном. Для царя война за изгнание римлян была такой же, обусловленной агрессией в Греции и нежеланием иметь здесь конкурента. «Оборонительный империализм» продемонстрировали обе стороны, их столкнули агрессия Рима против Карфагена (в перспективе – и против Балкан), и Македонии – против Греции. Появление Рима на Балканах было опасно для македонской гегемонии, но эта опасность не имела ярко выраженного характера и не так бросалась в глаза. Вторжение Филиппа в римские владения представляло непосредственную угрозу римским интересам, поэтому из двух агрессоров таковым порой признаётся только Филипп.

Другой спорный вопрос – это готовность царя воевать в Италии. Господствует мнение, что царь мечтал об этом³¹⁴, только немногие подвергают это сомнению³¹⁵. Д. Мэй признаёт, что попытки Филиппа вытеснить римлян из Иллирии были объективно более полезны для него, чем поход через Адриатику³¹⁶. Вообще уверенность, что Филипп желал воевать в Италии, основывается всего лишь только на трёх указаниях источников, другие свидетельства вторичны и опираются на них:

1. Амбиции Филиппа и его мечты о мировом господстве (Pol. V.108.5). Это утверждение Полибия бездоказательно и не заслуживает доверия. 2. Для переправы в Италию царь считал нужным покончить с делами в Иллирии (Pol. V.108.4). Ему не удалось захватить Иллирию, но не это было причиной того, что он так и не появился в Италии. После овладения Иллирией ему было просто незачем воевать в Италии. Оба предыдущих пассажа Полибия полностью

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Модестов В. Древняя история. СПб., 1850. С. 69.

³¹⁰ Holleaux M. Rome and Macedon: Philip against the Romans // CAH. Vol. VIII. P. 116; Hammond N.G.L. Illyris, Rome... P. 21; Balsdon J.P.V.D. Rome and Macedon, 205–200 B.C. // JRS. 1954. Vol. XLIV. P. 31–32.

³¹¹ Holleaux M. Rome, et la Grece et les monarchies hellenistiques. Paris, 1920. P. 142.

³¹² Fine J.V.A. Macedon, Illyria... P. 36.

³¹³ Ревяко К.А. Пунические войны. Минск, 1988. С. 180;

³¹⁴ Будзишвили Т.Г. Восточный вопрос в истории Римского государства в конце III – первой половине II в. до н. э. Автореф. дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1988. С. 11; Holleaux M. Rome and Macedon... P.118; May J.M.F. Macedonia and Illyria (217–167 B.C.) // JRS. 1946. Vol. XXXVI. P. 511; Griffith E.T. An Early Motive... P. 6; Gruen E.S. The Hellenistic World... Vol. 2. P. 375.

³¹⁵ Фриман Э. Методы изучения истории. М., 1893. С. 230; Жебелёв С. Из истории Афин. 229–31 гг. до Р.Х. СПб., 1898. С. 78; Ранович А.Б. Указ. соч. С. 254; Niebuhr B.G. Opus cit. P. 421; Smith P. Opus cit. P. 481; Grimal P. Opus cit. P. 351–355; Hammond N.G.L. Epirus. Oxford, 1967. P. 607.

³¹⁶ May J.M.F. Macedonia and Illyria... P. 51.

опровергаются приведённым самим же автором текстом договора с Ганнибалом. 3. Царь обязался переправиться в Италию и участвовать в войне, после победы Италия и добыча остаются Ганнибалу. Затем обе армии отправляются на Восток и воюют, с кем укажет Филипп (Liv. XXIII.33). Причём Балканы остаются Филиппу (Liv. Ibid.). Почти теми же словами излагают договор Евтропий – «по искоренении римлян переправляются в Грецию» (III.VII), Аппиан (Мас. I) и Зонара (IX.3). **Небывалые условия!** «In has ferme leges...» – «на таких примерно условиях...» (Liv. XXIII. 34.1) был заключён договор царя с пунийцем. Отсюда следует, что самого документа Ливий не видел и излагает тенденциозных анналистов. Предполагалось, что царь сможет выставить 200 кораблей (Liv. XXIII.33), – это доказывает фальсификацию, так как у Филиппа практически не было флота (о чём могли не знать анналисты).

Вариант Ливия имеет сторонников в основном в старой литературе³¹⁷. Положение царя в Греции было достаточно прочным³¹⁸, ему незачем было принимать на себя такие тяжёлые обязательства (анналисты плохо знали ситуацию в Греции!). Едва ли он желал вмешательства пунийцев в греческие дела³¹⁹. Логичнее было самому вытеснить римлян из Иллирии. «Условия невероятны, даже нелепы, что доказывает и документ, приведённый Полибием»³²⁰. По мнению М. Олло, упоминаемый Ливием договор поддельный, сфабрикован анналистами и не заслуживает внимания³²¹. Текст Ливия ошибочен³²².

Полибий, несомненно, приводит подлинный текст договора³²³. Римляне захватили македонских послов с текстом соглашения (Liv. XXIII. 34; App. Мас. I) – очевидно, автору позволили снять копию в архиве, он даёт буквальный перевод с финикийского. Если версия Полибия расходится с вариантом Ливия, то в данном случае доверять следует именно и только Полибию. По Полибию (VII. 9), союзники обязались воевать до победы, затем Рим очищал Балканы и не должен был туда вмешиваться. Это выражено предельно конкретно и чётко (см.: Polyb. VII.9.13–14), меж тем как обязательства союзников изложены очень неопределённо. Стороны согласились на взаимную помощь, но в тексте договора нет ни слова об обязанности царя высидеть в Италии.

Не предусматривалось и «уничтожение» (Liv. XXI.30) Рима – в текст договора введён пункт, что союзники помогут друг другу в случае будущих войн с Римом. Соглашение – скорее договор дружбы, чем военный наступательный союз. Стороны вели себя не очень честно: Филипп не собирался оказывать реальную помощь, а для Ганнибала союз имел форму *берита*³²⁴, личного договора – что не налагало на карфагенское правительство абсолютно никаких обязательств.

Филиппа напрасно обвиняют в вялости и «нерешительности»³²⁵ – Полибий отмечает присутствие духа, энергию царя, способность действовать и смелость на войне (IV.77). Скорее у него был даже избыток энергии³²⁶. Нельзя объяснить его бездействие «отсутствием флота»³²⁷

³¹⁷ Герцберг Г.Ф. Указ. соч. С. 254; Вегнер В. Указ. соч. С. 434; Бибилов П. Очерк международного права в Древней Греции. М., 1852. С. 107; Лапин Н. Ганнибал. М., 1939. С. 46; Бокщанин А.Г. История международных отношений... С. 54; Шофман А.С. Указ. соч. С. 200; Ferguson A. Opus cit. P. 139; Robinson C.E. Opus cit. P. 65; Grimal P. Opus cit. P. 349.

³¹⁸ Шифман И.Ш. Ганнибал. 2-е изд. М., 1981. С. 154.

³¹⁹ Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 252.

³²⁰ Соколов Ф.Ф. История Рима. Ч. I. Б.м. Б.д. С. 417.

³²¹ Holleaux M. Rome and Macedon... P. 119. Note 1.

³²² Chroust A.-H. Opus cit. P. 96.

³²³ Соколов Ф.Ф. Третье столетие... С. 258; Heiland W.E. Opus cit. P. 267; Hallward B.L. Opus cit. P. 62; Chroust A.-H. Opus cit. P. 75.

³²⁴ О берите см.: Bickerman E.I. Opus cit. P. 8–12; Chroust A.-H. Opus cit. P. 79, 82–83.

³²⁵ Моммзен Т. Указ. соч. С. 589.

³²⁶ Жебелёв С. Из истории Афин. С. 96.

³²⁷ Adcock F.E. The Roman Art of the War under the Republic. Cambridge, 1940. P. 35; Roebuck C. The world of ancient times. New York, 1966. P. 467.

или тем, что римские корабли «помешали»³²⁸ ему высадиться в Италии. У Филиппа было некоторое количество ахейских, вифинских и карфагенских кораблей, позже он даже думал дать бой римскому флоту, господствовавшему в Ионическом море (Liv. XXVII.30.15–16), но для крупного десанта в Италию их было явно недостаточно. Только в 208 г. до н. э. царь начал строительство 100 военных кораблей (Liv. XXVIII.8.14), но в это время высадка в Италии была уже совершенно бесперспективна. Очевидно, уже тогда у Филиппа появились планы агрессии в Эгеиде, для чего и предназначался будущий флот. Уже в 201 г. до н. э. македонские суда на равных сражались с родосско-пергамским флотом: у Филиппа было 53 крупных корабля и 150 мелких (Polyb. XVI.29) – имея такие силы в 212 г. до н. э., царь легко смял бы римскую заградительную эскадру. Но он восемь лет после Канн не предпринимал ничего для создания флота, способного десантировать крупные силы через Адриатику. Страх, что царь появится в Италии, был абсолютно не обоснован³²⁹.

Филипп планировал «обеспечить за собой часть Италии»³³⁰. Но из договора никак не следует, что замышлялся такой раздел. Т. Франк полагает, что Карфаген не хотел делиться, царь не вторгся в Италию лишь потому, что этого не желал сам Ганнибал, опасющийся конкурента. От Филиппа откупились, дав ему свободу действий в Иллирии, чем он был разочарован³³¹. На самом же деле Иллирия была единственной его целью! Ганнибал, испытывая недостаток войск, умолял свое правительство о резервах. Вероятно, он побуждал царя к переправе, но тщетно. Д. Мэй уверен, что карфагенские эскадры, позже прорывавшиеся в Адриатику в 209 и 208 гг. до н. э., шли установить контакт с Филиппом³³². Возможно, это была последняя попытка Ганнибала убедить царя высадиться в Италии, для пунийца это было крайне желательно, но для самого Филиппа V в такой аванюре не было ни малейшего смысла.

Летом 214 г. до н. э. Филипп осадил Аполлонию. Мнение Т. Моммзена, что царь плыл в Италию, но, нарушив обещание Ганнибалу, повернул к Аполлонии³³³, ни на чём не основано и ошибочно. Разбитый римлянами на суше, он сжёг свои суда и бежал (Liv. XXIV.40). Римляне оставили в Орике флот и могли наблюдать за обеими сторонами пролива (Polyb. VIII.1; Liv. Ibid.). Безопасностью протектората они временно пожертвовали ради защиты Италии, вторжения царя на Апеннины они явно не боялись и не желали зря дробить силы³³⁴. Поэтому Филипп к 212 г. до н. э. легко захватил Парфинию и Атинтанию, и тогда сенат заключил союз с Этолией, чтобы не дать ему развить успех в Иллирии. Именно в Иллирии едва ли сенат верил в его «италийские планы», а к этому времени римляне имели подробную информацию о состоянии дел в Элладе и возможностях Македонии.

Почти общепринятое мнение, что высадиться в Италии царю помешала вовремя устроенная сенатом Этолийская война³³⁵ (см. 2-ю главу), не имеет никаких оснований. Невозможно согласиться, что «римляне не допустили появления македонских войск в Италии»³³⁶: на самом деле Филипп **никогда** не планировал вторжения туда. Уже в 214 г. до н. э. Ганнибал контро-

³²⁸ Cary M. Opus cit. P. 167; Cary M., Haarhoff T.J. Opus cit. P. 65; Oost S.I. Opus cit. P. 32.

³²⁹ Havell H.L. Opus cit. P. 269.

³³⁰ Frank T. Roman imperialism. P. 143.

³³¹ Frank T. Roman imperialism. P. 143.

³³² May J.M.F. Macedonia and Illyria. P. 51.

³³³ Моммзен Т. Указ. соч. С. 589.

³³⁴ Oost S.I. Opus cit. P. 32.

³³⁵ Кончаловский Д.П. Аннибал. Пб., 1923. С. 106; Латин Н. Указ. соч. С. 49; Мишулин А.В. История Древнего Рима. М., 1946. С. 36; Бокщанин А.Г. История международных отношений... С. 54; Стоилов С. Анибал. София, 1966. С. 92; История Древнего Рима / Ред. А.Г. Бокщанин. М., 1971. С. 100; Ferguson A. Opus cit. P. 141, 175; Pelham H.F. Outlines of Roman History. London, 1893. P. 116; Havell H.L. Opus cit. P. 269; Holleaux M. Rome and Macedon. P. 213; Homo L. Opus cit. P. 253; Thiel J.H. Studies on the history of Roman Sea-Power in republican times. Amsterdam, 1946. P. 100; Swain J.W. Opus cit. P. 151; Klaffenbach G. Opus cit. S. 4; Engers M. Opus cit. S. 138; Hansen E.V. The Attalids of Pergamon. 2nd ed. Ithaca; London, 1971. P. 47.

³³⁶ Трухина Н.Н. Комментарии // Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. М., 1992. С. 96. Прим. 2.

лировал Юго-Восток Италии, он очень хотел захватить Тарент (Liv. XXV.8) и ждал Филиппа. Осенью 213 г. до н. э. царь взял Лисс (Polyb. VIII.16), получив прямой и близкий выход к морю на Балканах, а зимой 213/212 г. до н. э. пуниец занял в Италии Тарент (Polyb. VIII.36), обеспечив тем самым вероятную возможность быстрой переправы туда македонских войск. Между захватом Лисса в 213 г. до н. э. и выступлением этолийцев в 211 г. до н. э.³³⁷ (Liv. XXVI.24; Justin. XXIX.4) лежит слишком много времени. Нельзя объяснить, почему Филипп, якобы страстно мечтавший воевать в Италии, не воспользовался им. Почти вся Иллирия была захвачена царём без труда, а в Италии он мог получить только тяжёлые бои – и ничего взамен. Филипп ограничил свои действия Иллирией, даже не пытаясь помочь пунийцу³³⁸.

Эфемерный союз³³⁹ Филиппа с Ганнибалом был опасен только внешне³⁴⁰ и ничего не дал ни одной стороне³⁴¹. Царь рассчитывал использовать затруднения пунийцев, нуждающихся в союзниках, для достижения собственных целей³⁴². Он лишь на время мог быть союзником Ганнибала, в перспективе же в случае победы над Римом Филипп мог стать врагом Карфагена. После того как Этолия в 206 г. до н. э. заключила сепаратный мир с Филиппом, I Македонская война далее шла очень вяло – поражение Карфагена стало очевидным, и для царя она утратила смысл. Он ещё мог заключить приемлемый мир и «очень желал его» (Liv. XXIX.12). Рим стремился освободиться для удара в Африке (ibid.) и был готов на уступки, царь хотел урвать хоть что-то. По миру 205 г. до н. э. Атинтания отошла Филиппу (ibid.). Уступки шли в основном от царя – он очистил большую часть завоёванных территорий. Рим уступил ему «свою» Атинтанию и «чужой» Лисс, принадлежащий Скердилаиду³⁴³. Утверждения, что Рим сохранил все свои владения³⁴⁴ и получил контрибуцию³⁴⁵, ошибочны. Стороны обязались не обижать союзников друг друга.

Компромиссный мир³⁴⁶ не разрешил противоречий. Стороны не считали его ни надёжным, ни заключённым по доброй воле (App. Mac. III.2). Эта оценка Аппиана является ключевой для правильного понимания последующих событий. Он мог только прервать борьбу, искреннего примирения не было³⁴⁷. В сложившейся ситуации мир был выгоден обеим сторонам. Однако он не был «триумфом Филиппа»³⁴⁸, другая крайность – «Рим был единственным, кто извлёк выгоду из мира»³⁴⁹, не принёсшего никакой пользы Македонии³⁵⁰. Условия мира были благоприятны для Филиппа³⁵¹. Утверждение Н.Ф. Мурыгиной, что война окончилась поражением царя³⁵², не имеет оснований, как и мнение Э. Фримана о том, что поражение

³³⁷ Или даже в 210 г. до н. э., как это аргументировано доказал Р. Эррингтон: *Errington R.M. The dawn of Empire*. P. 114.

³³⁸ *Jaczinovska M. Opus cit.* S. 102.

³³⁹ *Шифман И.Ш. Указ. соч.* С. 157.

³⁴⁰ *Нич К. Указ. соч.* С. 193.

³⁴¹ *Ковалёв С.И. Указ. соч.* С. 239; *Ковалёв С.И., Штаерман Е.М. Очерки истории Древнего Рима*. М., 1956. С. 86.

³⁴² *Шифман И.Ш. Указ. соч.* С. 154.

³⁴³ *May J.M.F. Macedonia and Illyria...* P. 49.

³⁴⁴ *Мишулин А.В. Античная история Греции и Рима*. М., 1944. С. 117.

³⁴⁵ *Стоилов С. Указ. соч.* С. 93.

³⁴⁶ *Pelham H.P. Opus cit.* P. 127; *Ehrenberg V. Man, State and Deity*. London, 1974. P. 72; *Dieter H., Gunter R. Romische Geschichte bis 476*. Berlin, 1979. S. 80.

³⁴⁷ *Жебелёв С. Из истории Афин*. С. 96; *Мишулин А.В. Античная история...* С. 139; *Трухина Н.Н. Политика Рима в Восточном Средиземноморье во второй половине III в. до н. э. (229–205 гг.)* // ВМУ. Сер. История. № 2. С. 72; *Heitland W.E. Opus cit.* Vol. 1. P. 316; *Balsdon J.P. Rome and Macedon*. P. 31.

³⁴⁸ *Walbank F.W. Philip V of Macedon*. P. 140.

³⁴⁹ *Бенгтсон Г. Указ. соч.* С. 260.

³⁵⁰ *Пастухов И. Указ. соч.* С. 102.

³⁵¹ *Рапович А.Б. Указ. соч.* С. 257.

³⁵² *История Древнего мира* / Ред. А.Г. Бокщанин. Т. 2. М., 1982. С. 253.

потерпел Рим³⁵³. Главная задача – укрепиться на Балканах – была достигнута. Важен результат. Несмотря на уступки Филиппу, мирный договор усиливал позиции Рима в Греции³⁵⁴.

Многие исследователи полагали, что появление Рима на Востоке было роковой необходимостью, вызванной заботой о собственной безопасности³⁵⁵. На самом деле Рим вёл защитные войны, только будучи ещё малым городом. Тогда он действительно сражался за существование. Затем, окрепнув, боролся за гегемонию в Италии, потом – уже за покорение Италии³⁵⁶. Теперь же Рим воевал не с теми, кто угрожал его существованию или хотел отнять у него свободу, – он враждовал с теми, кто хотел отнять у него власть над какой-то территорией. Или стоял у него поперёк дороги на его пути к такой власти. Разница с былыми войнами огромная!

Римско-пуническая борьба, агрессивная по сути, вела к так называемым превентивным войнам. Однако превентивная война – «любимое дитя любого империализма»³⁵⁷. Чтобы обеспечить успешную агрессию в одном месте, приходится вести «оборонительную» войну в другом. Логика развития любой агрессии требует «превентивных мер», растущая экспансия и превентивные войны тесно связаны друг с другом³⁵⁸. Эти войны часто ведут к завоеваниям³⁵⁹.

Агрессивность Рима понимали и современники. Саллюстий приводит письмо Митридата³⁶⁰: «У римлян есть лишь одно основание для войн – желание владычества и богатства» (Hist. V.6). Юстин, явно отражая не дошедшую до нас антиримскую традицию, приводит слова Деметрия, характеризующие римлян: «которые, не довольствуясь пределами Италии, а охваченные бесстыдной надеждой овладеть всем миром, ведут войны против всех царей» (XXIX.2). Полибий ставил своей целью показать, как все известные земли попали под власть Рима за 53 года (I.1.5), он рассматривал римскую историю как последовательное осуществление плана покорения мира. Разумеется, такого плана не было, да и сама идея мирового господства пришла в Рим намного позже³⁶¹, но были действия, подготовившие эту идею. Очевидно, до 201 г. до н. э. Рим не имел определённой восточной политики³⁶² и долгосрочной программы³⁶³.

Есть мнение, что война была великой целью существования римлян³⁶⁴. На это прекрасно ответил Полибий: «Ни один здравомыслящий человек не ведёт войны только ради того, чтобы одолеть в борьбе... Всё делается ради выгод...» (III.4.9—11). В свете этих выгод и следует рассматривать генезис восточной политики римлян. Они скоро поняли, что их интересы не ограничиваются только Италией³⁶⁵. Сначала их политика была крайне гибкой и осторожной, приходилось учитывать существование сильных противников – Карфагена и Македонии.

Против последней Рим пытался создать общегреческую коалицию. Для этого нужно было привлечь к себе греков, используя противоречия эллинского мира, сенат натравливал их друг

³⁵³ Фриман Э. Указ. соч. С. 232.

³⁵⁴ Смирин В.М. Римская республика III–I вв. до н. э. // История Европы. Т. 1. С. 451.

³⁵⁵ Пирогов В.Н. Исследования по римской истории, преимущественно в области третьей декады Ливия. СПб., 1878. С. 269. Так же считали Т. Моммзен, Т. Франк, Х. Скаллард и многие другие.

³⁵⁶ Интересно, что это было первым, малым кругом агрессии. Потом всё (гегемония – доминирование – покорение) повторилось уже в рамках всего Восточного Средиземноморья. Итальянский опыт, несомненно, пригодился!

³⁵⁷ Homo L. Opus cit. P. 259.

³⁵⁸ Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977. С. 46.

³⁵⁹ Raditsa L. *Bella Macedonica* // ANRW. Bd. 1. Berlin; New York, 1972. P. 569.

³⁶⁰ Сомнительно, что это письмо является подлинным.

³⁶¹ Подробнее см.: Carcopino J. *Les etapes de l'imperialisme romain*. Paris, 1961. P. 533; Werner R. *Das Problem Des Imperialismus und die romische Ostpolitik im 2 Jahrhundert v. Chr.* // ANRW. Bd. 1. S. 501–563.

³⁶² Boak A.E.R., Sinnigen W.G. Opus cit. P. 127.

³⁶³ Машикин Н.Ф. Основные проблемы... С. 13; Homo L. Opus cit. P. 255; Adcock F.W. *Roman Political Ideas and Practice*. Ann Arbor, 1959; *idem*. *The Roman Art of War*... P. 92; Starr C.G. Opus cit. P. 477.

³⁶⁴ Фуллей Г. Греция под римским владычеством. М., 1876. С. 17.

³⁶⁵ Scullard H.H. *A history of the Roman World from 753 to 146 B.C.* London, 1961. P. 228.

на друга. Его политика состояла в образовании возможно большего числа враждебных между собой государств³⁶⁶. Ганнибал, только однажды разбитый римлянами, отмечал, что могущество Рима состоит не в его военной мощи, а в способности разъединять противников³⁶⁷. Эллинистический же Восток был настолько разобщён, что неминуемо должен был стать легкой добычей Рима³⁶⁸.

После II Пунической войны Рим активизировался на Востоке. Эта война, помимо всего прочего, имела для Рима ещё одно важное значение. Она заставила мыслить международными категориями³⁶⁹. Мышление Рима стало шире. В значительной степени – благодаря тем урокам, которые он получил на Балканах. Победа над Ганнибалом обеспечила Риму господство на Западе³⁷⁰. Политические задачи в этом регионе были выполнены, чтобы закрепить успех, оставалось покорить Испанию и покарать цизальпинских галлов. Для обеспечения гегемонии на Западе уже не приходилось затрачивать серьёзных политических усилий. На Испанию ушло много времени, но теперь всё сводилось именно к военным усилиям. Западная политика перестала быть глобальной после устранения Карфагена, дипломатическая активность переместилась на Восток. Сенат стал понимать, что события вне Италии влияют на её судьбу, таким образом, причина обращения на Восток кроется и в изменении политической установки.

Рим смог активнее заняться Востоком не только дипломатически, но и прямым военным вмешательством. Г. Скаллард считает, что сначала следовало покорить Запад³⁷¹, однако ситуация, сложившаяся на Востоке, требовала немедленного вмешательства³⁷². Опоздав, Рим мог много потерять. Натиск на Восток был предпочтительнее и легче. Против иберов и галлов не на кого было опереться, а на Востоке можно было использовать противоречия многих существующих там государств. I Македонская война показала, что таким путём можно сберечь собственные ресурсы, и римляне предполагали следовать этому и впредь³⁷³. Если на Западе угрозы римскому владычеству не стало, то на Востоке сильная Македония беспокоила сенат. Помня о своей медлительности, позволившей Ганнибалу перенести войну в Италию, правительство было готово «действовать на опережение» и ударить первым. Теперь в поле зрения старались держать весь известный мир, иметь о нём полную информацию и не дать подняться возможному конкуренту. II Македонская война логично вытекала из II Пунической. И, став на путь агрессии, Рим уже не мог остановиться, пока существовали другие сильные державы.

Филипп V желал компенсировать неудачу в Иллирии захватом египетских владений в Эгееде. Одновременно Антиох III пытался отнять у Египта Келесирию и малоазийские владения. Источники очень туманно говорят о союзе царей с целью раздела Египта (Руб. XV.20.4; Liv. XXXI.14.5; App. Mac. IV), ссылаясь на сообщения родосцев (App. Ibid.) и египтян (Just. XXX.2.8). Очень многие исследователи верят этим слухам³⁷⁴ и даже приводят нелепые подроб-

³⁶⁶ Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 1. М., 1915. С. 24; Сергеев В.С. История Древнего Рима. М.—Л., 1925. С. 15.

³⁶⁷ Сергеев В.С. Дипломатия древнего Рима // История дипломатии. 2-е изд. Т. 1. М., 1959. С. 69.

³⁶⁸ Жебелёв С.А. Древний Рим. Ч. 1. М., 1924. С. 72.

³⁶⁹ Scullard H.H. A history... P. 315.

³⁷⁰ Лозинский С.Г. История Древнего мира. Греция и Рим. Пг., 1923. С. 110.

³⁷¹ Scullard H.H. Roman politics 220–150 B.C. Oxford, 1951. P. 90.

³⁷² Gast J. The history of Greece. Vol. 2. Basil, 1747. P. 71.

³⁷³ Adcock F.E. The Roman Art of War... P. 87.

³⁷⁴ Моммзен Т. История Рима. Т. 1. С. 656; Вегнер В. Рим. Т. 1. СПб., 1902. С. 481; Ранович А.Б. Эллинизм... С. 258; Шофман А.С. История античной Македонии. Т. 2. Казань, 1963. С. 212; Горемыкина В.И. История Древнего Рима. Минск, 1980. С. 27; Gast J. Opus cit. P. 64; Mahaffy J.P. Greek life and thought. London, 1896. P. 467; Niebuhr B.G. Lectures... P. 424; Homo L. Opus cit. P. 258; Holleaux M. Rome and Macedon... P. 150; Bickerman E.J. Bellum Antiochicum // Hermes. 1932. Bd. 67. Hft. 1. S. 47; McDonald A.H., Walbank F.W. The origins of the Second Macedonian War // JRS. 1937. Vol. XXVII. Pt. 2. P. 182; Lafforquie G. L'Orient et la Grece jusqu'a la conquete romaine. Paris, 1977. P. 253; Grant M. Op. cit. P. 115; Levi P. Atlas of the Greek World. Oxford, 1988. P. 194; Bowder D. Outline History 776–30 B.C. // Who was Who in the Greek World / Ed. By D.Bowder. Ithaca; New York, 1982. P.44.

ности: «Египет и Кипр – Антиоху, Киклады, Ионию и Кирену (?! – А.Б.) – Филиппу»³⁷⁵. Другие, как Х. Браунерт, полагают, что цель договора царей заключалась не в отторжении территории самого Египта, а в разделе его заморских владений и уничтожении египетской гегемонии³⁷⁶. Заметим: для этого времени говорить о гегемонии Египта уже едва ли оправданно. Лишь немногие историки не верят таким слухам³⁷⁷ – очевидно, они более правы.

Новейшие исследования опровергают устоявшиеся мнения о союзе Филиппа и Антиоха для совместных действий против Египта³⁷⁸. Однако нам это представляется несущественным, как и приведённые В.И. Кашеевым мнения о том, насколько факт наличия такого договора стал причиной II Македонской войны³⁷⁹. В любом случае, существовал договор или нет, агрессия царей, пусть несогласованная, выглядела так, словно они действуют заодно. Невозможно поверить, что Рим «вообще не знал ничего»³⁸⁰ об этом гипотетическом договоре. Просившие помощи послы Родоса, Египта, Пергама, Этолии и Афин не только должны были информировать сенат о захватах, но и пугать римлян в своих целях союзом царей, явным или мнимым. Вероятно, слухи о договоре распустили родосцы и пергамцы, они были в опасности и нуждались в помощи Рима³⁸¹. М. Грант явно не прав, полагая, что римляне поддались влиянию своей «партии войны», считавшей, что коалиция царей может быть направлена и против Рима³⁸².

Ослабевший Египет пришёл в упадок и перестал пользоваться уважением³⁸³. Для его раздела не нужно было сотрудничать, да цари и не стремились к этому³⁸⁴. Можно согласиться с А.Б. Рановичем, что договор (если он был. – А.Б.) – лишь дипломатическая игра, за которой скрывались соперничество и взаимное недоверие³⁸⁵. Падение могущества Египта сопровождалось растущей политической изоляцией³⁸⁶, в поисках опоры он сближается с Римом. В 204 г. до н. э. опека над малолетним Птолемеем V – следовательно, над страной, передана Риму. Опека, пусть формальная, показывает, насколько вырос авторитет Рима.

В 202 г. до н. э. Антиох вторгся в Келесирию, Филипп кроме египетских стал захватывать и вольные города Эгеиды и Босфора. Политика Антигониды отнюдь не была «самоубийственной»³⁸⁷, и он не «делал всё, чтобы восстановить против себя всех греков»³⁸⁸. Ни один из атакованных им городов не был союзником Пергама или Родоса³⁸⁹, но утверждение царя в проливах встревожило родосцев, так как угрожало их торговле. Обеспокоились и Афины, зависимые от подвоза хлеба из Причерноморья. Захватив Лисимахию и Перинф, Филипп ухудшил отно-

³⁷⁵ Шелдаров Н., Лилчик В. Кралевице на античка Македонија и нивните монети во република Македонија. Скопје 1994. С. 98.

³⁷⁶ Braunert H. Hegemoniale Bestrebungen der hellenistischen Grossmächte in Politik und Wirtschaft // *Histotia*. 1964. Bd. 13. S. 92.

³⁷⁷ Magie D. The "Agreement" between Philip V and Antiochus III for the Partition of the Egyptian Empire // *JRS*. 1939. Vol. XXIX. P. 32–44; Balsdon J.P.V.D. Rome and Macedon... P. 37; Badian E. Rome and Antiochus the Great: A study in Cold War // *Badian E. Studies in Greek and Roman history*. Oxford, 1964. P. 135. Note 3.

³⁷⁸ Кашеев В.И. Борьба Рима за господство на Балканах в англо-американской историографии новейшего времени. Автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 1983. С. 19.

³⁷⁹ Там же.

³⁸⁰ Там же.

³⁸¹ Magie D. *Opus cit.* P. 42, 44.

³⁸² Grant M. *Opus cit.* P. 266.

³⁸³ Нусе Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1908. С. 170.

³⁸⁴ Magie D. *Opus cit.* P. 42.

³⁸⁵ Ранович А.Б. Указ. соч. С. 123.

³⁸⁶ Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World (SEHWW). Vol. 2. Oxford, 1941. P. 603.

³⁸⁷ Thiel J.H. *Opus cit.* P. 201.

³⁸⁸ *Opus cit.* P. 204.

³⁸⁹ McShane R.B. The foreign policy of the Attalids of Pergamum. Urbana, 1964. P. 119.

шения с Этолией и Византием³⁹⁰. Жестокость царя оттолкнула малые полисы, а его агрессия напугала Пергам.

Так сложился антимакедонский союз: Родос, Пергам, Византий, Хиос, в 202 г. до н. э. объявивший Филиппу войну. Ему было выгоднее иметь дело с беззащитными полисами. Видимо, он совсем не хотел этой войны. Но повёл её очень энергично. Коалиция, прекрасно понимая свою слабость, желала привлечь к союзу сильную державу. Зная вражду Рима к царю, союзники надеялись на помощь. Сенат успешно проводил политику разделения своих противников и всегда готов был «поддержать слабого против сильного»³⁹¹. Мир 205 г. до н. э. для римлян был вынужденным, они и не трактовали его как мир – только перемирие. Неслучайно Ливий пишет, что они «*excitaverunt ad renovandum*» (XXXI.1.10) войну с Филиппом. Война, приостановленная в 205 г. до н. э., возобновилась в 200 г. до н. э.³⁹² По римским понятиям, окончательный мир может быть заключён только с побеждённым врагом, всё остальное – перемирие в военных действиях, не более. Это можно подтвердить терминологически: **рах** от **расаге** (покорять). Такая политика была традиционной для Рима в Италийских войнах. Только продиктовав свою волю побеждённым врагам, сенат заключал «настоящий» мир (см.: Liv. I.38; II.41; V.27; VII.12; VIII.15; VIII.19; VIII.25). Поэтому заключение мира предполагало поражение противника и его подчинённое положение.

Рим не мог простить Филиппу вмешательства во II Пуническую войну. Затем к этому добавились слухи, распространяемые греческими союзниками римлян, что царь якобы послал в Африку 4000 воинов на помощь Ганнибалу (Liv. XXX.26.3). Автор утверждает, что этот отряд сражался у Замы (XXX.33). Следует учитывать, что эта информация исходит от врагов Антигона, а римляне охотно верили во всё, что могло доказать нарушение мира со стороны Македонии, и стремились использовать это в своих пропагандистских целях. Аппиан (Lib.VII.40) и Полибий, по словам самого Ливия, «автор, заслуживающий большого уважения» (Liv. XXX.45), македонян в битве при Заме не упоминают (см.: Polyb. XV.11). Следовательно, Ливий даёт неверную информацию. Ряд учёных верят Ливию³⁹³, другие его опровергают³⁹⁴. Более верной представляется средняя позиция: у Замы могло быть некоторое количество македонских наёмников³⁹⁵, но они не были отправлены туда Филиппом³⁹⁶. Мнение о том, что царь помог Ганнибалу, – плод антимакедонской пропаганды³⁹⁷, возможно, эти наёмники даже не участвовали в битве³⁹⁸. В это время Филипп уже был слишком занят войной на Востоке, чтобы распылять свои силы.

В 202 г. до н. э. царь совершил тактическую ошибку, отправив в Рим посольство с просьбой вернуть пленённых при Заме македонских наёмников. Сенаторы упрекали послов в помощи врагу и «обидах римским союзникам» (Liv. XXX.42). Практически война была решена уже тогда³⁹⁹. Македонские послы были отпущены с суровым ответом: царь ищет войны и скоро

³⁹⁰ Герцберг Г. История Рима. М., 1881. С. 197.

³⁹¹ Gast J. Opus cit. P. 49, 110.

³⁹² Bickerman E.J. Bellum Philippicum // CPh. 1945. Vol. XL. № 3. P. 144; Toynbee A.J. Hellenism. London, 1959. P. 159.

³⁹³ Иегер О. История Рима. Ч. 1. СПб., 1876. С. 145; Вегнер В. Указ. соч. С. 474; Нич К. Указ. соч. С. 202; Ревяко К.А. Пунические войны. Минск, 1988. С. 207.

³⁹⁴ Моммзен Т. Указ. соч. С. 658; Нисе Б. Указ. соч. С. 177.

³⁹⁵ Bickerman E.J. Bellum Philippicum. P. 143; Balsdon J.P.V.D. Rome and Macedon. P. 34; Dorey T.A. Macedonian Troops at the Battle of Zama // AJP. 1957. Vol. LXXVIII. № 2. P. 187; Briscoe J. A Commentary on Livy. Books XXXI–XXXIII. Oxford, 1973. P. 55.

³⁹⁶ Briscoe J. Opus cit. P. 55.

³⁹⁷ Dorey T.A. Macedonian Troops... P. 186–187; Briscoe J. A Commentary on Livy. Books XXXIV–XXXVII. Oxford, 1981. P. 85.

³⁹⁸ Balsdon J.P. V.D. Rome and Macedon... P. 34.

³⁹⁹ Жебелёв С.А. Первый год 2-й Македонской войны // ЖМНП. 1894. Ноябрь. С. 107.

найдёт её (*ibid.*). Утверждение Э. Бэдиана, что сенат хотел мира с Филиппом⁴⁰⁰, опровергается свидетельствами источников.

При избрании консулов на 201 г. до н. э. «отцы» решили не делить между ними провинции, пока не будут выслушаны послы Филиппа и карфагенян, – «предвидели конец одной войны и начало другой» (*Liv. XXX.40*). По прибытии послов сначала слушали македонских (*Liv. XXX.42*), дело с Карфагеном уже решено, отношения с Македонией теперь важнее. Послы царя пытались оправдаться, очевидно, Филипп не хотел войны на два фронта, она мешала бы ему развить успех на Востоке. Можно согласиться, что он заключил мир с надеждой избежать вражды с Римом, римляне же не отказались от мысли «смирить опасного врага»⁴⁰¹. Царь мог надеяться, что Рим, окончив одну войну, не рискнёт сразу же начать другую, нарушив мирный договор. Наконец, он мог полагать, что управится с захватами быстро, – едва ли он понимал, что вторгся в область римских интересов, охватывающих уже всё Средиземноморье. Сыграла роль и неуёмная энергия царя, его постоянное стремление выхватывать куски из владений соседей.

Осенью того же 202 г. до н. э. в Рим прибыли этолийцы, прося защиты от македонян. Этолия пыталась восстановить дружбу⁴⁰². Сенат, заявив, что союза больше нет (*Liv. XXXI.29*), в помощи отказал. Об «измене» хорошо помнили и желали, чтоб Этолия сполна вкусила её плодов. Как любая агрессивная политика, римская была злопамятной и мстительной. Это отметил даже лояльный к Риму Полибий: «Римляне и вида не подали, что продолжают злобствовать за прошлое...» (*Polyb., fr. 112*). М. Олло считает, что мир, заключённый в Фенике, отметил конец римских интересов на Востоке, поэтому Рим и не помог этолийцам, но с этим не согласен и сам Э. Бэдиан, цитирующий М. Олло⁴⁰³. Кроме вражды к Этолии сказались занятость в Африке и Испании, почему Рим на время и отошёл от восточных дел.

В 201 г. до н. э. с просьбой о помощи обратились Родос и Пергам (*Liv. XXX.2*). Они встретили совсем другой приём. Рим искал повода к войне⁴⁰⁴, и, хотя просьбы родосцев и пергамцев не могли быть основанием, так как они первыми начали войну с царём⁴⁰⁵, сенат обещал помочь им. Одновременно римляне отправили послов в Египет, «прося сохранить расположение, если обиды вынудят начать войну против Филиппа» (*Liv. XXXI.2*). Это доказывает, что война была уже окончательно решена. В преддверии неё прибегли к обычной практике – посещению союзников с целью заручиться их поддержкой. Это предшествовало любой войне.

В 200 г. до н. э. в Элладу отбыла особая миссия сената для ознакомления с ситуацией и привлечения новых союзников. В Италии уже были готовы войска и корабли для их переброски на Балканы⁴⁰⁶. Прибыв в Афины, хору которых разорял македонский стратег Никанор, римские послы заставили его уйти из Аттики (*Polyb. XVI.27*). Стратег разорял хору в ответ на объявление афинянами войны Македонии⁴⁰⁷, т. е. с точки зрения эллинистической политики это были обоснованные и общепринятые действия. Афины не были союзником Рима – доказано, что они внесены в число подписавших мир в Фенике анналистами и Ливием задним числом⁴⁰⁸, таким образом, римляне не имели формального права вмешиваться в этот инцидент.

⁴⁰⁰ Badian E. *Foreign clientelae* 264—70 D.C. Oxford, 1958. P. 63.

⁴⁰¹ Штоль Г. В. Герои Рима в войне и мире. СПб., 1896. С. 322.

⁴⁰² Holleaux M. *Rome and Macedon: the Romans against Philip*. P. 152.

⁴⁰³ Badian E. *Foreign clientelae*. P. 62.

⁴⁰⁴ Жебёлев С. А. Первый год 2-й Македонской войны. С. 106.

⁴⁰⁵ Герцберг Г. Указ. соч. С. 298.

⁴⁰⁶ Balsdon J. P. V. D. *Rome and Macedon...* P. 41; Magie D. *Opus cit.* P. 44.

⁴⁰⁷ McDonald A. H., Walbank F. W. *Opus cit.* P. 192.

⁴⁰⁸ Larsen J. A. O. *The Peace of Phoenice and the Outbreak of the Second Macedonian War* // *CPh.* 1937. Vol. XXXII. № 1. P. 18; McDonald A. H., Walbank F. W. *Opus cit.* P. 180; McShane R. B. *Opus cit.* P. 125.

Утверждение, что вторжение Филиппа в «союзную» Аттику дало повод к войне⁴⁰⁹, вообще не имеет никаких оснований.

Затем римские послы посетили Эпир, Этолию, Ахайю, ведя антимакедонскую пропаганду и рекламируя требование к Филиппу не воевать с греками. Одной из целей миссии было удержание Эпира и Ахайи от помощи царю. Одновременно Аттала известили, что Рим с готовностью пойдёт войной на Филиппа (Polyb. XVI.26.2). Вскоре царю предъявили ультиматум: не воевать с греками, не посягать на Египет, ответить перед третейским судом за обиды Родосу. Эти требования никак не могли опираться на условия мира в Фенике⁴¹⁰ и показывают новые цели Рима – сделать Македонию зависимым государством⁴¹¹. Показательно, что Филипп пытался оправдаться, объясняя, что родосцы первыми напали на него, но был грубо и бесцеремонно прерван римским послом (Polyb. XVI.34.5). Возмущенный Антигонид с царственным достоинством заявил, что желает мира, но если римляне начнут войну, то получают отпор (Polyb. XVI.43.7; Liv. XXXI.18). По Аппиану, Филипп сказал, что римлянам стоит держаться тех условий, которые они с ним заключили (Мас. IX), т. е. не вмешиваться не в свои дела. «Так был нарушен заключённый договор...», – добавляет Аппиан, считая виновным царя (ibid).

Инициатором и виновником войны был Рим, но в то же время и Филипп отнюдь не безвинная жертва. Проявляя агрессивность, он планировал создать державу в Эгеиде, поскольку Рим положил конец его мечтам править всей Грецией⁴¹². На переговорах в Никее у Филиппа потребовали вернуть те земли в Иллирии, которые он «post pacem in Epiro factam occupasset» (Liv. XXXII.33.3). Здесь Ливий даёт дословный перевод Полибия (см.: Polyb. XVIII.1.14). С. Оуст вслед за М. Олло и П. Бэлсоном даёт перевод не «после мира в Эпире», а «в соответствии с миром»⁴¹³. Однако, как отмечают Дж. Ларсен и Д. Брискоу, такой перевод невозможен⁴¹⁴. Он противоречит грамматике и логике. Приведённое там же требование вернуть Египту земли, «quas post Philipatorem Ptolomaei mortem occupavisset» (Liv. XXXII.33.4), нельзя перевести – «которые в соответствии со смертью Птолемея Филопатора захватил». Наконец, Полибий в таком случае должен был употребить греческое слово «kata», но не «meta». Поэтому единственно возможный перевод: «после мира... после смерти...».

Отсюда следует, что Филипп после Феники действительно захватил какие-то земли в Иллирии. Можно, однако, определённо утверждать, что они не входили в римский протекторат, – Филипп был заинтересован в сохранении мира с Римом и не стал бы так рисковать. С другой стороны, и римляне восприняли бы его вторжение в протекторат как немедленное возобновление войны. Очевидно, царь напал на «ничейные» нейтральные иллирийские земли, надеясь, что Рим занят Карфагеном и не обратит на это внимания. Но даже эту ошибку Антигонид трудно считать «обидами римским союзникам» и тем более основанием для войны. Не желая войны, Филипп, очевидно, по требованию сената очистил бы эти территории, а требования «restituenda» (Liv. XXXII.33.3) их Риму выглядят излишне категоричным, поскольку они и не были частью римского протектората.

Даже непризнания прав сената вмешиваться в восточные дела было достаточно для войны, но причины её кроются глубже. Приведённое Ливием обоснование войны – за нарушение мира с этолийцами и другими союзниками, отправление войск Ганнибалу, просьба Афин, обиженных Филиппом (XXXI.1), – несостоятельно. Обращением Этолии сенат прене-

⁴⁰⁹ История человечества / Ред. Г. Гельмольт. СПб., 1896. С. 186.

⁴¹⁰ Larsen J.A.O. The Peace of Phoenice... P. 30; Balsdon J.P.V.D. Rome and Macedon... P. 41; Holleaux M. Rome and Macedon: the Romans against Philip. P. 160.

⁴¹¹ Cary M. A history of Rome. London, 1960. P. 199.

⁴¹² Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the end of the third century after Christ. Vol. 1. Princeton, 1950. P. 13.

⁴¹³ Oost S.I. Philip V and Illyria, 205–200 B.C. // CPh. 1959. Vol. LIV. № 3. 160–163.

⁴¹⁴ Larsen J.A.O. The treaty of peace at the conclusion of the Second Macedonian War // CPh. 1936. Vol. XXXI. № 4. P. 344; Briscoe J. A Commentary on Livy. Books XXXI–XXXIII. P. 54.

брёг, обиды союзникам весьма проблематичны, войск в Африку царь не посылал, а Афины вообще не были союзником Рима.

В историографии указываются четыре частных момента, ставших причиной войны.

1. Наиболее распространенное мнение – месть Филиппу за союз с Ганнибалом⁴¹⁵. Это, безусловно, верно, но это не главное.

2. Союз Филиппа с Антиохом, опасение чрезмерного усиления Македонии и совместного похода царей на Рим⁴¹⁶. Нам такой страх представляется сильно преувеличенным. Филипп, несомненно, казался далеко не таким страшным, как Ганнибал⁴¹⁷. Сильной Македонии сенат не хотел – но и это не главное. В возможность объединённого похода царей едва ли кто верил.

3. Одна из причин войны – возрождение морского могущества Македонии⁴¹⁸. Полностью отбрасывать это мнение нельзя, но флот царя был не настолько силён, чтобы представлять угрозу Риму. Это могло быть лишь третьестепенной причиной.

4. Защита союзников и слабых государств Востока⁴¹⁹. Рим начал войну по просьбе Родоса и Пергама и «под сильным их давлением»⁴²⁰. Такая позиция не соответствует действительности.

5. Причина войны – борьба нобильских родов за славу. Войны желала антисципионовская группа, завидуя его славе и желая уравниваться с ним во влиянии⁴²¹. Её спровоцировала группа Сульпиция Гальбы⁴²² или Клавдия⁴²³. По этой же причине Сципион был против войны⁴²⁴, и отказ комиций утвердить её подстроен Сципионом⁴²⁵. С другой стороны, напротив, утверждается, что войну начал Сципион⁴²⁶. Сами исключаящие одно другого определения «авторов» войны показывают несостоятельность такого подхода.

Мнение промарксистски настроенной⁴²⁷ М. Уэйзон отличается от всех предыдущих. Она полагает, что империалистическая агрессия не была причиной вмешательства Рима, сенат боялся контакта революционной Греции с недовольным населением Италии, а поскольку Филипп не мог контролировать Грецию, то римлянам пришлось действовать самим, чтобы

⁴¹⁵ Богоявленский М. История Рима. СПб., 1855. С. 66; Лозинский С.Г. Указ. соч. С. 96; Лантин Н. Ганнибал. М., 1939. С. 58; Боксанин А.Г. История международных отношений и дипломатии в Древнем мире. М., 1945; Frank T. Roman imperialism. 2nd ed. New York, 1929. P. 149; Holleaux M. Rome and Macedon: the romans against Philip. P. 158; Bickerman T.J. Bellum Philippicum. P. 145; Chroust A.-H. International treaties in Antiquity // Classica et Mediaevalia. 1954. Vol. XV. Fasc. 1–2. P. 102; Badian E. Foreign clientelae. P. 64; Raditsa L. Bella Macedonica // ANRW. Bd. 1. Berlin; New York, 1972. P. 572; Starr C.G. The romans. P. 37; Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. 2. Berkeley, 1984. P. 385.

⁴¹⁶ Сергеев В.С. История Древнего Рима. М.—Л., 1925. С. 15; Мишулин А.В. Античная история Греции и Рима. С. 179; Он же. История Древнего Рима. С. 39; Ковалёв С.И., Штаерман Е.М. Указ. соч. С. 92; Pelham H.P. Opus cit. P. 128; Holleaux M. Rome, la Grece, et les monarchies... P. 315; Adcock F.E. The Roman Art of War... P. 87; Starr C.G. The emergence of Rome. Ithaca; New York, 1953. P.39.

⁴¹⁷ Жебелёв С.А. Первый год 2-й Македонской войны. С. 105.

⁴¹⁸ Adcock F.E. The Roman Art of War... P. 36, 88; Thiel J.H. Opus cit. P. 203; McDonald A.H., Walbank F.W. Opus cit. P. 206.

⁴¹⁹ Моммзен Т. Указ. соч. С. 660; Charlesworth M.P. Trade-routes and commerce of the Roman Empire. 2nd ed. Cambridge, 1926. P. 3; Scullard H.H. Roman Politics. P. 89; Balsdon J.P.V.D. Rome and Macedon... P. 30.

⁴²⁰ Holleaux M. Rome and Antiochus // CAN. Vol. VIII. P. 240; Rostovtzeff M. SEHWW. Vol. 1. P. 52; Walbank W.F. Polybius and Rome's eastern Policy // JRS. Vol. LIII. P. 7; Starr C.G. A History of the Ancient World. Oxford, 1965. P. 489; Briscoe J. A Commentary on Livy. Books XXXI–XXXIII. P. 41.

⁴²¹ Dorey T.A. Contributory Causes of the Second Macedonian War // AJP. 1959. Vol. LXXX. № 3. P. 290; Briscoe J. A Commentary on Livy. Books XXXI–XXXIII. P. 46.

⁴²² Briscoe J. A Commentary on Livy. Books XXXIV–XXXVII. P. 30. Note 1.

⁴²³ Dorey T.A. Contributory Causes... P. 291.

⁴²⁴ Briscoe J. A Commentary on Livy. Books XXXIV–XXXVII. P. 30.

⁴²⁵ Scullard H.H. Roman Politics. P. 86–87.

⁴²⁶ Carcopino J. Les etapes de l'imperialisme romain. Paris, 1961. P. 10, 67; Briscoe J. Flamininus and Roman Politics, 200–189 B.C. // Latomus. 1972. T. XXXI. Fasc. 1. P. 40.

⁴²⁷ См.: Wason M.O. Class Struggles in Ancient Greece. London, 1947. P. 9.

успокоить Балканы и не допустить революции на Апеннинах⁴²⁸. Именно слабость царя вынудила Рим к интервенции, контроль над Грецией был установлен в интересах правящего класса, римляне вошли в союз с греческими олигархами⁴²⁹. Эта установка перекликается с позицией ряда советских учёных⁴³⁰, но является устаревшей и безусловно ошибочной.

В.И. Кашеев справедливо предостерегает: нельзя ограничиваться только причинами единичными, частными⁴³¹. Все причины имеют основой одну – растущую агрессивность Рима. Именно отсюда желание не дать царю усилиться за счёт слабых соседей. Грецию, самую слабую часть эллинистического мира, Рим сам хотел прибрать к рукам. Македония могла помешать – её следовало разгромить⁴³². Причины войны лежат не столько в Македонии, сколько в Греции и Иллирии. После 206 г. до н. э. вопрос остался нерешённым: Филипп не смог вытеснить римлян из Иллирии, но и им не удалось сохранить все свои иллирийские владения. Царь примирился с таким исходом, римляне – нет! Цели сената узкоагрессивны: вернуть Атинтанию и устранить влияние Македонии в Греции. Цель Рима – не «завоевать Грецию»⁴³³, на тот момент никто не ставил перед сенатом таких задач, а ослабить Филиппа и ограничить его власть Македонией⁴³⁴. Главным здесь был не страх перед усилением вероятных противников, а соперничество Рима и Македонии на адриатическом побережье⁴³⁵. Г. Бенгтсон, не веря в страх сената, признаёт римскую политику агрессивной⁴³⁶. У Рима не было легальных оснований для войны⁴³⁷. Лозунг защиты греческой свободы давал формальные основания для нарушения мира⁴³⁸.

В 200 г. до н. э. консул сделал в сенате доклад о войне с Македонией. Уже после обязательных перед войной жертвоприношений, «кстати для возбуждения умов к войне» (Liv. XXXI.5), пришли письма послов об угрозе, которую якобы представляет армия Филиппа для Италии, и прибыли афиняне просить помощи. Появился благовидный предлог – им ответили: после раздела провинций царь получит войну (ibid.).

Однако народ, уставший от войн, отказался её утвердить (Liv. XXXI.6). Это устоявшееся общее объяснение, но оно становится понятнее, если добавить к нему сухие цифры. Ценз 233 г. до н. э. показал 270 713 граждан (Liv. Ep. 20), 208 г. до н. э. – 137 108 человек (Liv. Ep. 27). Следовательно, только за 10 лет II Пунической войны Рим потерял более 133 000 квири-тов, не считая союзников! Неудивительно, что народ хотел хотя бы мирной передышки. Лишь прибегнув к обману, что царь готов высадиться в Италии, консул убедил граждан. Эта ловкая политическая манипуляция показывает, насколько римские политики были правдивы даже с собственным народом! Дабы не раздражать квири-тов, набрали только два легиона неслужилой молодёжи плюс добровольцев-ветеранов. Зато союзные контингенты были увеличены, после II Пунической войны их набирали почти вдвое больше⁴³⁹. Одной из мер наказания нелояльных италиков стал более тяжёлый «налог кровью».

Вдобавок сенат надеялся на помощь греков, чему способствовала официальная мотивировка войны: за обиды, причинённые союзникам Рима (ibid.). В Греции Рим желал появиться

⁴²⁸ Opus cit. P. 225–226.

⁴²⁹ Ibid. P. 228, 232.

⁴³⁰ См.: Тарков П.Н. К истории международных отношений в Античности // ВДИ. 1950. № 2. С. 35; Шофман А.С. Указ. соч. С. 238.

⁴³¹ Кашеев В.И. Указ. соч. С. 13.

⁴³² См.: Всемирная история. Т. 2. С. 314.

⁴³³ Homo L. Opus cit. P. 295.

⁴³⁴ Holleaux M. Rome and Macedon: the romans against Philip. P. 158.

⁴³⁵ Трuxина Н.Н. Борьба внутри римского нобилитета в конце III – начале II в. до н. э. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1974. С. 10.

⁴³⁶ Bengtson H. Griechische Geschichte. Munchen, 1950. S. 449.

⁴³⁷ Ранович А.Б. Указ. соч. С. 259.

⁴³⁸ Holleaux M. Rome and Macedon: the romans against Philip. P. 158.

⁴³⁹ См.: Нептушил И.В. Очерк римских государственных древностей. Т. 3. Харьков, 1902. С. 446.

не агрессором, а мстителем за обиженных и освободителем от ига Македонии. Агрессивны были обе стороны, но римляне повели дело так, что виновником войны выглядел царь⁴⁴⁰.

Крупные силы пришлось держать в Италии: на севере восстали галлы, много племён опорочили себя помощью пунийцам и были раздражены против Рима (Liv. XXXI.8). На Балканы послали армию всего в 30 000 человек, однако от помощи, предложенной Египтом, отказались. Сенату важно было показать, что, несмотря на тяжёлые потери, он может справиться с любым врагом, а помощь союзникам – это дело только самого Рима (Liv. XXXI.9).

Дипломатическое обеспечение войны продолжалось. У Масиниссы просят конницу, обещающая взамен «поддержать и увеличить» его царство. (Liv. XXXI.11). Карфаген добровольно помог хлебом. Особо важная миссия была возложена на посольство к Антиоху – добиться его нейтралитета. Это легко удалось: цари относились друг к другу без доверия, а неудачи одного не трогали другого. Как отмечает Т. Моммзен, Антиох был не настолько дальновиден, чтобы помешать появлению Рима на Востоке, хотя трудно поверить, что он даже желал поражения Македонии, лишь бы «не делиться» египетскими владениями⁴⁴¹. Скорее всего, царю не было дела ни до Рима, ни до Филиппа, ведь в данный момент он воевал с Египтом.

Ещё в 204 г. до н. э. египетские послы умоляли сенат защитить их страну от Селевкида (Just. XXX.2.8). Но вплоть до конца II Македонской войны Египет был предоставлен своей судьбе, и лишь потом, обострив отношения с Антиохом, Рим заявил о своей готовности защищать и египтян тоже. Г.В. Штольц утверждает, что Рим не мог равнодушно смотреть на обиды дружественному Египту⁴⁴², однако сенат несколько лет преспокойно взирал на эти обиды, пока ситуация не изменилась и не стало выгодно вмешаться. Необходимо анализировать римскую политику без малейшей идеализации, опираясь только на факты.

Осенью 200 г. до н. э. консул высадился на Балканах. Горячего приёма он не встретил, греки выжидали. Македонию не любили, но опасались и «варваров-римлян», их появления многие не одобряли. Сначала только Родос, Пергам и Афины сражались за римлян, а на стороне Филиппа – Эпир и Беотия. Рим сразу стал важнейшим фактором международных отношений Востока⁴⁴³ и главной силой в войне. Он использовал противоречия эллинистических правителей, но Македонские войны отнюдь не были «внутренними для эллинистических держав»⁴⁴⁴, и Рим не стал «только членом антимакедонской коалиции»⁴⁴⁵. Нельзя согласиться, что его роль в войне была «незначительной»⁴⁴⁶, это противоречит фактам. Ахейцам, пытающимся помирить родосцев с Филиппом, римляне жёстко и однозначно заявили, что Родос не может заключить мир без согласия Рима (Polyb. XV.35). Из этого отчётливо видно, кто был главной и решающей силой в коалиции врагов Македонии.

Военные действия шли вяло, предстояла главная борьба – за союзников. Филиппу, испортившему отношения с Аханией, не удалось вовлечь её в войну. На собрании этолийцев послы Филиппа удерживали их от нарушения мира, римляне склоняли к войне (Liv. XXXI.29). В словесном состязании победа осталась за Римом, и не потому, что римский легат оказался красноречивее, скорее сыграла свою роль явная угроза, которой он закончил свою речь – вы или погибнете с Филиппом, или победите с Римом (Liv. XXXI.31). Иного выбора не оставалось.

⁴⁴⁰ Бокщанин А.Г. История международных отношений... С. 54.

⁴⁴¹ Моммзен Т. Указ. соч. С. 682.

⁴⁴² Штольц Г.В. Указ. соч. С. 323.

⁴⁴³ Ранович А.Б. Указ. соч. С. 259.

⁴⁴⁴ Тачева-Хитова М. Древняя Фракия и юго-восток Европы. София, 1976. С. 48.

⁴⁴⁵ Wood F.M. The Military and Diplomatic Campaign of T. Quinctius Flaminius in 198 B.C. // AJP. 1941. Vol. LXII. № 3. P. 277.

⁴⁴⁶ Тарков П.Н. Рец. на книгу Ф. Уолбэнка «Филипп V Македонский» // ВДИ. 1947. № 4. С. 100–101; Вейнберг И.П. Образование провинции Азия. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1954. С. 4; Wood F.M. Opus cit. P. 277; McShane R.B. Opus cit. P. 147.

Вскоре, узнав о мелких победах Рима и нападении на Македонию дарданов и иллирийцев (Liv. XXXI.40), Этолия вступила в войну. Римляне долго не могли добиться успеха – Сульпиций и сменивший его Виллий были слабыми полководцами. Италики не желали гибнуть за Рим, новобранцы не имели боевого опыта, а ветераны, наскуча войной, не дающей добычи, устроили бунт, утверждая, что их набрали насильно и требуя отставки. Учитывая, в каких условиях началась война, нельзя поверить, что ветераны шли на неё «большой частью поневоле»⁴⁴⁷. Ливий ясно пишет: брали добровольцев (XXXI.14.2).

В Риме росло недовольство, на 198 г. до н. э. консулом избрали энергичного Тита Квинция Фламинина, известного филэллина. Сенат надеялся, что он привлечёт к Риму симпатии греков. Положение оставалось сложным. Филипп отбил удары дарданов (Liv. XXXI.43) и этолийцев (Liv. XXXI.42). Антиох занял несколько пергамских городов, и Эвмен просил помощи Рима (Liv. XXXII.18). Сенат обещал помирить его с Селевкидом, добрые отношения с которым римляне в это время всячески подчёркивали. Само столкновение они представили конфликтом двух союзных Риму царей (ibid.). «Дружбу» с Антиохом надо было сохранить до победы, но Пергам был нужен, и римлянам удалось убедить Селевкида увести войска (Liv. XXXII.27). Дружба сената к Антиоху вызывалась соображениями дипломатическими (Liv. XXXII.20). Раньше «римляне и царь с большим подозрением относились друг к другу» (App. Syr. 2). Римляне считали, что он может нарушить нейтралитет, Антиох опасался, что они помешают ему переправиться в Европу. «Но вообще у них не было явных причин для враждебных отношений» (ibid.).

Чтобы выиграть время, Фламинин начал переговоры, Филипп охотно пошёл на них, он желал ухода римлян из Греции и даже готов был очистить занятые города. Консул потребовал освободить Фессалию, что или ослабляло Македонию, или, при отказе, прекращало переговоры. Царь, разумеется, отказался (Liv. XXXII.10). Тем временем Фламинин привлёк значительную часть эпиротов на свою сторону (Liv. XXXII.14) и оказал сильное давление на Ахайю, дав понять, что остаться в стороне ей не удастся. Опасаясь стать врагами Рима, ахейцы стали врагами Македонии. Большинство ахейцев были недружелюбны к римлянам (App. Mac. VII), но утверждение А.И. Павловской, что знать союза примкнула к Риму, надеясь, что он будет охранять её классовые интересы⁴⁴⁸, является безусловным упрощением.

Лестью или силой консул получил помощь от греков⁴⁴⁹, его дипломатическая победа изменила соотношение сил. Эти успехи побудили сенат продлить его полномочия ещё на год (Liv. XXXII.28). Встревоженный Филипп возобновил переговоры (XXXII.32). Очевидно, он уже не верил в победу и готов был купить мир крупными уступками⁴⁵⁰. Рим предъявил ещё более тяжёлые и «обидные»⁴⁵¹ условия, явно не желая ещё одного «незрелого» мира. Сенат хотел заставить царя признать римское политическое верховенство⁴⁵². Растеряв союзников, Филипп обратился к спартиату Набису, тот, верно оценив ситуацию, перешёл на сторону Рима (Liv. XXXII.39). Продолжая политику изоляции Македонии, Фламинин заключил союз с Беотией (Liv. XXXIII.2). Только теперь, ослабив царя и обеспечив тыл, он дал генеральное сражение. В 197 г. до н. э. при Киноскефалах македонская армия была разгромлена, исход битвы во многом решила этолийская конница⁴⁵³. Царь запросил мира.

Война окончилась, и сразу изменилось отношение к союзникам, особенно этолийцам. Раньше Фламинин всё прощал им, теперь же начал всячески принижать (Liv. XXXIII.11). Сле-

⁴⁴⁷ Моммзен Т. Указ. соч. С. 663; Шофман А.С. Указ. соч. С. 229.

⁴⁴⁸ Павловская А.И. Греция и Македония в эпоху эллинизма // История Европы. Т. 1. М., 1988. С. 428.

⁴⁴⁹ Starr C.G. A History of the Ancient World. P. 491.

⁴⁵⁰ Иегер О. Указ. соч. С. 153.

⁴⁵¹ Ранович А.Б. Указ. соч. С. 259.

⁴⁵² Eckstein A.M. T. Quinctius Flaminius and the Campaign against Philip in 198 B.C. // Phoenix. 1976. Vol. XXX. № 2. P. 131.

⁴⁵³ Подробнее см.: Polyb. XVIII.34.2; Liv. XXXIII.7.

лав много для победы, Этолия претендовала на гегемонию в Греции, но Рим сам хотел править (App. Mac. IX). Римляне воевали не для того, чтобы место одного гегемона занял другой. Укрепляясь на Балканах и не прибегая к территориальным захватам, Рим поддерживал баланс сил, никому не давая усилиться. Только так можно было сохранить своё господство над всеми. Поэтому сенат отверг требование Этолии об уничтожении Македонии. Были и соображения частного порядка: разгром Македонии облегчал бы варварам, сдерживаемым ею, набеги на Грецию, которую уже считали своей подопечной. Довод о набегах был рассчитан на греков, не могли же объяснить им, что предпочитают сохранить ослабленную Македонию как пугало для Греции и обоснование своего вмешательства в греческие дела.

С заключением мира следовало поспешить: дошли слухи, что Антиох движется в Европу (Polyb. XVIII.39.3; Liv. XXXIII.13), по пути «перезахватывая» города, ранее взятые Филиппом. Мнение А.Л. Каца, что Антиох, в суматохе II Македонской войны захвативший некоторые территории, тем самым нарушил договор, заключённый с Римом⁴⁵⁴, абсолютно беспочвенно. Продвижение селевкидских войск и было главной причиной быстрого заключения мягкого мира (ibid.). Следует учитывать, что Филипп был не настолько ослаблен, чтобы подчиниться любым условиям⁴⁵⁵. В известной мере и этот мир стал для Рима вынужденным, война не была доведена до логического конца – Македония не стала полностью зависимой.

Одна цель была достигнута – Греция оказалась во власти Рима. Этой властью надлежало распорядиться наилучшим образом (см. 3-ю главу).

После 197 г. до н. э. римляне «посоветовали» Филиппу заключить союз с Римом, чтобы не казалось, что он ждёт Антиоха, желая примкнуть к нему (Pol. XVIII.48.4). Царю пришлось подчиниться. В 195 г. до н. э. сенат велел Фламинину начать войну с Набисом, отказавшимся очистить Аргос (Liv.34.22). Главной причиной войны были опасения, что он примкнёт к Антиоху (Just. XXXIII.44), а не его «революционность». Римляне разбили Набиса, чтобы не воевать на два фронта (Liv. XXXI.1.6). Созвав общегреческое собрание, консуляр представил войну делом всех греков. Имея приказ о её начале, он лицемерно спрашивал, не угодно ли грекам освободить Аргос, поскольку это только их дело, а римляне не имеют к этому никакого отношения (Liv. XXXIV.22). Возникает резонный вопрос: почему тогда сенат решил войну без предварительных консультаций с греками? Это показывает, насколько всерьёз воспринимали «свободу» эллинов. Рим никогда не считался с мнением греков, даже в делах, касающихся Греции.

На Набиса двинули большие силы, даже Филипп прислал отряд (Liv. XXXIV.26), уклонились только этолийцы. Отнятый у разбитого Набиса Аргос объявили *свободным* – и *отдали* ахейцам! (Liv. XXXIV.41). Во внутренние дела Спарты сенат вмешиваться не стал, это опровергает тезис, что он искоренял в Греции демократию, опираясь на олигархов. Спарту не уничтожили, чтобы сохранить баланс сил.

В 194 г. до н. э. сенат увёл войска из Греции: оставить армию означало внушать грекам сомнения в подлинности их освобождения. Перед отъездом Фламинин отменил в городах все распоряжения сторонников Филиппа, которые могли бы усилить позиции промакедонских сил (Liv. XXXIX.48). В Греции положение оставалось сложным, ценой «свободы» была разруха и раздробленность страны⁴⁵⁶. В 193 г. до н. э. обиженные на римлян этолийцы пытались поднять против Рима Спарту и Македонию. Филипп отказался, но и не известил сенат об этих переговорах и планах Этолию. Одновременно Этолия агитировала Антиоха, обещая ему помощь Филиппа и от себя большое войско (App. Syr. 12). Селевкид не торопился. Возмутить удалось

⁴⁵⁴ Кац А.Л. Древний Рим. Фрунзе, 1959. С. 53.

⁴⁵⁵ Штоль Г.В. Указ. соч. С. 327.

⁴⁵⁶ Holleaux M. Rome and Macedon: the romans against Philip. P. 194.

только Набиса, напавшего на Ахайю, но его разбили так быстро, что сенат не успел вмешаться, и Спарта была включена в Ахейский союз (Liv. XXXV.37).

Отсутствие единства эллинистических царей позволило столкнуть Антиоха с Филиппом. Антигонида ещё до войны вернули сына, находившегося в заложниках в Италии, обещали простить недоплаченную контрибуцию и оставить ему все владения, которые он сумеет отнять у Этолии и её союзников (Liv. XXXVI.10; App. Syr.16). И он, вынужденный союзник, помог Риму, не из любви к нему, а из ненависти к Антиоху⁴⁵⁷. Царь, конечно, ненавидел Рим намного больше, чем Антиоха, но у него уже не было другого выхода. Сыграли роль жажда мести этолийцам, стремление прибрать к рукам хоть что-нибудь, желание мелких сиюминутных выгод. Его возмутило, что Антиох имел своего претендента на македонский трон, – это была большая ошибка Селевкида⁴⁵⁸.

Но не это было главным: теперь Филипп желал «мирного сосуществования» с могучим Римом. Он понимал, что война с ним закончится крахом Македонии, а оказав помощь, мог надеяться на благодарность. Притом, заключив *foedus* с Римом, Филипп не мог остаться даже нейтральным⁴⁵⁹. Не осмеливаясь думать о свержении ярма, он думал лишь о том, чтобы смягчить его тяжесть⁴⁶⁰. Союзный договор предусматривал общих врагов. Такие договоры заключались после войны и «регулировали отношения Рима с побеждённым, но ещё не покорённым врагом»⁴⁶¹.

Филипп стал фактически зависимым монархом⁴⁶². Сохранился любопытный фрагмент Полибия: «Важнее всего было отвращать войну от Македонии...» (fr. 108). Кто, кроме царя, мог это делать? Эта фраза может быть подтверждением того, что Филипп не собирался затевать новую войну с Римом. Фрагмент мог находиться в книге о Сирийской или, что не менее вероятно, о III Македонской войне, обе эти книги дошли не полностью. Ещё до начала войны послы Антигониды в Риме обещают вспомогательные войска, хлеб и деньги (Liv. XXXVI.4). Невозможно, однако, поверить, что на это его толкнуло захоронение Антиохом непогребённых костей павших при Киноскефалах македонян, а раньше он хотел соотнести своё решение с военным счастьем (Liv. XXXVI.8; App. Syr.16).

В 192 г. до н. э. Антиох вторгся в Элладу с небольшим войском, но уже в следующем году был разбит римлянами в битве при Фермопилах и бежал в Азию. Греки его не поддерживали, и не потому, что у власти стояли «знатные и благонамеренные»⁴⁶³, – **именно они** позже втянули Грецию в войну против Рима на стороне Митридата! Просто неприязнь к Риму ещё не достигла того накала, к которому пришла веком позже. Греки прекрасно понимали, что Антиох пришёл освобождать их «для себя», и пока у них не возникла острая потребность в смене хозяина. Война римлян с отчаянно сопротивлявшимися этолийцами окончилась в 189 г. до н. э. – они сопротивлялись на год больше, чем огромное Селевкидское царство! Они вынуждены были признать верховенство и власть народа римского, обязались иметь общих с ним врагов и помогать Риму в войне (Polyb. XXI.32.2–4). Территорию Этолии сильно сократили, взяли большую контрибуцию. Этолия получила *foedus iniquum* и стала полностью зависимым⁴⁶⁴ государством-клиентом⁴⁶⁵. Такие договоры были традиционны для Рима в Италии, и он перенёс

⁴⁵⁷ Вебер Г. Указ. соч. С. 538; Стельмашенко М.А. История Рима. Киев, 1906. С. 44.

⁴⁵⁸ Oost S.I. Aminander, Athamania a and Rome // CPh. 1957. Vol. LII. № 1. P. 9.

⁴⁵⁹ См.: Mathaei L.E. On the Classifications of Roman allies // CQ. 1907. Vol. 1. № 2–3. P. 191, 194.

⁴⁶⁰ Монтескьё Ш. Рассуждения о причинах величия и падения Рима // Избранные произведения. М., 1955. С. 71.

⁴⁶¹ Александренко В.Н. Международное право Рима // ЖМНП. 1895. Февраль. С. 305; Мишулин А.В. Объявление войны... С. 106.

⁴⁶² Rostovtzeff M. SEHW. Vol. 1. P. 53.

⁴⁶³ Павловская А.И. Указ. соч. С. 429.

⁴⁶⁴ Sherwin-White A.N. Opus cit. P. 115; Briscoe J. Flamininus... P. 50.

⁴⁶⁵ Errington R.M. The dawn of Empire. P. 186.

свой итальянский опыт на греческую почву. Покончив с Антиохом, Рим ужесточил политику на Балканах. Теперь римляне считали, что их протекторат над греками сменился полной римской гегемонией. Нужда в помощи союзников исчезла. Особое внимание сенат уделял Македонии, пытаясь превратить её в полностью зависимое государство. Давление на страну нарастало, её всячески старались ослабить (App. Мас. IX.6).

Филиппу изменило чувство меры, и он занял не только этолийские города, но и несколько фессалийских. Не случись этого, сенат, возможно, дольше помнил бы о ценной помощи Филиппа в войне, к тому же, присоединившись к Антиоху, он мог очень навредить Риму (ibid.). Только благодаря Филиппу римская армия без потерь прошла через Фракию в Азию. На обратном пути, когда царь уже не обеспечивал безопасность дороги, фракийцы отбили часть трофеев, а консул с потрёпанным войском сумел спастись, лишь уйдя в Македонию (App. Syg. 43).

Тем не менее после войны сенат заявил Филиппу, что щедрые обещания, данные ему накануне войны, это всего лишь обещания посла, и Рим не может их выполнить! Правда, ему оставили земли, занятые в Сирийскую войну, но позже потребовали очистить города Перребии и Эн с Маронеей (Polyb. XXII.15.3–4). Разгневанный царь устроил резню в Маронее, просившей сенат о свободе от Македонии. Римские послы установили, что резня – дело рук Филиппа и он «враждебен к Риму» (Polyb. XXII.18.6). Царь, однако, не шёл дальше беспомощной ненависти и не совершал враждебных по отношению к Риму действий. Он понимал, что дело идёт к уничтожению страны⁴⁶⁶, и готовился к защите: утвердился во Фракии, упрочил дружбу с иллирийцами и заключил союз с бастарнами. Полибий, однако, напрасно видит причину III Македонской войны в Филиппе (XXII.8.10), а В.С. Сергеев, слишком буквально понявший эту фразу автора, даже пишет, что войну начал «всё тот же неугомонный Филипп»⁴⁶⁷. Заметим, что царь умер за восемь лет до её начала! Это показывает, насколько глубоко укоренилась необоснованная вера в реваншизм Филиппа. Царь больше не помышлял о мести Риму⁴⁶⁸ и готовился не к нападению, а к защите: имея намерение напасть первым, он мог осуществить его в Сирийскую войну, но при всей ненависти к Риму не рискнул это сделать даже в союзе с Антиохом и Этолией, когда шансы на успех были заметно весомей. Неправомерны утверждения, что царь хотел организовать вторжение северобалканских племён в Италию⁴⁶⁹, отвлечь римлян нападением кельтов, чтобы вновь захватить гегемонию в Греции⁴⁷⁰. Р. Эррингтон совершенно справедливо считает их не только фальшивыми, но даже и фантастическими⁴⁷¹.

Разумеется, Филипп не стал пацифистом, но степень агрессивности прямо зависит от силы и политической ситуации, ни то ни другое не давало ему ни малейшего шанса на победу. Невероятно, чтобы царь, «с умением и величайшей рассудительностью приспособившийся к своему новому положению» (Ро1. XVШ.33.7), не понимал этого. Приписываемое ему желание начать войну⁴⁷² и даже высадиться в Италии должно остаться на совести анналистов.

Ливий пишет, что, если бы Персей, по примеру отца, ежедневно дважды перечитывал договор с римлянами, он не стал бы портить с ними отношений (XLIV,16). На эту фразу обычно не обращают внимания. Видимо, чтение договора, ущемившего Македонию, напоминало царю о мощи врага, что позволяло укрощать гнев и сохранять осторожность. Несмотря на

⁴⁶⁶ Walbank F. W. Philippos tragoidymenos // JRS. 1938. Vol. LVIII. Pt. 1. P. 66.

⁴⁶⁷ Сергеев В.С. Очерки по истории Древнего Рима. Т. 1. М., 1938. С. 127.

⁴⁶⁸ Всемирная история / Ред. А.А.Каспари. М., 1902. С. 309.

⁴⁶⁹ Мuryгина Н.Ф. Фракия и Рим. Борьба фракийских племён против римской агрессии во II-I вв. до н. э. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1951. С. 7.

⁴⁷⁰ Нице Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1908. С. 160.

⁴⁷¹ Errington R.M. Opus cit. P. 203.

⁴⁷² Голицын К.С. Всеобщая военная история древних времён. Т. 3. СПб., 1873. С. 253; Штольц Г.В. Указ. соч... С. 334; Нич К. Указ. соч. С. 255; Шофман А.С. Указ. соч. С. 246; Homo L. Opus cit. P. 305, 308; Toynbee A.J. Hannibal's legacy. Vol. 2. P. 469.

то что римляне крайне раздражали его своей назойливой опекой⁴⁷³, он не терял самообладания и не позволял спровоцировать конфликт.

Война с Римом не была целью Филиппа, он готовился к борьбе, если бы римляне пожелали лишить Македонию независимости⁴⁷⁴. Утверждение Полибия, что царь готовил войну мести, ошибочно: он хотел видеть свою страну снова сильной, и ему это удалось⁴⁷⁵. Филипп до самой смерти поддерживал хорошие (? – А.Б.) отношения с Римом⁴⁷⁶. В 179 г. до н. э. он умер, оставив Персею заметно окрепшее царство.

Проблема III Македонской войны тесно связана с оценкой личности и деятельности Персея. В источниках он получает очень негативную характеристику. Отмечаются его скупость (Plut. Aem. Paul. VIII.XII), малодушие (Polyb. XXIX.17.5; App. Mac. XV; Plut. Aem. Paul. IX), непорядочность (Plut. Aem. Paul. VIII; Just., XXII.3.1), излишняя доверчивость и нерешительность и в то же время – дерзость и неумение владеть собой (Liv. XLII.43.25). Традиция утверждает, что Персей ненавидел римлян (Plut. Aem. Paul. VIII), желал войны с ними (Liv. XLII.15) и склонял все племена к военному союзу против Рима (Just. XXII. 4.1). Луций Ампелий пишет, что причина войны – нарушение царём условий мира, заключённых с его отцом, и приводит совершенно абсурдное утверждение, очевидно, исходящее от анналистов, что Персей с огромным войском «совершил нападение на Грецию, но был разбит» (Ampelius. 16.4). Однако общая установка авторов – царь хотел войны – опровергается фактами, которые они же сами и приводят. Версия Ливия, что Персей убеждал Антиоха, Египет (?) и даже Пергам (!) восстать против Рима (XLII.26), не имеет никакой опоры в источниках и просто абсурдна. Информация о посольстве македонян в Карфаген исходит от Масиниссы (Liv. XIII. 22) и выглядит сомнительной. Ливий обвиняет Антигона в покушении на Эвмена и приводит совершенно фантастические слухи о желании царя отравить римских послов (XLII.17).

Аппиан, напротив, сообщает о трудолюбии и трезвом образе жизни молодого царя, снискавших ему всеобщую любовь, о его разумности и милосердии (Mac. XI.13), проникательности, смелости в бою (Mac. XVI). Все эти качества покинули его только после поражения, когда он был сломлен судьбой (ibid.). Этот образ столь же далёк от реального, как и созданный римской пропагандой. Любопытен вариант Мемнона Гераклеяского: царь, «по молодости» нарушил договор с римлянами и вынужден был воевать с ними (XXV.4). Даже на нейтрального Мемнона ощутимо повлияла римская традиция! Но он, по крайней мере, не говорит о *желании* царя воевать. Хотя отметим, что к началу войны Персею было 40 лет... Не понимая, чем объяснить странное «нарушение мира» царём, автор вынужден был сослаться на его «молодость»...

Отрицательное отношение к Персею господствует и в историографии, особенно старой⁴⁷⁷. Но и в новых работах он получает весьма нелестную характеристику – «ничтожный македонский царь Персей»⁴⁷⁸. Единственно верную оценку сторонам можно дать, лишь исходя из тех целей, которые они перед собой ставили, и из тех факторов, которые стали причиной войны. Некоторые учёные полагают, что царь желал войны, но и боялся её⁴⁷⁹. Другие верят, что он

⁴⁷³ Герцберг Г. История Рима. М., 1881, С. 322.

⁴⁷⁴ Benecke P. V.M. The fall of the Macedonian Monarchy // CAH. Vol. VIII. Cambridge, 1930. P. 246; Rostortzeff M. A History of Ancient World. Vol. 2. Oxford, 1927. P. 71; Walbank F. W. A historical Commentary on Polybius. Vol. III. Oxford, 1979. P. 199.

⁴⁷⁵ Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 271.

⁴⁷⁶ Нетушил И.В. Обзор римской истории. 2-е изд. Харьков, 1916. С. 115.

⁴⁷⁷ См. Гадзяцкий П. Всеобщая история. Аккерман, 1887. С. 190; Ткачевский А. Учебник древней истории. 3-е изд. СПб., 1901. С. 206; Мабл Г.Б. Размышления о греческой истории. М.—Л., 1941. С. 323; Тарн К. Эллинистическая цивилизация. М.—Л., 1949. С. 47; Niebuhr B.G. Lectures... P. 458. С другой стороны, О. Иегер объективно считал Персея гордым и способным правителем, одновременно отмечая его нерешительность и скупость (см.: Иегер О. История Рима. М., 1886. С. 174–175).

⁴⁷⁸ Немировский А.И. Три малых римских историка // Малые римские историки. В. Патеркул. Римская история; А. Флор. Две книги римских войн; Луций Ампелий. Памятная книжка. М., 1996. С. 223.

⁴⁷⁹ 345 Шлоссер Ф. Всемирная история. Т. 3. СПб., 1862 С. 422; Вебер Г. Всеобщая история. Т. 3. М., 1892. С. 549;

готовил наступательную войну с Римом⁴⁸⁰ и, чтобы получить в ней поддержку греков, провёл ряд демагогических мер: обещал кассацию долгов, амнистию всем заключённым⁴⁸¹, но его безудержная демагогия многих оттолкнула⁴⁸².

На самом же деле царь никогда не был демагогом. Взойдя на трон, он издал указ о прощении должников и осуждённых за преступления против царской власти, одновременно он призвал изгнанников вернуться на родину (см.: Polyb. XXV.3.1.; Syll. 3 636). Как убедительно показал Д. Мендельс, такие действия диктовались старым македонским обычаем и были традиционными при восшествии на престол нового царя, а указ касался исключительно македонян⁴⁸³. Персей главное внимание уделял стабилизации внутреннего положения страны⁴⁸⁴. Д. Мендельс пишет, что социально-политические меры царя в Македонии сделали его популярным во всей Греции; Рим выглядел защитником существующего статус-кво, поэтому массы ждали изменений от Персея. Испытывая экономические трудности, они возлагали на Персея надежды, которые он не мог или не хотел осуществить. А обвинения в том, что царь разжигал революционность масс в Греции, безосновательны, они – плод римской пропаганды⁴⁸⁵.

В Греции росла враждебность к Риму, даже Т. Моммзен признаёт, что «освободителям иногда случалось совершать несправедливость»⁴⁸⁶. В Персее греки видели единственную силу, способную сбросить с них цепи зависимости. Этим, а не личными качествами царя, объясняется его популярность. Персей отнюдь не был выдающимся полководцем, как утверждает С.Г. Лозинский, и не он создал антиримскую коалицию, в которую «был вовлечён даже далёкий Карфаген»⁴⁸⁷. Никакой коалиции не существовало. Карфаген вовсе не демонстрировал свою «антиримскую направленность»⁴⁸⁸, а, напротив, был покорен Риму. Унаследовав ненависть отца к римлянам, Персей продолжал и его политику подготовки к оборонительной войне, но делал это без должной скрытности. Он старался приобрести как можно больше союзников, чтобы укрепить обороноспособность страны и ослабить её зависимость. В то же время, отойдя от разумной осторожности Филиппа, он пытался усилить своё влияние в Греции. Мирный поход в Дельфы, предпринятый «с пропагандистскими целями»⁴⁸⁹, был ошибкой царя, но сама по себе она не может служить обоснованием войны против него⁴⁹⁰. Персей не предпринял ничего, что позволило бы считать его инициатором войны.

Мнения о причинах войны можно систематизировать по четырём группам. 1. Персей вынудил Рим принять ответные меры, т. к. действия царя могли быть угрозой римским интересам⁴⁹¹, для Рима война была превентивной⁴⁹². «Опасные действия» царя дали Риму повод для решения македонской проблемы, война была «спровоцирована» Персеем именно тем, что он усилил своё царство, не желал терпеть римский диктат, требовал уважения к своей незави-

Герцберг Г. Указ. соч. С. 324, 330; Нич К. Указ. соч. С. 256.

⁴⁸⁰ Моммзен Т. Указ. соч. С. 714; Бокшанин Л. Г. История международных отношений... С. 57; Ревяко К. А. Пунические войны. Минск, 1988. С. 221.

⁴⁸¹ Мишулин Л. И. Античная история Греции и Рима. С. 180; он же. История Древнего Рима. С. 40; Шофман А.С. Указ. соч. С. 63; История Древнего мира / Под ред. А.Г. Бокшанина. Т. 2. М., 1982. С. 259.

⁴⁸² Ковалев С. И. История Рима. С. 275.

⁴⁸³ Mendels D. Perseus and the Socio-economic Question in Greece (179–172/1 B.C.) // AS. 1978. № 9. P. 57.

⁴⁸⁴ Павловская Л. И. Греция и Македония в эпоху эллинизма... С. 429.

⁴⁸⁵ См.: Mendels D. Opus cit. P. 69–72; 73; 62.

⁴⁸⁶ Моммзен Т. Указ. соч. С. 717.

⁴⁸⁷ Лозинский С.Г. История Древнего мира. Греция и Рим. Пг., 1923. С. 111.

⁴⁸⁸ Шофман А.С. Указ. соч. С. 253.

⁴⁸⁹ Моммзен Т. Указ. соч. С. 718; Meloni P. Opus. cit. P. 134–135.

⁴⁹⁰ Эти действия царя невозможно считать нарушением условий мирного договора. Errington R.M. Opus. cit. P. 204.

⁴⁹¹ Scullard H.H. A History of the Roman World... P. 265; Starr C.G. A History of the Ancient World. P. 493.

⁴⁹² Lafforquie G. Opus cit. P. 256.

симости⁴⁹³, его амбициозная политика, усилившая Македонию, сыграла на руку Риму и привела к войне⁴⁹⁴. 2. Виновник войны – только Рим, а действия царя имели чисто оборонительный характер⁴⁹⁵. Персей не нарушил ни одного пункта мирного договора⁴⁹⁶, он не хотел войны, её спровоцировал Рим⁴⁹⁷. 3. Причиной войны было обращение к сенату Эвмена⁴⁹⁸ (это мнение совершенно неубедительно, так как Атталид никак не мог определять внешнюю политику Рима). 4. Ответственность за войну лежит на доминировавшей в Риме агрессивной партии Фульвиев: именно она развязала войну⁴⁹⁹. Заметим, что мнение о господстве Фульвиев выглядит явным преувеличением, к тому же Римская республика не вела войн в угоду отдельным нобильским родам. Соперничающие между собой группировки знати во внешней политике руководствовались пользой государства, как они её понимали, а не своими личными амбициями.

Ближе всего к истине вторая позиция. Отметим, однако, что «демонстрация силы» в Дельфах действительно превысила разумные пределы оборонительной политики, вызвав раздражение римлян. Мы считаем, что характеристика Персея в источниках явно тенденциозна, его внутренняя политика очень разумна, а главная цель – укрепить страну и избежать войны. Но при этом личные качества царя малосимпатичны, во внешней политике ему не хватало гибкости, а в критический момент – и решительности. Он не хотел столкновения и не был авантюристом, идущим на заведомо проигрышную войну; Македония мешала римлянам самим фактом своего существования, и, демонстрируя её силу, он ускорил события. Перед Персеем было только два варианта: подчиниться Риму или подняться на решительную войну – он не смог остановиться ни на одном из них, а ошибки и нерешительность в кризисной ситуации 172/1 г. до н. э. не позволяют считать его трезвым политиком, совершающим оптимальные действия.

Цели Рима оставались теми же, что и при Филиппе. Используя традиции италийской политики, заключающиеся в постепенности и поэтапности подчинения, сенат пытался добиться полной зависимости Македонии, но достичь этого не удавалось, равно как и ослабления царства. Утверждения А.С. Шофмана об экономическом упадке, мощной проримской партии, партийной борьбе и симпатиях македонской знати к Риму⁵⁰⁰ противоречат данным источников. Подлинной причиной войны была попытка Македонии восстановить свою силу и самостоятельность, а также её хорошие отношения с греками⁵⁰¹. Авторитет Рима на Балканах падал, а влияние царя росло, это и привело к войне⁵⁰². Рим желал доминировать, но при наличии сильного македонского царства это было невозможно, и сенат начал войну с твёрдым решением устранить Македонию⁵⁰³. Посольство 172 г. до н. э. потребовало у Персея уступок,

⁴⁹³ Моммзен Т. Указ. соч. С. 714; *Pelman H.F.* Outlines of Roman History. P. 135; *Heitland W.E.* The Roman Republic. V. 1. Cambridge., 1909. P. 88–89; *Meloni P.* Opus cit. P. 148–149, 158–159, 444–451; *Stobart J.C.* The Grandeur that was Rome. N.Y., 1962. P. 551; *McShane R.B.* The Foreign Policy... P. 164; *Badian E.* Roman Imperialism in the Late Republic. Oxford, 1968. P. 3; *Raditsa L.* Bella Macedonica // ANRW. Bd. 1. B.-N.Y., 1972. P. 578, 579, 585; *Gruen E.* The Hellenistic World and the Coming of Rome. V. 2. Berkeley, 1984. P. 417.

⁴⁹⁴ *Bowder D.* Op. cit. P. 23.

⁴⁹⁵ *Benecke P.V.M.* Op. cit. P. 256; *Curv M., Haarhoff T.J.* Life and Thought in the Greek and Roman World. London, 1959. P. 60.

⁴⁹⁶ *Jaczyiowska M.* Istorja starozytnego Rzymu. Warszawa, 1982. S. 106.

⁴⁹⁷ *Кац А.Л.* Древний Рим. Фрунзе. 1954. С. 5; *Thiel J.H.* Studies on the History of Roman Sea-power in Republican Times. Amsterdam, 1946. P. 372.

⁴⁹⁸ *Frank T.* Roman Imperialism. 2nd ed. New York, 1929. P. 221; *Ehrenberg V.* Man, State and Deity. London, 1974. P. 73.

⁴⁹⁹ *Briscoe J.* Eastern Policy and Senatorial Politics 168–146 B.C. // *Historia*. 1969. Vol. XVIII. P. 60. Близок подход М. Гранта – «сильная империалистическая группа настояла на войне против Персея» (*Grant M.* Opus cit. P. 270).

⁵⁰⁰ *Шофман А.С.* Указ. соч. С. 247 слл.

⁵⁰¹ Моммзен Т. Указ. соч. С. 719; *Гордеев В.И.* История Древнего мира. Л., 1970. С. 134; *Walbank F.W.* The Hellenistic World. New Jersey. 1981. P. 338.

⁵⁰² *Герцберг Г.* Указ. соч. С. 324.

⁵⁰³ *Walbank F.W.* The Hellenistic World. P. 338; *Boak A., Sinnigen W.* A History of Rome to A.D. 565. New York, 1965. P.

которые реально означали потерю свободы⁵⁰⁴, а потому были неприемлемы. Очевидно, сенат решил, что над страной надо установить контроль, более прямой и эффективный, нежели клиента⁵⁰⁵.

Рим стал предъявлять Персею всякие обвинения и готовить общественное мнение Греции к войне с Македонией⁵⁰⁶. Римляне объявили, что царь пошёл с войском против храма Аполлона⁵⁰⁷, что должно было настроить против него греков. Решив начать войну, Рим использовал всё, чтобы заранее оправдать себя, – этим и объясняется очернение Персея проримской пропагандой⁵⁰⁸. Инициатива войны исходила от римлян, но агрессорами можно признать обе стороны, поскольку речь шла не только о независимости Македонии, но и о влиянии в Греции. Для Македонии война стала последней⁵⁰⁹, вынужденной попыткой освободиться и восстановить свои позиции на Балканах. Одновременно III Македонская война приобрела уже некоторый оттенок восстания⁵¹⁰, так как политическое положение и силы сторон были неравными.

Рим искал предлога к войне, в 172 г. до н. э. Эвмен, уловив момент, доставил в сенат длинный список «преступлений» царя. Обвинения эти были клеветническими, сенат же, не желая иметь сильного соседа, решил воевать с Персеем; послов Персея и родосцев, желавших возразить Эвмену в лицо, приняли только после его отъезда (App. Mac. XI.1–3). Очевидно, сенат понимал, что они легко могли уличить его в клевете. Послы, негодуя на всё, говорили более резко, чем следовало (ibid.), но фразы, приписываемой им Ливием, «царь не хочет войны, но, если она начнётся, будет вынужден храбро защищаться» (XLII.14.3) нет ни у Полибия, ни у Аппиана, лучше информированных и более объективных. Вероятно, автор «красоты ради» вложил в уста послов слова, произнесённые Филиппом накануне II Македонской войны, но совершенно неуместные в данных условиях, так как главной целью посольства было отвести от Персея ложные обвинения и не допустить войны.

Оправдания и просьбы македонских послов были отвергнуты, поскольку сенат уже пришёл к определённом решению (Liv. XLII.15). Правильно оценив ситуацию, глава посольства Гарпал, вернувшись домой, сообщил царю, что война неизбежна (ibid.), но тот оставался пассивным. Вскоре Персея обвинили в покушении на Эвмена. Римляне выставляли и другие причины войны, как будто она ещё не была решена, но особенно их раздражала дружба царя с греками (App. Mac. IX.1.4). Решение о войне было окончательным, о нём только не объявляли (Liv. XLII.19). Римляне разослали послов к союзникам (Polyb. XXVII.3.1) – началась обычная дипломатическая подготовка войны – и заняли приморские города Иллирии, обезопасив переправку войск на Балканы. *Macedonicum Bellum in annum dilatum est* – «македонская война была отложена на год» (Liv. XLII.18.6). После этого довольно странно выглядит утверждение Т.А. Бобровниковой, что «для Рима III Македонская война началась неожиданно»⁵¹¹.

По обычаю в том же 172 г. до н. э. римское посольство потребовало у царя удовлетворения, его обвинили в смутах в Фессалии и Этолии, потребовали восстановить власть изгнанного им фракийского вождя Абруполиса (Diod. XXIX.36), упрекали в нарушении мира (Liv. XLII.25). По Ливию (ibid.), царь пришёл в ярость, кричал о высокомерии римлян, заявил, что считает прежний договор недействительным и хочет заключить с Римом равный союз, а когда

133; Errington R.M. Op. cit. P. 213.

⁵⁰⁴ Boak A., Sinnigen W. Opus cit. P. 133.

⁵⁰⁵ Errington R.M. Opus cit. P. 213.

⁵⁰⁶ Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. С. 265.

⁵⁰⁷ Нукимский А. Римляне о царе Персее // ЖМНП. 1906. Март. С. 192; Sherk R.K. Roman Documents from the Greek East. Baltimore. 1969. P. 234.

⁵⁰⁸ Edson C. F. Opus. cit. P. 202; Mendels D. Opus. cit. P. 55.

⁵⁰⁹ Езоров А.Б. Рим на грани эпох. С. 27.

⁵¹⁰ Raditsa L. Opus. cit. P. 584.

⁵¹¹ Бобровникова Т.А. Повседневная жизнь римского патриция в эпоху разрушения Карфагена. М., 2001. С. 14.

послы объявили ему о разрыве отношений, что было равносильно объявлению войны, велел им покинуть Македонию. Весь рассказ выглядит невероятным, явно исходит от анналистов и совсем не вписывается в дальнейшее изложение самого Ливия. Ни у Аппиана, ни у Полибия нет ничего, хотя бы отдалённо напоминающего этот эпизод.

Второе посольство царя, спешно отправленное им в Рим, передало его удивление появлением римских войск на Балканах⁵¹² и обещало дать любое удовлетворение, если войска уведут (Liv. XLII.35). Персей напоминал сенату, что является «другом римского народа», и просил, если к нему есть упрёки, решить их во взаимной беседе (App. Mac. XI.4). Но послов с грубым ответом выслали из Италии (Liv. XLII.36). Все римские посольства, объезжающие Элладу и призывающие греков к войне с царём, получили от него письма с вопросом, зачем легионы появились в Греции (Liv. XLII.37.5–6), но ответа он не дождался. Ему следовало перехватить инициативу и повести наступательную войну, но он медлил, явно боясь её и «желая компромисса»⁵¹³, который был невозможен. Мнение о том, что Персей был готов на любые уступки, потому что оказался в изоляции⁵¹⁴, неубедительно: он шёл на них ещё до того, как стало известно, что его почти никто не поддержит.

Римский посол Марций подал царю «ложную надежду на мир» (Liv. XLII.47.1) и заключил перемирие. Антигонид до конца верил в возможность мирного исхода, но Рим лишь выигрывал время⁵¹⁵. И хотя некоторые сенаторы, приверженные отмирающей римской честности, осуждали авторов обмана, это не мешало тем похвалиться своей «находчивостью» (Liv. XLII.47). В нарушение перемирия римляне заняли часть Фессалии (ibid.) и Халкиду (Polyb. XXVII.2.11). Римский посол Лентул, используя беотийские отряды, осадил беотийский же город Галиарт, верный Персею. Царь же, «ослеплённый пустой надеждой на мир» (Liv. XLII.43.3), отказал в гарнизонах союзным городам Беотии (Polyb. XXVII.5), и им пришлось присоединиться к Риму. Жители трёх городов, оставшихся верными Персею, были проданы в рабство (Liv. XLIII.4).

Царь отправил послов на Родос, заранее прося посредничества, если римляне, вопреки договору, нападут на него (Polyb. XXVII.4.4–5). Это свидетельствует о том, что войны он явно не хотел и боялся её: ещё до начала военных действий Персей искал посредников, способных погасить конфликт и умиротворить римлян. Позже он искал посредничества Антиоха, Вифинии, Пергама, Египта (Polyb. XXIII.1).

Посольство в Рим, ради которого Персей пошёл на перемирие, легко отвело от него все обвинения. Царь изгнал Абруполиса за набеги на Македонию, он сам сообщил об этом сенату, и тогда сенаторы сочли его действия справедливыми, как не порицали они его и за союз с Этолией (App. Mac. XI.6–7). «Царь ни в чём не виноват и готов ответить на любое обвинение» (App. Mac. XI.8). Сенату нечего было возразить на эти справедливые слова, и он... велел послам немедленно покинуть город – «у римлян давно решено было воевать» (Polyb. XXVII.6.3; Liv. XLII.48; App. Mac. XI.9).

С началом боевых действий Персей решил затянуть войну. После первого же выигранного им сражения, отказавшись от возможности добить деморализованного врага, велел отступать (Liv. XLII.59). А.С. Шофман полагает, что царь не стал развивать наступление, поскольку не доверял своим наёмникам и «боялся их измены»⁵¹⁶. Скорее пассивность Персея объясняется тем, что он до конца верил в возможность примирения и боялся собственных военных успехов, которые, как он полагал, могли вызвать большую жесткость римлян по отношению к нему.

⁵¹² Если бы Персей действительно заявил об отмене договора с Римом и выслали римских послов, он не стал бы этому удивляться!

⁵¹³ Meloni P. Opus cit. P. 185.

⁵¹⁴ Шофман А. С. Указ. соч. С. 254.

⁵¹⁵ Нисе Б. Указ. соч. С. 187; Briscoe J.Q. Marcus Philippus and Nova Sapientia // JRS. 1964. Vol. LIV. P. 68.

⁵¹⁶ Шофман А.С. Указ. соч. С. 257.

Царь вновь и вновь просит мира, обещая дать ту же контрибуцию, что и отец, очистить те же территории. Римляне, твёрдо решив довести войну до логического конца, требовали только одного – капитуляции. Персей делал всё, чтобы получить мир, но жертвовать своей самостоятельностью не хотел⁵¹⁷. От отчаяния он несколько раз даже пытался подкупить консула (Polyb. XXVII.8.13). Персею удалось затянуть войну, придать ей позиционный характер, он даже сумел вовлечь в неё Гентия, но римляне быстро разгромили иллирийцев.

Однако справиться с самим Персеем долго не могли. Как утверждает Веллей Патеркул, военные успехи царя даже повлияли на Родос и Пергама: родосцы «заколебались в своей верности» Риму, а Эвмен занял в этой войне «промежуточную позицию» (I.IX.2). Автор явно преувеличивает влияние незначительных побед Персея, но, несомненно, они стали позором для Рима. В 168 г. до н. э. для окончания войны, подрывающей престиж державы, был послан один из лучших полководцев Республики – Эмилий Павел. Жёсткими мерами восстановив дисциплину в разложившейся армии, он двинулся на Персея. Перед решающим сражением царь отказался воспользоваться помощью 20 тысяч наёмных бастарнов, не сойдясь с ними в цене. Скупость Персея, проявленная в столь критический момент, имела роковые последствия для Македонии. В битве при Пидне македоняне потерпели сокрушительное поражение. Царь, упав духом и утратив самообладание, бежал с поля боя в самом начале сражения (Polyb. XXIX.17). Конец войны означал конец македонского государства.

Сенат добился поставленной цели. Была устранена последняя реальная сила, которая могла стать центром притяжения всех антиримских элементов на Востоке, более ничто не могло помешать установлению римской гегемонии в рамках всего Средиземноморья. Важность свершившегося прекрасно понимали и современники. Неслучайно Полибий считал падение Македонии тем рубежом, после которого мир попал под власть Рима (Polyb. I. 1.5, 10; III. 4. 2–3).

Вернёмся к проблеме вины сторон. *Первая версия:* вина за развязывание войны лежит на Персее. Версия совершенно необоснованная и опровергается данными источников. Запущенная анналистами, она должна была подкрепить главный тезис официальной римской пропаганды: Рим не ведёт иных войн, кроме справедливых. *Версия вторая:* в войне виноваты римляне, но Персей своими непродуманными действиями позволил им найти повод к ней. Отметим, что при желании, а у римлян оно присутствовало, найти повод к войне можно всегда. Ни один конкретный поступок царя не давал законных оснований к войне против него. Но его действия – в совокупности – делали Македонию сильнее. Если смотреть на события глазами римлян, то именно в этом и заключалась его главная вина перед ними. Македония в любом случае была обречена, единственное, в чём здесь можно упрекнуть царя, – он всего лишь несколько ускорил развязку, активно укрепляя своё царство. Но мы не должны судить с римских позиций, поэтому не можем поставить в вину царю то, что он был хорошим правителем. *Версия третья:* ответственность за войну лежит на римлянах. Думается, что она и является единственно возможной. Следует добавить, что при разумной внутренней политике Персей в решительный момент полностью провалился во внешней. Он не понял главного принципа: в критических ситуациях внешняя политика не терпит полумер и бездействия. Сама неспособность царя понять это, страх, парализовавший его, лучше всего доказывают: он никогда не предполагал вести наступательную войну против Рима, морально был не готов к ней.

После разгрома Македонии сенат произвёл на Балканах переустройство, отвечающее интересам Рима. Ахейская война поставила точку в покорении Греции. Вплоть до Митрида-товых войн Балканы не играли никакой роли в римской политике.

Восточная политика Рима взяла паузу, т. к. поставленные задачи были решены. Селевкиды выпали из большой политики, зависимые Лагиды самостоятельной внешней политики не

⁵¹⁷ *Низе Б.* Указ. соч. С. 187; *Rostovtzeff M.* A History... V. 2. P. 77.

имели, в Малой Азии сенат осуществлял «вялый арбитраж». Главной причиной успехов Митридата стало именно недостаточное внимание сената к Малой Азии и вовлечённость римлян в свои внутренние проблемы, иначе он просто не смог бы подняться и его задавили бы сразу же. Митридатовы войны изучены достаточно хорошо, после работ Сапрыкина и Молева добавить что-то новое сложно, поэтому мы ограничимся лишь некоторыми наиболее спорными вопросами (см. 5-ю главу). Войны с Митридатом укрепили римское господство в Малой Азии, дали новые провинции на этом полуострове и позволили Риму серьёзно продвинуться на Восток и привели к контактам с Арменией и Парфией.

Дальнейшее развитие восточной политики Рима связано с тремя именами: Помпей, Цезарь, Антоний. Победа Октавиана в 30 г. до н. э. чрезвычайно важный рубеж: присоединение Египта завершило создание восточных границ римской державы, которые впредь почти не изменялись. Конец эллинизма совпал с концом республики и по сути – с концом восточной политики Рима. Мирное урегулирование отношений с Парфией стало одним из крупнейших достижений Августа. Впредь восточная граница – это просто войны, дипломатические усилия и политические успехи Рима здесь далее были малозаметны или кратковременны.

Подведём итоги. Агрессия Рима на Восток отнюдь не была вынужденной, однако она не была и планомерно продуманной. На каждом конкретном этапе сенат ставил перед собой конкретную задачу. Сам ход событий подсказывал последовательность действий. Сенат чутко улавливал требования политического момента. Только гибкая политика, какой Рим придерживался на первых порах, могла принести успех. На Востоке Рим появился как союзник многих государств. Это и определяло его политику: приходилось лавировать, рядиться в одежды защитника того или иного государства, эллинов в целом.

Ни о каком завоевании Балкан в период 200–168 гг. до н. э. не может быть речи, Рим стремился не к захватам, а к гегемонии. Посему нам кажется неоправданной теория В. Дюрюи, что римляне не знали, что делать с завоёванными странами⁵¹⁸. Дело было в отсутствии установки на аннексию. Опасность Филиппа и Персея для Рима, безусловно, преувеличена. Объясняется это обаянием и даже невоспринимаемым влиянием римской историографии, которая может быть тенденциозной не только в освещении фактов, но и в самом построении и подборке их. На самом деле, Македония угрожала не самому Риму, а его господству на Балканах, а Филипп никогда не планировал вторжения в Италию.

После 146 г. до н. э. Греция фактически стала римской провинцией⁵¹⁹. Эллада, однако, отнюдь не легко примирилась с римским владычеством, которое якобы «было благом»⁵²⁰. В.И. Перова утверждает, что объединительные тенденции во время римской экспансии продолжали существовать⁵²¹. Под ними она понимает процессы консолидации Ахайи и других союзов, но это региональная консолидация, не более. Идея политического единства была чужда политическому партикуляризму греков⁵²². Сама Греция не могла выйти из тупика. Разумеется, она пала не вследствие «истощения моральных и материальных сил»⁵²³. Без вмешательства Рима она могла бы существовать и далее, но её существование имело смутные перспективы.

Расширение ойкумены в эпоху эллинизма отодвинуло кризис греческого общества, но устранить его не могло. На обломках старых государств подымались новые. Можно согласиться с Ф. Энгельсом: происходило лишь перемещение центра, весь процесс повторялся на более

⁵¹⁸ Цит. по: Историография античной истории / Ред. В.И. Кузищин. М., 1980. С. 115.

⁵¹⁹ Подробнее см.: *Ранович А.Б.* Восточные провинции Римской империи в I–II вв. М.—Л., 1949.

⁵²⁰ *Филлей Г.* Указ. соч. С. 18.

⁵²¹ *Перова В.И.* Социально-политическая борьба в Греции в период экспансии Рима (210–146 гг. до н. э.). Дис... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 160.

⁵²² См.: *Кареев Н.И.* Введение в курс истории Древнего мира. СПб., 1886. С. 27.

⁵²³ *Соловьёв С.М.* Наблюдения над исторической жизнью народов // Сочинения. СПб., 1882. С. 407.

высоком уровне⁵²⁴. Поэтому объединение всего Средиземноморья под властью Рима – это и есть самый высокий уровень...

Трудно поверить, что политическая жизнь Греции умерла «естественным образом», а завоевание «лишь сократило время политической агонии»⁵²⁵. Греки активно участвовали в восточной политике. С появлением римлян эта активность даже возросла, и не умерла сама – её убил Рим, его вмешательство лишило греков возможности самостоятельно определять свою судьбу. Само завоевание, кровавое и жестокое, не могло быть благом для греков, но в исторической перспективе оно явило свою положительную сторону. Эллинистическая культура, воспринятая и трансформированная Римом, стала основой грядущей европейской. В этом смысле поглощение эллинистического Востока Римом выглядит предпочтительнее, чем захват его Парфией. Последняя ориентировалась на возрождение паниранских традиций, между тем как Рим стал преемником традиций эллинизма⁵²⁶.

С началом проникновения Рима на восток от Италии первой задачей было ослабить сильных противников, опираясь на союзников. Первый этап (229–200 гг. до н. э.) – проникновение с использованием протектората. Задача – не «сохранение статус-кво»⁵²⁷, как полагал М.А. Машкин, а изменение его в свою пользу. Второй этап (200–171 гг. до н. э.) – борьба за гегемонию в Восточном Средиземноморье. Уже не столько ослабление, сколько политическое подчинение сильных, метод – война и арбитраж. III Македонская война стала коротким переходным периодом – гегемония сменилась абсолютным доминированием (168–146 гг. до н. э.). Гегемон (ведущий) стал доминантом (подавляющим), но ещё не господином в полном смысле слова – не владельцем. Затем, когда серьёзные противники были уничтожены или поставлены в совершенно ничтожное положение, сенат стал устранять союзников. После разгрома Ахейского союза и образования провинции Македония (146 г. до н. э.) наступил период полного господства. Римляне стали юридическими и фактическими владельцами, хозяевами Балкан. Не только грубая сила, но и неспешность, последовательность, гибкость, умение использовать обстоятельства в конечном счёте и сделали римлян господами Греции. А затем – и всего Средиземноморья.

Мы не случайно так подробно остановились на балканских событиях – именно они долго были определяющими в восточной политике Республики, влияя на все акции сената (как раньше – отношения с Карфагеном). Всё остальное следует рассматривать в увязке с Балканами. Поэтому по общей периодизации проникновения Рима в Восточное Средиземноморье мы выделяем три больших территориально-хронологических этапа:

1. Балканский период (229–146 гг. до н. э.). Только окончательно решив «балканский вопрос», Рим смог полностью развязать себе руки для последующих действий.

2. Главное направление – Малая Азия и территории к востоку от неё (146–27 гг. до н. э.): «укрощение малоазийских династов», в этом же русле – «усмирение» Митридата и вынужденный для Рима выход на контакты с Арменией и Парфией. А также традиционно продолжающаяся для сената политика по всемерному ослаблению ставшего уже не опасным селевкидского царства, вплоть до его исчезновения с политической карты. Тупиковые отношения с Парфией на время были разрешены Августом. В период империи последовало дальнейшее их развитие.

3. «Египетский период»: 273–30 гг. до н. э. Его специфика, заключающаяся в официально дружеских отношениях с Птолемеями, их длительной непрерывности и периодических «затуханиях», явного римского доминирования и временных ухудшений отношений. Наконец, важны особый статус Египта как опекаемой страны и та особая роль, которую сыграли

⁵²⁴ *Энгельс Ф.* Материалы к Анти-Дюрингу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 643.

⁵²⁵ *Тюменев А.И.* Очерки экономической и социальной истории Древней Греции. Т. 3. Пг., 1922. С. 182–183.

⁵²⁶ *Фролов Э.Д.* История эллинизма в биографиях его творцов // Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 12.

⁵²⁷ *Машкин М.А.* История Древнего Рима. 2-е изд. М., 1950. С. 196.

в римско-египетских отношениях Цезарь и Антоний. Всё это вынуждает ломать стройную схему хронологической последовательности периодизации и выделить отдельный «параллельный период».

В целом получается территориально-проблемная периодизация, хронологические рамки позволяют придать ей большую завершённость и логическую стройность.

Без успешного решения «балканского вопроса» было бы невозможно перейти к покорению Малой Азии и Сирии, а также к завершению очень протяжённого во времени «египетского вопроса».

Глава II

Методы римской дипломатии: сенат против Македонии, Пергама, Селевкидского царства

Впечатляющие успехи римской внешней политики во многом объясняются искусной дипломатией сената. Римляне умело моделировали то, что лучше всего определить как «**двойная дипломатия**», т. е. это такие действия, когда противника ставили в такую ситуацию, что любое его действие или даже бездействие шло на пользу Риму и только Риму. Кроме того, сенат был непревзойдён в умении использовать союзников и их силы в своих интересах. При этом часто использовались различные действия, которые с некоторой натяжкой можно назвать недипломатическим словом «махинации». *Maîinatio* в переводе означает не просто «обман», а явно направленный на получение каких-то односторонних выгод и преимуществ. Именно в этом плане мы и рассмотрим некоторые конкретные проявления римской дипломатии.

Посольства, разосланные сенатом по Греции после окончания I Иллирийской войны – это самый первый пример римских тщательно продуманных мер в новом для Рима политическом регионе к востоку от Италии: они должны были замаскировать истинные цели появления римлян на Балканах и завоевать симпатии греков. Нужно признать, что это удалось сделать. Следующая блестяще проведённая акция римского правительства – это римско-этолийский союз во время I Македонской войны. Совсем недавно закончилась война Этолии с Македонией, по сути выигранная Филиппом. Сенат хорошо изучил ситуацию на Балканах и очень грамотно сыграл на том, что этолийцы жаждали реванша. Прибыв на специально назначенное собрание Этолийского союза, консул Валерий Левин в речи, представляющей собой блестящий образец политического красноречия, склонял этолийцев к войне против Филиппа (см.: *Liv. XXVI.24*). Он обещал союзу всяческие блага, в частности – вернуть ему утраченную Акарнанию. Стратеги вслед за ним говорили о могуществе Рима и сумели убедить народ в необходимости новой войны. Обычно малоэмоциональный Ливий в данном случае не без язвительного ехидства заявляет: «Больше всего действовала надежда завладеть Акарнанией» (*ibid.*). В результате был заключён первый римский союзный договор на Балканах.

Дата его заключения спорна, но имеет большое значение ещё и потому, что сама по себе она опровергает устойчивое мнение, будто именно римско-этолийский союз предотвратил высадку Филиппа в Италии. Договор относят к осени 212 г. до н. э.⁵²⁸ или к концу 211 г. до н. э.⁵²⁹ Однако имеющейся в нашем распоряжении информации достаточно, чтобы максимально уточнить время его заключения. 1. Упоминаемые Ливием вожди этолийцев – Доримах и Скопас. Доримах был стратегом 211/210 г. до н. э.⁵³⁰. Скопаса избрали стратегом на следующий 210 г. до н. э.⁵³¹ 2. Захват Капуи и Сиракуз, о чём говорил Левин, чтобы продемонстрировать силу Рима и вдохновить этолийцев на войну на его стороне, произошёл в 211 г. до н. э.⁵³².

⁵²⁸ *Huize B.* Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1908. С. 140; *Holleaux M.* Rome and Macedon: Philip against the romans // *CAH. Vol. VIII.* Cambridge, 1930. P. 124; *Flacerie R.* Les aitolien a Delphes. Paris, 1937. P. 298; *Klaffenbach G.* Der romische-aitolische Bundnisvertrag. Berlin, 1954. S. 4; *Griffith E.T.* An Early Motive of Roman Imperialism (201 B.C.) // *CHJ.* 1935. Vol. V. № 1. P. 7.

⁵²⁹ *Мищенко Ф.Г.* Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история. Т. 1. М., 1890. С. CXLVI.; *Жебелёв С.* Из истории Афин. 229—31 гг. до Р.Х. СПб., 1898. С. 79; *Нич К.* История Римской республики. М., 1908. С. 200; *Balsdon J.P.V.D.* Rome and Macedon, 205–200 B.C. // *JRS.* 1954. Vol. XLIV. P. 31; *Toynbee A.J.* Hellenism. London, 1959. P. 159; *Walbank F.W.* Polybius and Macedonia // *Ancient Macedonia.* Thessaloniki, 1971. P. 295; *Pajakowski W.* Illirowie. Poznan, 1981. S. 214.

⁵³⁰ *Walbank F.W.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. 2. Oxford, 1967. P. 301.

⁵³¹ *Errington R.M.* The dawn of Empire. Rome's Rise to World Power. Ithaca; New York, 1973. P. 114.

⁵³² *Errington R.M.* The dawn of Empire. Rome's Rise to World Power. Ithaca; New York, 1973. P. 114.

Притом консул упоминает о захвате этих городов как о факте, хорошо известном и, очевидно, случившемся не только что.

Следовательно, договор никак не мог быть заключён в 212 г. до н. э. Наиболее вероятная дата – самый конец 211 г. до н. э., или даже, что менее вероятно, начало 210 г. до н. э. Сразу же после его заключения Этолия не могла *немедленно* начать войну – к ней следовало подготовиться и собрать силы. В любом случае этолийцы начали сражаться против Филиппа никак не раньше 210 г. до н. э.

Этолийцы начали войну, а Рим обещал помогать на море силами не менее 25 пентер (Liv. XXVI.24). Завоёванные земли отходили Этолии, добыча и рабы – Риму, союзники обязались не заключать сепаратного мира. Договор основан на хищнических стремлениях⁵³³ союзников и позорен для обеих сторон⁵³⁴ – с такой жёсткой оценкой трудно спорить. Римляне стремились сохранить позиции на Балканах, к территориальным захватам они пока не склонялись⁵³⁵. Сенат хотел ослабить Филиппа⁵³⁶ или по крайней мере – отвлечь его от своих владений в Иллирии. Рим не отказывался от мысли о господстве на Востоке, но сейчас он был слишком занят Ганнибалом⁵³⁷. Договор с Этолией – крупная дипломатическая победа Рима, позволившая ему почти устранившись из войны с Филиппом. Половину флота из Иллирии римляне вообще увели, вся тяжесть войны легла на Этолию. В умении использовать чужую кровь, даже не дорогих наёмников, а бесплатных союзников, Рим не знал равных. В этом одна из причин быстрого роста его могущества.

Подстрекаемые Римом и вдохновлённые примером Этолии, против Македонии выступили элейцы, мессенцы, спартиаты, дарданы. Вместо того чтобы закрепиться в Иллирии, Филиппу пришлось со всех сторон отражать врагов. За него сражались ахейцы, беотийцы, фессалийцы, эпироты, акарнийцы, эвбейцы и локры⁵³⁸, но его положение оставалось сложным. Война приняла почти общегреческий характер. После вступления в войну Аттала римско-пергамский флот господствовал на море.

Однако Этолия с трудом несла бремя войны, римляне передали ей несколько городов, предварительно ограбленных дочиста, но не оказали никакой реальной помощи. Они поголовно продали в рабство жителей Акраганта (Liv. XXVI.40), Антикиры (Liv. XXVI.26; Polyb. IX.39.3), Дималы (Liv. XXVII.22), разграбили и поработили Эгину (Polyb. IX.42.5–8), опустошили всю местность между Сикионом и Коринфом (Liv. XXVII.31). Такая жестокость сделала войну непопулярной среди греков⁵³⁹. Этолийцы, несомненно, почувствовали, что их престиж борцов против македонского гнёта неуклонно падает, да и сражаться против Филиппа практически в одиночку было слишком трудно.

Уже в 209 г. до н. э. Этолия начала сепаратные переговоры с Филиппом. Римский представитель в этолийском правительстве проконсул Сульпиций пытался сорвать их, но потерпел неудачу. Тогда он спешно известил сенат о ходе переговоров, добавив: в интересах Рима, чтобы этолийцы продолжали воевать с Филиппом (App. Mac. III.1). Для сената это и так было очевидным, он прислал этолийцам военную помощь, но вскоре отозвал её. Этолийцы склонялись к миру. На очередном союзном собрании Филиппа и вождей упрекали в том, что они своими распрями толкают Элладу в рабство. Сульпиций пытался возражать, но его не стали даже слушать (ibid.), это весьма существенный факт: очевидно, общественное мнение этолийцев уже явно было направлено против римлян.

⁵³³ Василевский В.Г. Политическая реформа и социальное движение в Греции в период её упадка. СПб., 1869. С. 326.

⁵³⁴ Holleaux M. Rome and Macedon. P. 125

⁵³⁵ Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950. С. 255.

⁵³⁶ Кудрявцев О.В. Эллинистические провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. М., 1954. С. 45.

⁵³⁷ Жебелёв С. Из истории Афин. С. 96.

⁵³⁸ См.: Петер К. Хронологические таблицы греческой истории. М., 1893. С. 159.

⁵³⁹ Ранович А.Б. Указ. соч. С. 256.

В 208 г. до н. э. Аттал вынужден был увести свои войска из Греции для защиты Пергама от вторгшихся вифинцев⁵⁴⁰. В 207 г. до н. э. римляне напрягли все силы, чтобы не дать Гасдрубалу соединиться с братом в Италии. Из Греции увели даже весь флот. Предоставленным самим себе этолийцам пришлось возобновить переговоры с царём. Посредники с Родоса убеждали стороны не ослаблять страну, готовя ей порабощение и гибель (Polyb. XI.5). Осенью 206 г. до н. э., вопреки условиям договора с Римом, Этолия заключила сепаратный мир с Филиппом, потеряв почти треть своей территории. Попытка римлян весной 205 г. до н. э. побудить этолийцев возобновить войну полностью провалилась.

Следующий коварный ход римской дипломатии – это введение в заблуждение этолийцев во время II Македонской войны: им просто не сообщили, что договор 211 г. до н. э., дающий им право на захваченные территории, больше не существует (см. 1-ю главу). Крайнее негодование обманутых позже привело их к войне против своих недавних союзников-римлян.

Само «освобождение» Греции, торжественно провозглашённое Римом в 196 г. до н. э., было проведено таким образом, что эллины далеко не сразу поняли, что они просто поменяли над собой одного гегемона на другого (см. 5-ю главу).

Затем отдельного разбора требует тонкая интрига, проведённая сенатом с Деметрием, сыном Филиппа V, которая показывает, что римляне ради достижения своих целей были готовы на всё, даже на поступки, совершенно несовместимые с традиционной квиритской честностью.

После Сирийской войны сенат взял курс на подавление Македонии. Используя как предлог резню, устроенную Филиппом в Маронее, ранее просившей сенат о свободе от власти Македонии, римские послы упрекали царя во враждебности к Риму (см.: Polyb. XXII.18.6). Угроза новой войны стала слишком очевидной, боясь её и не желая обострять отношения с сенатом, Филипп поставил во главе посольства в Рим своего младшего сына Деметрия. Царевич несколько лет провёл в Риме заложником, имел там знакомства и связи, Антигонид надеялся, что он сумеет смягчить гнев сената.

Деметрий зачитал в курии письмо отца, в котором по каждому пункту обвинений было чётко отмечено, что уже сделано и что будет сделано, хотя решение сената и несправедливо. Последнее замечание было добавлено ко многим пунктам (App. Mac. IX.6). Царь тщетно пытался апеллировать к совести сената, но заявлял о готовности подчиниться даже явно несправедливому решению. Сохраняя возможное достоинство, он старался не доводить до разрыва.

Сенат объявил, что прощает царя только ради сына (ibid.), уже одно это было сильнейшим унижением для гордого и самолюбивого Филиппа. Царевича окружили вниманием, намекая, что будущим царём Македонии хотят видеть именно его. Фламинин приглашал Деметрия на «тайные совещания», убеждая, что ему помогут стать царём (Polyb. XXXII.3.8). Антиримские настроения законного наследника престола Персея, старшего сына царя, сенату были хорошо известны, поэтому он не устраивал римское правительство в качестве будущего правителя Македонии⁵⁴¹. Управлять Деметрием было бы намного легче. Роль Фламинина в этой интриге весьма неприглядна⁵⁴², но это была не его частная инициатива, а политика сената⁵⁴³, действующего исключительно из соображений политической выгоды⁵⁴⁴. Посадив на трон слабого и тщеславного царевича, сенат получил бы покорную Македонию⁵⁴⁵.

⁵⁴⁰ Hansen E. V. The Attalids of Pergamon. 2nd ed. Ithaca; New York, 1971. P. 48–49; Allen R. E. The Attalid Kingdom. Oxford, 1983. P. 69.

⁵⁴¹ Meloni P. Perseo e la fine della monarchia macedone. Rome, 1953. P. 43; Errington R. M. The dawn of Empire. P. 202.

⁵⁴² См.: Edson C. F. Perseus and Demetrius // HSCP. 1935. Vol. XLVI. P. 200; Briscoe J. Flamininus and Roman Politics, 200–189 B.C. // Latomus. 1972. T. XXXI. Fasc. 1. P. 25.

⁵⁴³ См.: Edson C. F. Opus cit. P. 193–194, 198, 200.

⁵⁴⁴ Walbank F. W. Philip V of Macedon. Cambridge, 1940. P. 239.

Поведение Деметрия было «очень близко к измене»⁵⁴⁶. Действительно, он ничего не сообщал отцу о предложении сената – и в этом действительно виноват, но нет никаких оснований утверждать, что царевич «возглавил проримскую группировку»⁵⁴⁷ в Македонии. Само наличие подобной группировки в Македонии представляется совершенно невероятным, учитывая две предыдущие войны и тот факт, что Рим лишил македонян власти над Грецией. Разумеется, друзья Деметрия и его личная свита предпочли бы видеть царём его, а не Персея, но это не даёт ни малейших оснований считать их «проримской группировкой». Нет и никаких сведений в источниках, что они злоумышляли против самого Персея.

Тем более невозможно согласиться с мнением Д. Боудер, что Деметрий «проводил проримскую политику вопреки империалистическим тенденциям отца и брата»⁵⁴⁸. Нам вообще ничего не известно о каких бы то ни было политических действиях царевича в пользу Рима. Персей перед лицом отца лживо обвинял своего младшего брата в том, что он замышлял убить законного наследника и самому занять его место. Ливий утверждает, что Деметрий, встревоженный клеветой Персея и видя недоброжелательность отца, даже замышлял бегство в Рим (Liv. XL.23.2), хотя в это сложно поверить.

Закончилось всё трагически: Персей предъявил отцу фальшивые письма, якобы подтверждавшие измену Деметрия, и Филипп велел убить своего младшего сына (Liv. XL.24), ставшего жертвой римских интриг. Ливий пишет о раскаянии царя, слишком поздно понявшего, что его обманули. Трагедия царя и горе отца привели к тому, что вскоре Филипп умер «сломленным стариком»⁵⁴⁹, в возрасте всего лишь 59 лет.

Следующий по хронологии дипломатический успех римлян – это переговоры Марция с Персеем накануне III Македонской войны (см. 1-ю главу), когда царю успешно внушили, что Рим не будет воевать против него.

И наконец, одна из самых блестяще проведённых дипломатических акций сената – присоединение Пергама. Пергамский царь Аттал III Филометор Эвергет, умерший весной 133 г. до н. э., завещал своё царство Риму. По проблеме этого завещания существует обширная историография. Подробное изложение фактической стороны дела и анализ проблемы (с которым мы далеко не всегда можем согласиться) дал Э. Грюен⁵⁵⁰. Главные и наиболее дискуссионные вопросы: *почему* и, собственно говоря, *что именно* завещал Аттал Риму? Плюс к этому: *причины* его столь ранней и довольно странной смерти – последний аспект проблемы в историографии практически не затронут. Сообщения источников очень скудны, поэтому в исследованиях и нет единого мнения по этим вопросам.

Страбон (XIII.4.2) передаёт содержание завещания самыми общими словами. Упоминает его Плиний Старший (NH. XXXIII.148). Тит Ливий (Per. 58) – царь, умирая, оставил своё наследство римскому народу. Плутарх (Tib. Gracch. 14.1) и Юстин (XXXVI. 4.5) говорят практически одинаковыми словами: «в завещании назначил своим наследником римский народ». Более конкретен Веллей Патеркул (II.IV.1): «Аттал умер, завещав царство Риму». Запутывает ситуацию сообщение Флора: римский народ – наследник всего царского имущества (XXXV. II.20.2), близка версия Сенеки (Controv. II). Ни один источник не раскрывает мотивов его завещания⁵⁵¹.

⁵⁴⁵ Gast J. The history of Greece. Vol. 2. Basil, 1747. P. 170.

⁵⁴⁶ См.: Edson C.F. Opus cit. P. 194, 198, 200–201.

⁵⁴⁷ Шуфман А.С. История античной Македонии. Т. 2. Казань, 1963. С. 247.

⁵⁴⁸ Bowder D. Outline History 776—30 B.C. // Who was Who in the Greek World / Ed. by D.Bowder. Ithaca; New York, 1982. P. 157.

⁵⁴⁹ Swain J.W. The Ancient World. Vol. 2. The World Empires: Alexander and the Romans after 334 B.C. New York, 1950. P. 163.

⁵⁵⁰ Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. II. Berkeley; Los Angeles; London, 1984. P. 592–608.

⁵⁵¹ Sherwin-White A.N. Roman foreign policy in the East. 168 B.C. to A.D. 1. Duckworth, 1984. P. 80.

Предварительная проблема – а было ли само завещание, или его сфальсифицировали римляне? Саллюстий пишет: Митридат VI Евпатор обвинял римлян в том, что они подменили завещание, чтобы завладеть Пергамом (Hist. 4.69.9). Очевидно, в устах Митридата, если он и говорил так, эти слова были скорее средством ведения пропагандистской войны против Рима, нежели констатацией реального факта. Правда, А.И. Немировский пишет о неясности: сам Аттал завещал своё царство, или завещание было подделано⁵⁵²? Г.Е. Кавтария категорически говорит о «ложности завещания»⁵⁵³. Г. Штоль утверждал, что завещание было сфабриковано римлянами⁵⁵⁴, однако у нас нет достаточных оснований согласиться с ними.

Эпиграфические источники дают чёткую конкретную информацию, которую нельзя толковать двояко. Декрет народного собрания из города Пергама, принятый в 133 г до н. э., однозначно подтверждает факт существования текста завещания: «утвердить завещание у римлян» (OGIS. 338 = IGRR. IV.289). Сам декрет был принят ещё до появления здесь римских войск, и его невозможно объяснить давлением Рима. О том же свидетельствует *Senatus consultum* июля 133 до н. э.⁵⁵⁵ Римские авторы, при всей их тенденциозности, не стали бы выдумывать завещание, с фактической стороны они обращались достаточно корректно. Можно согласиться с П. Сэндсом, что подлинность завещания не вызывает сомнений⁵⁵⁶, это бесспорный факт⁵⁵⁷. Таким образом, предварительно проблему можно считать решённой и закрытой.

Завещание действительно существовало, в чём не сомневался и сам Митридат, оспаривавший лишь его подлинность. Своим наследником Аттал назначил Римское государство – это всё бесспорно.

Более сложный вопрос: что именно завещал Аттал Риму: только царскую казну, вместе с царскими землями, или всё-таки – всё царство? В своей монографии О.Ю. Климов соглашается с К.М. Колобовой, Э. Хансеном и А.Н. Шервин-Уайт, что Риму были завещаны лишь царские владения, а города остались свободными⁵⁵⁸. Э. Грюен полагает, что завещание фактически настаивало на свободе города Пергама⁵⁵⁹. В доказательство обычно приводятся слова из пергамского декрета 133 г. до н. э.: царь «оставил отечество наше свободным» (OGIS. 338, с. 5). Однако далее О.Ю. Климов уточняет, что, возможно, эта свобода означала всего лишь освобождение от контроля центральной власти и налогов, а во время восстания Аристоники города не поддерживали его, видимо, опасаясь лишиться предоставленных им по завещанию льгот⁵⁶⁰.

Так о чём же шла речь в завещании: о свободе или всего лишь о льготах? На наш взгляд, чтобы найти ответ на вопрос, надо посмотреть на него с трёх разных сторон. Взгляд первый – **терминологический**. В декретах эллинистических правителей термин «элефтерия»/свобода, в общем, никогда не означал политической независимости, а всегда был конкретен – как освобождение от налогов, постоя или набора войск, как внутренняя автономия и т. п.

Взгляд второй – **дипломатический**: чем была свобода в дипломатической практике эллинистического мира? Термин этот использовался для успокоения и привлечения на свою

⁵⁵² См.: Малые римские историки. В. Патеркул. Римская история; Ф. Флор. Две книги римских войн; Луций Амеллий. Памятная книжица. М., 1996. С. 319. Прим. 16.

⁵⁵³ Кавтария Г.Е. Тиберий Грах и Блоссий Куманский // Известия АН ГССР. Серия «Истории, археологии, этнографии и истории искусства». Тбилиси. 1988. № 1. С. 139.

⁵⁵⁴ Штоль Г. Боги и гиганты. М., 1971. С. 121.

⁵⁵⁵ Датировка не вызывает сомнений. См.: Vogt J. Pergamon und Aristinicos // Atti del terzo congresso internazionale d'epigraphia greca e latina. Roma, 1959. S. 45; Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. Munchen, 1977. S.133. Текст завещания прибыл в Рим в начале лета 133 г. до н. э. – см.: Toynbee A. Hannibal's legacy. Vol. 2. London, 1965. P. 54, Note 3.

⁵⁵⁶ См.: Sands P.C. The client princes of the Roman Empire. Under the Republic. Cambridge, 1908. P. 146.

⁵⁵⁷ Broughton T.R.S. Roman Asia Minor // An Economic Survey of Ancient Rome. Vol. IV. Africa, Syria, Greece, Asia Minor. Baltimore, 1938. P. 505; Ferguson J. Utopias of the classical world. London, 1975. P. 141.

⁵⁵⁸ Климов О.Ю. Царство Пергам: очерк социально-политической истории. Мурманск, 1998. С. 47.

⁵⁵⁹ Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. II. P. 594.

⁵⁶⁰ Климов О.Ю. Царство Пергам. С. 47.

сторону населения тех территорий, над которыми предполагалось установить свою власть⁵⁶¹. Именно в этом смысле диадохи обещали «свободу» для земель, которые они оспаривали друг у друга. Они не заявляли, что завоюют эту землю у противника – говорили, что они освободят её от врага. Антиох III обещал освободить Грецию от римского владычества, для того чтобы установить в ней своё собственное господство. Такое эллинистическое понимание свободы использовали в своих целях и римляне. Объявив об освобождении Греции в 196 г. до н. э., они прекрасно понимали, что освобожденная Эллада не будет избавлена от своих освободителей.

Взгляд третий – **юридический**. Речь идёт о завещании не частного лица, а царя. Частное лицо завещает нажитое личное имущество. Завещание царя – это не только правовой, но и *политический документ*, решающий не судьбу имущества, а судьбы государства.

На пересечении этих трёх взглядов неизбежно напрашивается вывод: Аттал, несомненно, завещал Риму всё царство. Действительно, передал его римскому народу⁵⁶². Так же должны были понимать это и римляне, исходя из их установки «провинции – это поместья римского народа». Как справедливо отмечено Д. Мэйджи, наследство включало не только личное богатство царя, но и его домен, а также города, которые были прямо подчинены монархии и сейчас стали подданными Рима⁵⁶³. Далее Д. Мэйджи пишет, что завещание не распространялось на храмовые земли и сам город Пергам⁵⁶⁴. Х. Ласт полагает: из текста завещания следует, что город Пергам должен был оставаться свободным⁵⁶⁵. Выше мы уже показали, что термин «свобода» в период эллинизма не имел реального наполнения. Воля царя должна была быть ратифицирована Римом⁵⁶⁶ – выполнение завещания зависело лишь от воли сената, и он мог поступать так, как считал нужным. Как отметил Д. Браунд, менее эллинизированные и более удалённые окраины Пергама сенат отдал его соседям, оставив себе то, что было легче защищать и лучше эксплуатировать⁵⁶⁷. В 129 г. до н. э. прекратило своё существование царство Пергам и на его месте появилась римская провинция Азия.

А свобода, как внутренняя автономия, была объявлена (вернее – обещана) в завещании городам с конкретной целью. Именно – для того чтобы успокоить их жителей и предотвратить возмущение пергамцев против самого завещания. Это можно рассматривать как отступное городам. Города действительно не выступили против Рима. Обещание свободы было тонко продумано, но едва ли самим Атталом. Скорее здесь чувствуется рука римского сената, поднаторевшего в использовании лозунга свободы в своих политических целях.

И наконец, самая главная проблема: **почему** царь пошёл на такой неординарный поступок, как завещание своего царства Риму?

В историографии можно выделить несколько позиций по этому вопросу. 1. Отечественная историография 1930–1980 гг. сводит всё к внутривосточному кризису. Рабовладельцы в условиях усиливающейся народной борьбы не могли сохранить своё классовое господство, и в лице Аттала пошли на предательство национальных интересов, отдав царство Риму, чтобы он задушил в нём надвигающуюся революцию⁵⁶⁸.

⁵⁶¹ См.: *Кащеев В.И.* Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н. э. М., 1993. С. 267–287.

⁵⁶² Именно так и было и во всех других завещаниях царей, принятых Римом.

⁵⁶³ *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor to the end of the third century after Christ. Vol. 1. Princeton, New Jersey, 1950. P. 32.

⁵⁶⁴ Op. cit. P. 33.

⁵⁶⁵ *Last H.* The wars of the age of Marius // *CAH*. Vol. IX. Cambridge, 1932. P. 102.

⁵⁶⁶ *Magie D.* Op. cit. P. 33.

⁵⁶⁷ *Braund D.* Rome and the Friendly King. The character of the client kingship. New York; London, 1984. P. 7. Речь идёт о территориальных дарах царям, участвовавшим в подавлении восстания Аристоники.

⁵⁶⁸ *Юлкина О.Н.* Пергамский декрет 133 г. до н. э. // ВДИ. 1947. № 2. С. 164; *Вейнберг В.П.* Образование провинции Азии. Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1954. С. 3, 7, 10; *Ковалёв С.И.* История Рима. 2-е изд. Л., 1986. С. 330–331; *Квезелеи-Копадзе Н.Н.* Восстание гелиополитов. Автореф. дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1955. С. 8–10; *Ильинская Л.С.* Римская экспансия в Малой Азии в конце республиканского периода (I в. до н. э.). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1966. С. 11–12, 16; *Ломоури Н.Ю.* Грузино-римские отношения. Ч. 1. Тбилиси, 1981. С. 32. К сожалению, такие устаревшие взгляды

Как это ни странно, в зарубежной историографии высказываются близкие мнения: мятежи эксплуатируемых масс и политический кризис⁵⁶⁹; возможно, цель завещания – предотвратить социальную революцию⁵⁷⁰. Сразу отметим, что источники не дают никаких оснований для таких выводов. Репрессии Аттала были направлены не против народа или рабов, а против представителей аристократии. В его действиях можно увидеть лишь попытки укрепить центральную власть или подавить придворную смуту, но никак не борьбу с революцией. Мнение о революционном кризисе в Пергаме представляется нам, мягко говоря, сильно преувеличенным. Предположение О.Н. Юлкиной, что народные выступления начались ещё в правлении Аттала⁵⁷¹, ничем не подкреплено, не подтверждается источниками и является абсолютно произвольным допущением. Текст декрета, на который она ссылается, «остаётся дискуссионным»⁵⁷², но при всех неясностях он не содержит никаких указаний на восстание. Все имеющиеся источники показывают, что восстание началось после смерти Аттала⁵⁷³.

А.Б. Ранович, сделав совершенно произвольное допущение, что такое массовое движение просто не могло обойтись без программы общественного переустройства, «логично» делает вывод: Аристоник мечтал построить государство, основанное на свободе, равенстве и на сильном влиянии утопического романа Ямбула⁵⁷⁴. До сих пор никем не доказано, что Аристоник читал этот роман или хотя бы даже знал о нём! Как убедительно показал О.Ю. Климов, восстание Аристоники своим побудительным мотивом имело отнюдь не социальные мотивы, а желание претендента утвердиться на пергамском троне⁵⁷⁵. Участие в нём свободной бедноты и рабов невозможно объяснить их невыносимой жизнью в правление Аттала. Единственно возможное объяснение заключается в умелой демагогической политике Аристоники. Как справедливо отметил И. Хопф, только после тяжёлого поражения при Кимах претендент в качестве крайней меры обратился к рабам и малоимущим⁵⁷⁶ – очевидно, именно и только для того, чтобы пополнить ими поредевшие ряды своего войска. Нельзя переносить острую ситуацию 133–130 гг. до н. э. на предыдущие годы, для этого у нас просто нет никаких оснований. Благодаря участию низов восстание, даже независимо от целей претендента, обрело социальную окраску. Устремления вождя и характер восстания не обязательно совпадают. Но это отнюдь не означает, что социальный вопрос остро стоял в Пергаме ещё до смерти Аттала. Считать выступление Аристоники «классовой войной»⁵⁷⁷ просто невозможно, сложно поверить и в приписываемое ему желание построить настоящий утопический «Город Солнца» в Пергаме.

Таким образом, данную позицию в историографии (передача царства Риму, чтобы подавить в Пергаме революцию), порождённую сугубо классовым подходом, следует признать ошибочной и исключить из дальнейшего обсуждения.

встречаются даже в новейшей литературе, например, см.: История Востока. Т. 1. Восток в древности / ред. В.А. Яковсон. М., 1997. С. 529; Всемирная история. Т. 4. Эллинистический период / Ред. А.Н. Бадак и др. Минск, 1997. С. 467.

⁵⁶⁹ Rostovtzeff M. SEHWW. Vol. 2. Oxford, 1941. P. 807; Great Events from History. Ancient and Medieval Series. Vol. 1. 4000—1 B.C. / Ed. by F.N. Magill. New Jersey, 1972. P. 487.

⁵⁷⁰ Stark F. Rome on the Euphrates. London, 1966. P. 36; Grant M. From Alexander to Cleopatra. The Hellenistic World. New York, 1982. P. 15, 70.

⁵⁷¹ Юлкина О.Н. Указ. соч. С. 166–168. Это же утверждение некритично повторено в «Истории Востока». Т. 1. С. 529.

⁵⁷² Drew-Bear T. Three Senatus Consulta concerning the Province of Asia // Historia. 1972. Bd. XXI. Hft. 1. P. 75.

⁵⁷³ Kim K.-H. On the Nature of Aristonicus's Movement // Forms of Control and subordination in Antiquity. Leiden, 1988. P. 159. Сравн.: Toynbee A. Op. cit. P. 602.

⁵⁷⁴ Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950. С. 342.

⁵⁷⁵ Климов О.Ю. К оценке характера восстания Аристоники в Пергаме // Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сб. научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 1998. С. 227–235; Он же. Царство Пергам. С. 48–52. О том же: Habicht C. The Seleucids and their rivals // CAH. Vol. VIII. Cambridge, 1989. P. 379.

⁵⁷⁶ Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. Munchen, 1977. S. 149.

⁵⁷⁷ Eddy S.K. The king is dead. Studies in the Near Eastern Resistance to Hellenism 334—31 B.C. Lincoln, 1961. P. 167; Stark F. Op. cit. P. 36; Ломоури Н.Ю. К истории Понтийского царства. Ч. 1. Тбилиси, 1979. С. 63.

2. Аттал был последним законным представителем царского рода, и у него просто не было наследников⁵⁷⁸. Поэтому он и завещал своё царство Риму. Однако все источники (Страбон, Ливий, Флор, Диодор, Юстин, Евтропий, Орозий), за исключением Плутарха (Flam. XXI) и Веллея Патеркула (II.IV.I)⁵⁷⁹ признают царское происхождение Аристоники. Как подчёркивают У. Вилькен и И. Хопп⁵⁸⁰, он действительно был единокровным братом Аттала, сыном царя Эвмена II, хотя и от наложницы.

В период эллинизма такое происхождение не являлось препятствием для восхождения на трон, чему можно привести множество примеров. Самый яркий – это царь Македонии Персей, рождённый наложницей Филиппа V. Аристократы и армия признали его законным наследником и никаких сомнений в легитимности его власти не высказали. Наконец, Аттал мог официально усыновить Аристонику, и сенат не стал бы возражать против этого, поскольку это соответствовало и римским обычаям⁵⁸¹.

Следовательно, эту версию как необоснованную также следует исключить из дальнейшего обсуждения проблемы.

3. Аттал не был расположен к своему наследнику, и из нелюбви к нему передал царство Риму⁵⁸². Утверждение совершенно бездоказательное, т. к. источники не содержат вообще никакой информации о взаимоотношениях братьев. Да и выглядит это объяснение слишком уж прямолинейным и упрощённым: в мировой истории вообще нет примеров передачи государства соседу из-за неприязни к собственному наследнику. Только нелюбовь к брату, даже если допустить её существование, не может объяснить завещания Аттала. Несомненно, здесь были задействованы другие, более существенные факторы.

Получается, что и третью позицию не стоит рассматривать всерьёз.

4. Четвёртый блок мнений – понимая, что Рим доминирует, полагая, что прямое римское правление будет полезнее для Пергама, и не желая противиться неизбежному⁵⁸³, Аттал хотел избавить свою страну от раздоров после своей смерти и от притязаний соседних царей⁵⁸⁴. Мотивы завещания объяснить сложно, но по характеру царь был психологически неустойчив, он видел происходящие в мире перемены и справедливо ожидал проблем и неприятностей для Пергама⁵⁸⁵.

Такой подход представляется вполне обоснованным, но он нуждается в развитии, т. к. выглядит неполным и несколько односторонним. Пергам процветал, и у пергамцев не было

⁵⁷⁸ Long G. The decline of the Roman Republic. Vol. 1. London, 1864. P. 190; Gilman A. Rome. From the earliest times to the end of the republic. London, 1885. P. 166; Marsh F.B. A History of the Roman world from 146 to 30 B.C. London, 1934. P. 41; Robinson C.E. A History of the Rome from 753 B.C. to A.D. 410. London, 1935. P. 97; Jonkers E.J. Social and economic commentary on Cicero's De imperio Cn. Pompei. Leiden, 1959. P. 1.

⁵⁷⁹ «Аристоник, выдумавший себе царское происхождение...»

⁵⁸⁰ Wilken U. Aristonikos // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 962–964; Hopp J. Op. cit. S. 122. Not. 8.

⁵⁸¹ Sherwin-White A.N. Op. cit. P. 80; Idem. Roman Involvement in Anatolia 167–88 B.C. // JRS. 1977. Vol. LXVII. 67.

⁵⁸² Burn A.R., Edwards J.M.B. Grece and Rome 750 B.C. – 565 A.D. Glenview, 1970. P. 106; Bowder D. Op. cit. P. 66.

⁵⁸³ Boak A.E.R. A history of Rome to 565 AD. New York, 1945. P. 138; Heuss A. Ronische Geschichte. Braunschweig, 1960. S. 116; Swiderek A. Hellada krolow. Warszawa, 1967. S. 363; Hansen E.V. The Attalids of Pergamon. 2nd ed. Ithaca, London, 1971. P. 148; Хафнер Г. Выдающиеся портреты Античности. 337 портретов в слове и образе. М., 1984. С. 78

⁵⁸⁴ Rostovtzeff M. Pergamum // САН. Vol. VIII. Cambridge, 1930. P. 618; Habicht C. Op. cit. P. 377; Magie D. Op. cit. P. 33. М. Ростовцев говорит о благостных для Пергама последствиях превращения его в римскую провинцию; Pergamum. P. 618; Idem. SEHRE. Oxford, 1926. P. 8. Ранее такой же тезис постулировал П.Уссинг (см.: Ussing P. Pergamos, seine Geschichte und Monumente. Berlin, 1899. S. 55–56). Однако положительные последствия для Пергама проявились далеко не сразу, см.: Д. Мэйджс. Пергам стал провинцией под игом римских публиканов (Op. cit. P. 33). В другой своей работе (написанной ранее!) М.И. Ростовцев пишет, что царь решил передать страну Риму, опасаясь, что сам не сможет защитить её от всевозрастающей анархии, охватившей Малую Азию, и признаёт, что римляне мало заботились о процветании своих новых владений (Общество и хозяйство в Римской империи. Т. 1. СПб., 2000. С. 26). С последним утверждением спорить невозможно, но тезис об анархии на полуострове выглядит бездоказательным. Да и сил у Пергама было достаточно, чтобы противостоять соседям, – в этом могли убедиться его традиционные враги галаты и вифинцы.

⁵⁸⁵ Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. II. P. 596, 604.

оснований опасаться будущего. Как отметил А. Шервин-Уайт, эта версия была бы убедительнее, если бы Аттал жил двадцатью годами позже⁵⁸⁶.

5. К предыдущей близка позиция Р. Макшейна. Вслед за Дж. Свэйном⁵⁸⁷ он полагает: Аттал ожидал, что Рим будет покровительствовать грекам, защитит их от давления враждебного им Востока и на много веков установит верховенство эллинской культуры на Ближнем Востоке⁵⁸⁸. Не особо веря в римский альтруизм, царь внёс в завешание пункт об автономии города Пергама⁵⁸⁹.

Объяснение довольно наивное: римлянам не было никакого дела до распространения греческой культуры на Восток, да и едва ли Аттал вообще думал об этом.

6. Завешание объясняется традиционной проримской политикой Пергама, а также тем, что пергамцы были обязаны Риму за его победу над галатами. Да и присоединение царства было неизбежно как центра для контроля над Малой Азией⁵⁹⁰. Версия неубедительна. Если бы Аттал завещал царство Аристонику, тот тоже вынужден был бы проводить такую же проримскую политику.

7. Особняком стоит версия Р. Виппера: возможно, царь задолжал римским «капиталистам» и вынужден был отдать им свой залог – всю свою страну⁵⁹¹.

⁵⁸⁶ *Sherwin-White A.N.* Roman Involvement in Anatolia... P. 66.

⁵⁸⁷ *Swain J.W.* The Ancient World. Vol. 2. P. 234.

⁵⁸⁸ *McShane R.B.* The foreign policy of the Attalids of Pergamon. Urbana, 1964. P. 194, 198. Ранее подобную мысль высказал Л. Педроли – союз Атталидов с Римом спасал эллинизм Малой Азии (*Pedroli L.* Il regno Pergamo. Torino, 1896. P. 4. Позже – см.: *Great Events from History. Ancient and Medieval Series.* Vol. 1. P. 487).

⁵⁸⁹ *McShane R.B.* Op. cit. P. 194.

⁵⁹⁰ *Last H.* Op. cit. P. 102.

⁵⁹¹ *Bunneper P.* Очерки истории Римской империи. М., 1908. С. 38.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.